

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2020

УДК 811.16'42'27:398.9(=16)

Славянская фразеология и паремиология в языке и речи : сборник научных статей / редкол.: О. Н. Мельникова (отв. ред.) и [др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – 204 с.
ISBN 978-985-577-687-2

В сборнике представлены статьи, отражающие результаты исследований славянской фразеологии и паремиологии молодыми учеными – аспирантами, магистрантами, бакалаврами, студентами, а также статьи, отражающие результаты исследований, проведенных молодыми учеными совместно с научными руководителями. В центре научного интереса семантические и функциональные характеристики фразеологических и паремиологических единиц, закономерности объективации лингвокультурных концептов во фраземах и паремиях, фразеологическая и паремиологическая неология, диалектная фразеология и паремиология, этнокультурная специфика славянских фразеологизмов и паремий, выявляемая в сопоставлении с устойчивыми выражениями иных языковых культур.

Адресуется специалистам в области лингвистики, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра науки и культуры в Гомеле

Редколлегия:

О. Н. Мельникова (отв. ред.), Е. В. Ничипорчик,
И. Г. Гомонова, А. Л. Стрижак

Рецензенты:

доктор филологических наук О. А. Лещинская,
кандидат филологических наук Л. В. Кулик

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-687-2

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аксёничкова-Бирюкова А. А.</i> Русские и китайские фразеологизмы, выражающие состояние радости.....	5
<i>Алейник Р. Д.</i> О функционировании фразеологизма <i>брать / взять за душу</i> в публицистических текстах (на материале Национального корпуса русского языка).....	9
<i>Амельченко Е. А., Холявко Е. И.</i> Формулы приветствий в христианском речевом этикете.....	16
<i>Басова Т. А.</i> Символизм компонента <i>лицо / као</i> в русской и японской фразеологии.....	23
<i>Бастрыгина Н. В., Есетова М. В., Назиров Д. Н.</i> Концепт «счастье» в пословицах и антипословицах.....	30
<i>Белодед В. А.</i> Семейно-бытовые отношения в зеркале русских и китайских устойчивых выражений.....	34
<i>Большунова И. И.</i> Отражение «мысли народной» в рассказах В. М. Шукшина 70-х гг. через призму паремиологических единиц	40
<i>Бурьяк О. А., Мельникова О. Н.</i> Персонафикация жизни в устойчивых сочетаниях русского языка.....	48
<i>Вознесенская У. А.</i> Особенности крылатых выражений из советских кинокомедий.....	55
<i>Волкова С. А., Калиш Д. В.</i> Топонимические фразеологизмы предметного класса в современном русском языке.....	60
<i>Галынская А. А.</i> Русские фраземы в лексико-фразеологическом поле «деньги, платежи и финансовые операции».....	64
<i>Гридасов А. К.</i> Способы передачи значения русских фразеологизмов на английский язык (на материале переводов произведений А. П. Чехова).....	71
<i>Грищенко Е. С.</i> Устойчивые выражения с компонентами-названиями растений в русском языке.....	76
<i>Гуркова О. С.</i> О некоторых неофраземах, восходящих к сфере электронных коммуникаций.....	82
<i>Завтрикова П. С.</i> Семантическая специфика сочетания <i>дорога жизни</i>	86
<i>Калиш Д. В., Скотникова А. Д.</i> Безэквивалентные гендерные фразеологизмы предметного класса в современном русском языке.....	93
<i>Каминская А. Ф., Муваракова А. В.</i> Концепт «женщина» в русских антипословицах.....	99
<i>Ковалевич Н. И.</i> Репрезентация концептов «дух», «душа» в устойчивых сочетаниях с семантикой смерти (на материале Национального корпуса русского языка).....	105

<i>Лапатинский П. В.</i> Бинарные оппозиции в паремиологическом фонде русского языка: гендерный аспект.....	108
<i>Латицкая Н. И., УЦзюнь</i> Русские фразеологизмы с компонентом <i>язык</i> , обозначающие отсутствие речевой деятельности.....	113
<i>Лобанович А. В.</i> Употребление компонентов фразеологизмов и паремий в названиях торговых объектов Гомеля.....	118
<i>Лушковская А. О.</i> Русские пословицы и антипословицы со словом-компонентом <i>любовь</i>	125
<i>Пімінёнкава Т. В.</i> Прыказкі і прымаўкі Гомельшчыны.....	130
<i>Разумная А. В.</i> Российские словари крылатологии и афористики XXI века.....	135
<i>Романаускас Е. В.</i> Имя собственное в составе белорусскоязычных паремий.....	143
<i>Симончук О. А.</i> <i>Лучше синица в руке, чем журавль в небе</i> (функциональный аспект).....	148
<i>Скалаух А. Н., Лотова И. С.</i> Трансформация концепта «дурак»: от традиционных паремий к антипословицам.....	157
<i>Слівец В. Р.</i> Анамастычная перыфраза як адзінка другаснай намінацыі (на моўным матэрыяле беларускай мастацка-біяграфічнай прозы).....	162
<i>Солонец Е. С.</i> Лексикализованное предложно-падежное сочетание <i>в юбке</i> в художественных текстах (на материале Национального корпуса русского языка).....	170
<i>Степаненко А. П.</i> Фразеология в лирических произведениях Сола Моновой.....	179
<i>Столярова А. Н.</i> Клиповое мышление и неофразеология (на материале русского и белорусского языков).....	184
<i>Чжао Сыминь</i> Русские пословицы с компонентом-зоонимом, вербализующие концепт «лукавство».....	189
<i>Яблонская О. Г., Новик В. В.</i> Об особенностях употребления фразеологизмов в художественных текстах.....	196
<i>Янь Цзяи</i> Фразеологизм <i>бабье лето</i> в русской поэзии (на материале Национального корпуса русского языка).....	200

А. А. Аксёникова-Бирюкова

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ РАДОСТИ

В данной статье рассматриваются философские и религиозно-мифологические предпосылки образования фразеологизмов, передающих состояние радости, в русском и китайском языках; анализируются фразеологизмы, раскрывающие способы выражения радости и ее влияние на человеческий организм.

Ключевые слова: фразеологизмы, радость, русский язык, китайский язык.

Фразеологические единицы, представляя собой произведения народного творчества, являются исключительным явлением. В них присутствуют многочисленные сведения о быте, психологии народа, особенностях его мировоззрения. Данные выражения передают мудрость народа, духовные ценности, знания и представления об окружающей действительности.

Цель данного исследования – выявление и описание русских и китайских фразеологических единиц, выражающих состояние радости. Материал для исследования извлечен путем сплошной выборки из словарей: «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля [1], «Фразеологический словарь русского языка» М. И. Степановой [2], «Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений» О. М. Готлиба [3], «Лучшие китайские пословицы и поговорки. Словарь-справочник» О. Н. Кун [4], «Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок» Пэн Бо [5].

Русский фразеологический фонд складывался веками. В нем, как в зеркале, нашло отражение религиозно-мифологическое восприятие мира русским человеком. На философское отношение к сути радости значительное влияние оказала православная вера. Большое внимание во фразеологизмах русского языка уделяется тому, как эмоция радости отражается на поведении человека, его внешности.

В религиозно-мифологическом восприятии русского человека всегда существовало противопоставление «верх – низ». Верх представляет собой небесный рай, божественный мир, низ же связан с преисподней и темными силами. Искренняя радость делает человека легким, позволяет парить в небесах, приближая его к Богу. Отсюда

следующие выражения: *быть в приподнятом настроении; земли не чувствовать от радости*. Радостный человек словно выходит из своей тленной земной оболочки, не обращая внимания на то, что происходит вокруг него, и полностью доверяется Богу, окрыленный его любовью.

В мифологии распространено представление о нескольких слоях неба, на последнем из которых и помещается Рай. Затем данный образ седьмого неба, как высшей степени блаженства, нашел применение и в христианской литературе. В связи с этим в сознании русского человека тот, кто преисполнен радости, оказывается в Царстве Небесном, рядом с ангелами и Богом: *быть на седьмом небе от радости; на верху блаженства*. Отсюда у радостного человека возникает желание прыгать, чтобы достичь небесного блаженства: *прыгать от радости, танцевать от радости*.

Душа – это дыхание Бога. От того, в каком состоянии находится душа, зависят ум, воля и чувства человека. В представлении русского народа, в соответствии с православной традицией, распространено мнение, согласно которому сердце представляет собой часть человеческой души, средоточие всех чувств и настроений человека, в том числе и радости. Душа, таким образом, представляет собой орган, находящийся в груди и отвечающий за внутренний мир человека. В связи с этим в русских фразеологизмах одновременно могут использоваться оба понятия – *сердце* и *душа*: *душа (сердце) поет, душа (сердце) радуется*.

Радостное состояние благоприятно сказывается на людях. Оно даже способно продлить им жизнь: *от радости и старики со старухами помолодели; радость прямит, кручина кручит*. Интересен тот факт, что радость влияет на волосы человека: *от радости кудри вьются, в печали секутся*. Волосы в славянской мифологии имели огромное значение. Считалось, что в них сосредоточены жизненные силы человека, а также мудрость и память предыдущих поколений; кроме того, они символизировали счастье и богатство. Нездоровые, секущиеся волосы указывают на имеющиеся у человека проблемы со здоровьем и утрату им энергетической связи с предками.

Однако неконтролируемая, бурно выражаемая радость может навредить человеку: *умереть со смеху, надрываться от смеха, лопнуть от смеха*. Разумеется, такие выражения используются для обозначения безудержной радости. Безудержная радость может стать причиной головокружения и других неприятных последствий: *от радости голова вскружилась, дух сперся*. Следовательно, в несдержанной радости страдает Дух и разум человека.

В китайской культурной традиции радость нашла отражение во многих фразеологизмах, в которых запечатлен исторический опыт китайского народа, его мировоззрение, фаталистический взгляд на судьбу, складывающийся под влиянием древнекитайской мифологии и двух религиозных концепций – даосизма и конфуцианства.

Несмотря на то, что конфуцианство выделяло положительные и отрицательные эмоции, оно считало, что все они идут от низменных инстинктов. Конфуцианство призывает людей подавлять свои эмоции, подчинять их разуму. Кроме того, эмоции, по мнению конфуцианских теоретиков, являются помехой для адекватного восприятия человеком существующей действительности, способствуют развитию в нем дурных наклонностей, толкают на совершение необдуманных поступков. В связи с этим, 君子 jūnzǐ – ‘*благородный муж*’ – идеальная личность, обладающая пятью добродетелями: гуманность, благопристойность, справедливость, мудрость и верность – обязан сдерживать свои эмоции, даже радость.

В конфуцианстве был сформирован один из ключевых принципов, в основе которого находится идея необходимости избегать крайностей во всех проявлениях: 中庸之道 zhōng yōng zhī dào – ‘*принцип золотой середины*’. Это правило касалось также выражения человеком своих чувств: 不偏不倚 bùpiān bùyǐ – ‘*быть беспристрастным, не отклоняться ни в ту, ни в другую сторону*’. Человек всегда должен оставаться спокойным и ни в коем случае не попадать под власть эмоций. Все должно находиться в равновесии, гармонии, в противном случае радость легко может превратиться в горе: 乐极生悲 lè jí shēng bēi – ‘*беспредельная радость приводит к печали*’.

Так как нормами конфуцианской морали предписывалось «сохранять лицо», то есть заботиться о своем добром имени и достоинстве и сдерживать свои эмоции, для китайцев не характерно бурно выражать радость: 心花怒放 xīn huā nù fàng – ‘*цветы сердца бурно расцвели*’.

Радость-гармония является естественным состоянием человека, и поэтому всплески этой эмоции, несмотря на предписания, трудно держать в себе: 乐不可支 lè bù kě zhī – ‘*радость невозможно удержать*’; 喜不自胜 xǐ bù zì shèng – ‘*обрадоваться, не сдерживая себя*’. Радость в первую очередь отражается на лице человека: 满面春风 mǎn miàn chūn fēng – ‘*с веселым и приветливым лицом*’; оно оживает и начинает двигаться: 眉飞色舞 méi fēi sè wǔ – ‘*брови летают, лицо танцует*’. Выражение эмоции осуществляется бурно, человеку хочется прыгать и танцевать: 欢呼雀跃 huān hū què yuè – ‘*прыгать от радости*’; 手舞足蹈 shǒu wǔ zú dǎo – ‘*пуститься в пляс от радости, прыгать от восторга*’. Иногда радость проявляется как повышенная

возбужденность: 抚掌大笑 fǔ zhǎng dà xiào – ‘хлопать в ладоши и сильно смеяться’; 拍案叫绝 pāi àn jiào jué – ‘стучать по столу и кричать браво’. Неконтролируемая радость сказывается на мышлении человека, вызывая головокружение, ухудшение памяти: 得意忘形 dé yì wàng xíng – ‘добиться желаемого и забыть обо всем’.

В китайских медицинских трактатах выделяется семь базовых эмоций (радость, печаль, гнев, страх, любовь, отвращение и вожделение): 七情六欲 qī qíng liù yù – ‘семь чувств, шесть страстей – человеческие эмоции’. Китайские медики отмечали благотворное влияние чувства радости на человеческий организм. 一日三笑, 不用吃药 yī rì sān xiào, bù yòng chī yào – ‘улыбаясь три раза каждый день, не нужно принимать лекарство’. 苦苦恼恼有了病, 嘻嘻哈哈活了命 kǔ kǔnǎo nǎo yǒule bìng, xīxīhāhā huóle mìng – ‘печаль приводит к болезни; смех полезен для жизни’; 笑口常开, 无病无灾 xiào kǒu cháng kāi, wú bìng wú zāi – ‘часто смейся, и у тебя не будет болезней и бед’ Радость при этом олицетворяется с покоем и умиротворением: 安乐 (ānlè) в значении ‘спокойно и радостно’.

Интересен тот факт, что радость ассоциируется в сознании китайцев с водой: 喜气洋洋 xǐ qì yáng yáng – ‘океаны радостного духа’. С одной стороны, вода является первой из пяти основных стихий, она также соответствует женскому началу *инь*, являясь символом жизни и детородным началом. С другой стороны, водной стихии в китайской космогонии соответствует север, правителем которого был Чжуаньсюй. Существует поверье, что в юности владыка Севера, обладал чудесными музыкальными инструментами – цинь и сэ, звучание которых является символом гармонии. В древнекитайском языке иероглиф 乐 (lè) имел два значения ‘музыка’ и ‘радость’. Главным достоинством музыки древние китайцы считали согласованность звучания. Музыка, по мнению китайцев, определяет великую сущность, выражающую гармонию *инь* и *ян*, неба и земли. Назначение музыки – приносить радость всем жителям Поднебесной. Это свидетельствует о том, что в китайском миропонимании радость является основным чувством, воплощающим гармонию жизни.

Русские и китайские фразеологизмы, выражающие состояние радости, формировались под воздействием различных философских и религиозно-мифологических взглядов на мир, однако анализ фразем обоих языков позволил выявить общие черты: радость благотворно сказывается на здоровье людей, однако чрезмерное проявление этого чувства вредит человеку; передача эмоции *радость* осуществляется через танцы, прыжки, смех, улыбку.

В ходе исследования определены также и национально-специфические черты: в китайской лингвокультуре радость ассоциируется со спокойствием, гармонией и музыкой; согласно принципу

золотой середины (中庸之道 zhōng yōng zhī dào) человек должен сдерживать проявление радости. В сознании русских людей тот, кто преисполнен радости, оказывается в Царстве Небесном, рядом с ангелами и Богом; сердце и душа являются местом локализации радости.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2009. – 640 с.
2. Степанова, М. И. Фразеологический словарь русского языка / М. И. Степанова. – СПб. : Полиграфуслуги, 2005. – 608 с.
3. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь : около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Хуаин Му. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – 596 с.
4. Кун, О. Н. Лучшие китайские пословицы и поговорки. Словарь-справочник / О. Н. Кун. – М. : Язык, 2007. – 84 с.
5. Пэн Бо «新编成语谚语俗语歇后语手», 2009 = «Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://twirpx.comfile/478391/>. – Дата доступа : 14.09.2020.

This article examines the philosophical and religious-mythological prerequisites for the formation of phraseological units that convey the state of joy in the Russian and Chinese languages; the phraseological units that reveal the ways of expressing joy and its influence on the human body are analyzed.

Keywords: phraseological units, joy, Russian, Chinese.

УДК 811.161.1'37'42

Р. Д. Алейник

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

БРАТЬ / ВЗЯТЬ ЗА ДУШУ

В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

(на материале Национального корпуса русского языка)

В статье анализируется употребление фразеологической единицы «брать / взять за душу» в публицистических текстах. Источником материала послужил Газетный корпус Национального корпуса русского языка. Выявляются типичные синтагматические связи фразеологизма в публицистических текстах, подтверждающие словарную характеристику валентностей фразеологической единицы.

Ключевые слова: фразеологизм, словарь, публицистический текст, употребление, сочетаемость.

Одним из базовых свойств психики человека является способность реагировать на раздражители извне. Такая реакция может проявляться в виде радости, печали, страха, грусти, удивления и иных чувств. В любом языке есть лексические единицы, служащие для обозначения разного рода эмоций и окрашенных эмоциями отношений. Помимо собственно слов, в каждом языке есть и устойчивые сочетания, служащие данной цели. Таким сочетанием в русском языке является фразеологизм *брать / взять за душу*. Данный фразеологизм используется носителями языка наряду с другими синонимичными обозначениями глубокого впечатления, которое получает человек от чего-либо увиденного или услышанного. В электронном словаре синонимов В. Н. Тришина в синонимическом ряду с выражением *брать за душу* обнаруживаем следующие языковые единицы: *входить в сердце, хватать за сердце, забирать за живое, хватать за душу, доходить до сердца, задевать за живое, брать за живое, приводить в волнение, брать за сердце, входить в душу, трогать, волновать, задевать, затрагивать за живое, затрагивать* [1]. Этот ряд, как мы убедились при обращении к другим источникам, может быть продолжен. На сайте sinonim.org приведены 19 синонимов к выражению *брать за душу*, причем каждый из синонимов сопровождается информацией о частотности его употребления в речи. Выделим только те обозначения, которые дополняют указанный выше список: *возбуждать, тревожить душу, вызывать душевное волнение, вызывать глубокие переживания, входить в душу*. Разумеется, такое разнообразие обозначений эмоциональных рефлексий на то, что не может оставить человека равнодушным, для приверженцев идеи «уникальности русской души» наверняка могло бы послужить хорошим доказательством верности их убеждений. Думаем, однако, что для такого рода заключений необходимы сопоставительные исследования, которые подтвердят состоятельность или, напротив, докажут несостоятельность тезиса об уникальности русской души.

Известно, что, являясь по определению «неизменными» единицами языка, фразеологизмы в речи все же подвергаются разного рода трансформациям. Особенно активно в наше время обращаются к фразеологизмам с явной установкой на языковую игру создатели публицистических текстов. В связи с отмеченной тенденцией закономерен вопрос, все ли фразеологизмы «подвижны» в условиях современной коммуникативной ситуации.

Проследим, как живет в публицистическом дискурсе один из самых «душещипательных» русских фразеологизмов *брать / взять за душу*. В качестве источника фактического материала был использован Газетный корпус Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2].

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А. И. Фёдорова отмечается, что данная фразеологическая единица характеризуется разговорной экспрессивной коннотацией [3]. Можно предположить, что авторы публицистических текстов, используя коннотированное принадлежностью к разговорному стилю выражение *брать / взять за душу*, стремятся к деофициализации речи. Однако с учетом того, что начавшийся еще в 90-е годы и не ускользнувший от внимания лингвистов процесс стирания грани между обыденным и институциональным общением [4, с. 6] уже настолько вошел «в плоть и кровь» современной публицистики, при оценке употребления названного фразеологизма точнее будет сказать о желании публицистов использовать, прежде всего, экспрессивный потенциал данного языкового выражения. Эмоционально-экспрессивная коннотация фразеологизма находится в соответствии с желанием публициста «интимизировать» общение, открыть адресату информацию о сокровенном.

Неслучайно, на наш взгляд, предпочтительной грамматической формой главного компонента фразеологизма при его употреблении в публицистических текстах является форма настоящего, а не прошедшего времени: *На одном из концертов, когда я начинала ее петь, вокруг сцены неизменно стояли 16-летние девчонки и плакали. Она из тех, которая берет за душу и остается вечно. Получить такую песню от судьбы – это счастье* (А. Шевелева. Трогательно, когда из зала поют украинские песни с русским акцентом // Известия, 2012.11.21) [2]; *Он берет за душу даже сейчас, когда «Наутилус» не выпускает альбомы, 1990-е давно позади, а младшего Сергея Бодрова уже нет в живых* (Н. Морозов. Смотрите кино // Известия, 2010.12.25) [2]; *Нетвердый голосок и образ легкоранимого юноши у вовсе уже не юноши Кашина иных берет за душу, а других, как говорится, с души воротит* (М. Марголис. Имитация любви // Известия, 2006.08.25) [2]. Своеобразным сигналом публицистического текста как письменного текста является функционирование фразеологизма *брать / взять за душу* с причастной формой главного компонента. Количественное соотношение употреблений фразеологизма с причастной формой главного компонента по отношению к употреблению с иными формами – 31 к 33: *Как не процитировать берущее*

за душу послание, отправленное одной из жертв, студенткой из России, которая приехала в Ниццу как раз перед трагедией (Президент Франции процитировал письмо погибшей в Ницце россиянки // lenta.ru, 2016.10.15) [2]; Что до прочих песен, то среди них стоит выделить самокритичную и забавную песню *I Am the Drummer (In a Rock n'Roll Band)*, *Fight Club* с проникновенной гитарой Боба Гелдофа и **берущим** за душу саксофонным соло, романтическую *Be My Gal (My Brightest Spark)* и рок-боевик *Up*, отчасти напоминающий о золотых временах *Queen* — и в то же время спетый очень похоже на Дэвида Боуи (А. Липатов. Роджер Тейлор призывает радость на планету Земля // Известия, 2013.11.14) [2]; Или в то, что самые пронзительные, **берущие** за душу соло на трубах, саксофонах и тромбонах записывали весельчаки из духовых секций «Ленинграда» и *Markscheider Kunst* (А. Певчев. «Резонанс» для своих // Известия, 2014.03.20) [2].

Лексико-грамматический вариант фразеологической единицы с глаголом совершенного вида *взять за душу* в Газетном корпусе НКРЯ представлен в небольшом количестве — 7 фиксаций. Это, скорее всего, вызвано тем, что фразеологизм используется обычно для обозначения продолжительного, не одномоментного действия. Случаи, когда глагольный компонент исследуемого фразеологизма представлен глаголом совершенного вида, привлекают внимание тем, что именно в таком варианте употребления глагольный компонент фразеологизма принимает безличное значение: *Дословно я не приведу речь Генриховича и Игоря Корнеева. Но очень за душу взяло. Мол, играйте друг за друга, одним кулаком* (О. Сокол, С. Егоров. Что скажут Бородюк и Корнеев? У сборной, похоже, появилась традиция — эмоциональные установки помощников Хиддинка // Советский спорт, 2008.06.18) [2]; *Николаич сбежал из больницы. Для публики исполняет анекдоты непечатного содержания. А мне (я всего-то и спросила: «Дедушка Василий, а какая у вас любимая песня?» — но, видно, деда за душу взяло) грустно затянул по-украински песню Гнатюка* (Е. Савоничева. «Приходите завтра на «магнитку»!». 600 километров дороги и 18 часов жизни — за «Металлург» // Советский спорт, 2011.03.29) [2]; *Банька хорошо снимает напряжение. Книги очень отвлекают (если взяло за душу — обо всем забываю). А еще я очень люблю кроссворды. Обожаю их* (Ю. Жуковская. А. Булдаков, актер: Ну, за чувство меры! // Комсомольская правда, 2002.11.20) [2].

Фразеологизм подвержен инверсии компонентов, и таких случаев больше четверти (19 фиксаций) в общем количестве зафиксированных в Газетном корпусе НКРЯ употреблений: *Россиянина и, кстати*

сказать, американца, о чем свидетельствуют попавшие в финскую печать откровения аккредитованных в Хельсинки дипломатов США, **за душу берет** еще и другое – безопасность: тут нет «плохих» и «хороших» районов, не существует времени суток, когда лучше воздержаться от прогулки или поездки, в дебрях лесов можно разве что заблудиться, но вот встретиться с лихим человеком – просто невыносимо (П. Волпянский, соб. корр. «Труда». «Мое» и «наше» уживаются неплохо // Труд-7, 2002.05.22) [2]; *Фантастические панорамные съемки, буквально за душу берущие* тексты на общепринятом английском, выступления высоких руководителей, каких только гарантий не дающих и чего только не обещающих... (Н. Долгополов, спец. корр. «Труда». Кто оседлает олимп? // Труд-7, 2003.06.24) [2]).

В словарной дефиниции фразеологизма *брать / взять за душу* указано, что фразеологизм сочетается с существительными со значением отвлеченного предмета (*песня, выступление, рассказ, повесть, музыка* и др.) [5]. Отмеченная в словарной статье сочетаемость исследуемого фразеологизма с существительными определенной семантики подтверждается материалами НКРЯ. Существительные, с которыми сочетается фразеологическая единица *брать / взять за душу* в публицистических текстах, как правило, служат обозначениями следующих объектов:

1) музыкальное произведение (как правило, *песня*): *Через какое-то время всех примиряет деревенская гармошка и берущая за душу русская песня* (Л. Лебедина. Затяжной прыжок // Труд-7, 2007.10.09) [2]; *Ноггано стал шире: в его новом репертуаре не только криминальные похождения и сибаритская ода дивану, но и берущая за душу казачья песня «Ствол за пояс», и баллада «Роза ветров», написанная словно полвеком раньше* (А. Зайцев, А. Кожевникова. Голова Ноггано // lenta.ru, 2017.01.28) [2];

2) художественное произведение: *Вот уже не одно десятилетие прошло, несколько поколений сменилось, а «Тёркин» продолжает брать за душу* (А. Добровольский. Эксперт объяснил, почему Владимира Путина берет за душу «Василий Тёркин» // Московский комсомолец, 2016.06.22) [2]; *Как только не причитали: человек, ставивший когда-то гражданственную, эпическую, берущую за душу прозу Федора Абрамова, обратился вдруг к пустому пересмешинику Владимиру Сорокину* (М. Давыдова. Такие больше не растут // Известия, 2004.06.30) [2];

3) телевизионная передача, спектакль, фильм, а также часть киноили телепродукции, театральной постановки: *Берет за душу ставшая естественным продолжением фильма полная драматизма передача*

о С. Бондарчуке с участием его жены, детей, друзей (Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7, 2001.01.18) [2]; Так, Петр Фоменко в День Победы показывал со своими артистами пусть и не новый, но по-прежнему **берущий за душу спектакль** «Одна абсолютно счастливая деревня», в котором простая крестьянка после гибели мужа берет в дом военнопленного немца (Л. Лебедина. А может, «заигрались»? // Труд-7, 2005.05.11) [2]; А потом вдруг отгрохал на сцене Театра на Малой Бронной внушительный **спектакль** «Много шума из ничего» – умный, концептуально выстроенный, с **берущим за душу финалом** и звездами в главных ролях (Яблочки и яблони // Труд-7, 2008.04.24) [2];

4) публичные речи, истории, разговоры: Зная повадки Обамы, я не испытываю и тени сомнения: его **выступление** будет потрясающим, трогательным, **берущим за душу** (М. Ростовский. Должен ли Обама извиниться за Хиросиму // Московский комсомолец, 2016.05.27) [2]; Скандал разразился, когда сразу 12 американских газет опубликовали **текст берущего за душу послания** о любви иракского народа к своим освободителям (А. Кабанников. «Для американцев в Ираке – рай!» // Комсомольская правда, 2003.10.16) [2]; Окружили её сплетнями. И пустыми, злыми **разговорами берет за душу**. И опять попадание в яблочко! Домохозяйки рыдают (М. Ремизова, Р. Мурашкина. Последняя гастроль Примадонны: Шоу должно продолжаться! // Комсомольская правда, 2009.04.11) [3]; У вас есть подобная, **берущая за душу история**? Расскажите ее на нашем сайте (Е. Симохина. «КП» – Волгоград». Мамаша подбросила другой женщине троих детей // Комсомольская правда, 2008.11.19) [2].

Весьма эпизодичны в сочетании с фразеологизмом *брать / взять за душу* в Газетном корпусе НКРЯ иные по семантике существительные: *Провожать нас с Поклонной горы стало хорошей традицией, и каждый раз это очень волнительно. Такие **проводы берут за душу**, уж поверьте...* (М. Вальтфогель. Паралимпийцев проводили в Ванкувер // Советский спорт, 2010.02.19) [2]; *При желании и известной тонкости натуры вполне можно отыскать **цветы** «правильные», нежные, **за душу берущие** и ароматом волнующие* (Варсегов-Грачева. Не всякий гусар понимает, за что любят дамы цветы // Комсомольская правда, 2012.03.05) [2].

Есть и такие случаи употребления фразеологизма, когда то, что *берет за душу*, обозначено / названо описательно в предшествующем контексте, а в сочетании с фразеологизмом используется личное или указательное местоимение, реализующее заместительную функцию: *Мы ничего не цензурировали, **ролик** нам понравился, все люди в нем –*

*достойные и известные. Видео разместили не только на нашем сайте, но и показали в ночных клубах Гродно. Насколько он эффективен – никто не изучал, думаю, это покажет время. Возможно, кого-то он заставит задуматься, кого-то **возьмет за душу*** (Т. Шахнович. Мулявин и Цой призваны ГАИ Гродно уменьшить аварийность на дорогах // Комсомольская правда, 2012.08.15) [3]; *Но все равно это особое чувство – увидеть вашу грандиозную страну не из иллюминатора самолета, а совсем близко, из окна поезда. **Это берет за душу!** Когда я приезжаю сюда, то ощущаю глубочайшую связь наших музыкальных корней* (М. Кабалье: «В России меня воспринимают как свою» // РБК Daily, 2006.10.19) [2]. В одном из контекстов местоимение в сочетании с фразеологизмом *брать за душу* указывает на лицо, однако здесь можно усматривать переносную по смежности реализацию дейктической функции (музыкант (он) → исполнение (им) музыкальных произведений): *А уличный музыкант по определению не может быть профессионалом: у него другой жанр, он должен **брать за душу*** (Я. Шенкман, К. Кнорре-Дмитриева. «Уйдем в подполье или уедем». Уличные музыканты неожиданно для себя оказались на переднем крае политической борьбы // Новая газета, 2016.09.14) [2].

Итак, авторы публицистических текстов, используя фразеологизм *брать / взять за душу*, отсылают читателя к ситуациям эмоциональных реакций на то, что, как правило, имеет отношение к культуре, творчеству. Стремление к креативному использованию языковых ресурсов, как видим, не является самоцелью: не любой фразеологизм становится материалом для смелых экспериментов с его формой и содержанием.

Список использованных источников

1. Тришин, В. Н. Словарь синонимов. ASIS. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/244156. – Дата доступа : 30.10.2020.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 25.10.2020.
3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.; под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
5. Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М. : Астрель, АСТ, 1998. – 289 с.

The article analyzes the use of the phraseological unit “take / take by the soul” in publicistic texts. The source of the material was the Newspaper Corpus of the Russian National Corpus. Typical syntagmatic connections of phraseological units in publicistic texts are revealed, confirming the vocabulary characteristics of the valencies of the phraseological unit.

Keywords: phraseological unit, dictionary, publicistic text, use, compatibility.

УДК 811.161.1:[81'37:94]:81'367.622

Е. А. Амельченко, Е. И. Холявко

ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЙ В ХРИСТИАНСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Статья посвящена семантической реконструкции христианских книжных приветствий. Изучение глубинной семантики корня позволяет обосновать выбор коррелирующего русского слова для древнегреческого оригинала. Рассмотрена коммуникативная цель приветствия-хайретизма; определено его своеобразие; установлена связь между внутренней формой русского глагола и его функцией.

Ключевые слова: хайретизм, приветствие, христианство, речевой этикет, внутренняя форма, семантическая реконструкция.

В русском речевом этикете с особой силой проявились особенности православной культуры. Каждое русское приветствие – это слово, даже если оно беззвучное. Христианство подарило Руси разнообразие приветствий, поэтому по первым же произнесенным словам представлялось возможным определить вероисповедание чужестранца.

Народная традиция придает особое значение речевому этикету. Об этом убедительно свидетельствует иллюстративный материал основного, исторического, диалектного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка: *Ходем; я скажу: «Здравствуй»;* *ты рцы: «Милости пошли»* (Димитрий Ростовский. Рождественская драма. (Комедия на рождество Христово) (1702)); *Прошу я у вас гсдрь мои батюшъко пожалеи прикажи писат о своем многолетном здорове и о здорвье любещих тобою чего завс... о жел... ю сл.... и радоваться а о себе вам моему гсдрю доношу что я в Москве еще жив а пред уповаю на всещедраго бга и на ваше благословение <...> при сем писавый сын твой солдат гварди Семеновскаго полку Яковъ Сал-*

тыков благословения твоего к себе прошу и премного кланяюсь (Я. И. Салтыков. Я. Салтыков отцу И. М. Салтыкову (1731)); *Ну дальше хоть там чего сколько пропричитаешь, потом я наказывала своим родным: Уж передайте поклон да щеловечий-та Да моему да мужу милому, Да моему да сыну милому* (Обычай. Староверы (Архангельская область, 1996)); [Валерий Дьяченко, муж, 50, 1958, актер] *«Здравствуй/ дорогая маменька. Шлю я тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего/ а главное доброго здоровья* (Под синим куполом небес (Новоржев). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2008) // ТК «Культура») [1].

Приветствие могло быть вербальным или невербальным, но всегда являлось выражением доброжелательного, почтительного отношения: *И как я от него ис полаты вышел в другую полату, и в той полате паки меня кавалеры приветствовали, а я, им поклон отдав, пошел до кореты с помяненным кавалером Иосифом Маноелем* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)); *И сие у них творят честь воздаючи, ибо яко мы честь воздаем снемши шапки кланяющихся, тако у них в шапке; и противно аще бы нам в шапке кланятся, то безчестие тому, ему же кланяемся, тако у них без шапки кланятся безчестно* (А. Лызлов. Скифская история (1692)) [1]. Отсутствие приветствия при встрече или прощании является способом выражения отрицательного отношения к человеку: гнева, обиды [2, с. 22].

Понимая приветствие в его широком смысле как выражение приветия, то есть расположения, отмечаем, что обнаруженные при этимологическом и этнокультурном исследовании глубинные смыслы восточнославянской этикетной лексики позволяют сделать вывод о системе духовных ценностей и приоритетов предков современных восточных славян, включающей понятия «здоровье», «спасение (души)», «помощь и присутствие Бога», «благоденствие», «долголетие», «радость», «мир» (как состояние всеобщего спокойствия) [2, с. 288].

Христианские приветственные формулы являются книжным наследием. Это формулы-благопожелания с прозрачной внутренней формой: *Мир вам! С миром! Дай Бог мир! Бог в помощь! Многая лета!* и др. Особую группу составляют заимствованные христианские приветствия-хайретизмы, необычные для восприятия современным языковым сознанием. Их структура включает императив, призывающий радоваться, и обращение к сакральному субъекту, которое может сопровождаться описательным восхвалением.

Целью нашей работы является установление своеобразия русского аналога греческого приветствия-хайретизма *Радуйся!*

Греческое приветствие *хайре* 'радуйся' восходит к праиндоевропейскому корню, зафиксированному в санскритском *hary* 'быть довольным, веселым'. Приветствие *хайре* становится известным древнерусскому этикету благодаря текстам Нового Завета [2, с. 162]. Использование хайретизмов со времен античности было приемом гимнической и риторической поэтики. Сложная семантика этого приветствия позволяет переводить его трояким образом: *Здравствуй! И тотчас подошел к Иисусу и сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его; Да здравствует! (Слава тебе!) И стали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский!; Радуйся! (радуйтесь!) Они же <... > побежали возвестить об этом ученикам Его, и тут Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!* [2, с. 162–163].

Многочисленные хайретизмы (русские соответствия древнегреческому *хайрэ!* 'радуйся' как компонент восхваляющих обращений к деве Марии) содержатся в Богородичном акафисте Постной триоди [2, с. 163]: *Радуйся светило незаходимого света. Радуйся честная похвала иереем благоговейным. Радуйся яже девство и рождество сочетавши. Радуйся надеже благ вечных. Радуйся судии праведного умоление.*

Таким образом, хайретизм представляет собой обращение-восхваление, начинающееся со слова *Радуйся!* Л. Лутковский в своих переводах делает примечание: «Радуйтесь – это слово можно понимать и как обычное приветствие, и как призыв к радости о совершившемся событии» [3, с. 141].

Исследование этимона глагола *радоваться* дает возможность выявить обусловленность употребления в функции христианского приветствия этого глагола его глубинной семантикой. Внутренняя форма корня *рад-* объясняет функционально-семантическую связь, свойственную глаголу.

В современном русском литературном языке краткое предикативное прилагательное *рад* имеет значения: 'о состоянии особенной приподнятости, испытываемом кем-либо, связанной с оживлением (веселостью) и расположением к кому-либо или к чему-либо'; 'доволен'; 'счастлив'. Ю. Покорный производит праславянское **radъ* из праиндоевропейского **rōd-* / *rēd-* 'радостный', 'веселый', 'ободрять', находит соответствие с англосакс. *rōt-* 'радостный, веселый'; др.-исл. *rētask* 'становиться веселым, ясным' [4, с. 92–93]. При привлечении фактов санскрита значение архаичного корня становится очевидным:

rāddhá от *rādh*, *rādhyate* ‘расти’, ‘процветать’, ‘удовлетворять’; *ratà* ‘радующийся, находящий радость в чем-либо’ от *ram*, *rámate* ‘играть’, ‘радоваться’, ‘отдыхать’; *ra* ‘помогающий, способствующий’, *ravi* ‘солнце’ [5]. Вероятно, что и эти значения были производными, если принять во внимание значения родственных, но более далеких заимствованных слов *радий*, *радиус* с архисемой ‘луч’, подтверждающейся греческим и латинским языковым материалом. Скорее всего, сказывается совокупность вторичных, позитивно маркированных значений, развившихся на основе представлений о прямом, открытом, а значит, правильном, правом. «Типология формирования таких значений, как и противоположных, является языковой закономерностью» [6, с. 150].

Путь семантического развития корня *рад-* можно представить следующим образом: от обозначения состояния оживления, внутреннего согласия с внешним миром, формирующегося на базе исходных представлений о прямом, правильном (*радость*), к обозначению готовности проявить усердие, заботу (*рад*), затем к обозначению самого действия заботы, добра (*радеть*) и наконец к обозначению чувства удовлетворения, ощущения полноты жизни (*радость*). Причинно-целевой предлог *ради* воплощает смысл этой замкнутой цепи [6, с. 151].

Для христиан радость основана на ощущении Божьего присутствия, об этом неоднократно свидетельствует Библия: «Слыша Господь и помилова мя: Господь бысть помощник мой. Обратил еси плачь мой в радость мне, растерзал еси вретнице мое и препоясал мя еси веселием» (Пс. 29:11); «Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом владычным утверди мя» (Пс. 50:14); «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин.15:11).

Слово *радость* происходит из старославянского языка. С XI века оно фиксируется в церковнославянском языке русского извода в следующих значениях: ‘чувство душевного удовлетворения, веселия’; ‘веселие, торжество’. Встречаются также варианты *радование*, *радоуци*, *радьство* [7, с. 13–16]. В древнерусский период прослеживается тесная связь в семантике слов *радость* и *веселье*. Это объясняется книжным происхождением слова *радость*, возникшего в результате перевода греческих служебных книг. Однако в церковнославянском языке семантика слова трансформируется. «В древнерусских текстах *радость* представлена как *благодать*, исходящая от Бога, что соответствует значениям слова *χάρις* ‘благоденствие, милость, счастье’; такая благодать дает здоровье и силу, а это и есть счастье» [8, с. 239]. Авторы греческих текстов понимали радость в неразрывной связи

с понятием о счастье и здоровье, что соответствовало этимологической семантике корня *vesel-* < **vesel-* < и.-е. **ues-* ‘жить, пребывать’, ‘нежиться, есть, пировать’. Для старославянского *veselie* характерна была семантика ‘пир’. По этой причине лексемы *радость* и *веселие* могли заменять друг друга. Однако перевод цитаты Сираха в «Изборнике» 1076 г. имеет следующий вид: *несть веселия паче радости срьдъчьныя*. У Епифания Премудрого значения слов *радость* и *веселие* не отождествляются [8, с. 239–243].

Место приветствия-хайретизма не является фиксированным. Это может быть как начало: *Радуися Владычице, Ея же ради радости наполняемься, и жизнь наследуем* (Канон Богородице Акафисту), так и завершение: *Но яко имущи державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуися Невесто Невестная* (Канон Богородице Акафисту) [1].

Приветствие-хайретизм *Радуйся!* содержится прежде всего в цитатах из Священного Писания, а также в переводных произведениях и похвальных словах русским святым.

Можно заметить, что в обращениях к святым в приветствии *Радуйся!* преобладает хвалебная сема. С точки зрения современников, смысл этого приветствия – ‘Слава вам!’: *Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!* [9, с. 222].

В проповеди Лазаря Барановича, посвященной Рождеству Богородицы, наблюдается трансформация приветствия в упоминание о вселенской радости. Можно сопоставить начало Богородичной молитвы: *Богородице, дево, радуйся, Яко Спаса родила...* – и начало проповеди Лазаря Барановича: *Рождество твое, Богородице дево, радость возвести всей вселенней, церковь божественная воспевает в тропаре. Радость земле: раждаетъ бо ся яже породит сего, иже проклятую землю шествіем своим освятит, терніе еже аки проклята породи, в венец себе вземлет* [2, с. 166].

Разновидностью приветствия-хайретизма является инфинитивная форма *Радоватися* (о Господе): форма инфинитива не была такой категоричной, как форма повелительного наклонения. В современном русском языке взаимоотношения между двумя этими формами побуждения противоположные. Сейчас форма инфинитива является более категоричным волеизъявлением. В древности же именно инфинитив был более мягкой формой побуждения. Следы архаичного употребления можно найти в составе устойчивого словесного комплекса *Добро пожаловать*. Однако речевой этикет препятствовал обраще-

нию к собеседнику в форме императива. Поэтому форма обращения меняется с течением времени. В контекстах обнаруживаются и собственно приветствия в начале контакта, при встрече, и похвала, словословие. Интересно, что инфинитив *Радоватися* зафиксирован чаще в первой функции, а императив *Радуися* – во второй: *Пречестныя и великия обители <...> боголюбивому о Христе духовному брату Моисею иноку – первый во грешницех, последний въ человецехъ, многогрешный имярек с поклонною и изможденою главою, радоватися* (Посл. о хмеле, с. 244) [2, с. 168].

Радовати может употребляться вместе с другим приветствием религиозного характера, например: *Спаситися, Спасатися: Пречестнеше моему гсдрю отцу... Вениамину Афонасевичю о гсде радоватися і спасатися Івашко челом бью* (Монаху В. А. Кирпичеву от Ивашки); *Присному моему пречестному отцу, приведшему душу мою ко общему творцу, государю моему, паче же и благоприятелю моему, спаситися и радоватися* (Послание сына, «от наготы гневаго», к отцу) [2, с. 169].

Приветствие *Радовати* может сочетаться с формой *желаю* и быть аналогом этикетной формулы *Здравия желаю*. Однако использовалось сочетание *Радовати желаю* только при обращении к вышестоящим аналогично тому, как употреблялось *Здравия желаю* в ответ на *Здравствуйте*.

В письмах глагол *радовати* мог сочетаться с адресными формами личных местоимений *мне бы, нам бы* как самопожелание (*А нам бы слыша твое здорове дядюшка і о Иванушкове w Хрсте радоватися* (И. Ковригин – П. Т. Салтыкову)), или в форме *радуемся* мог использоваться как приветствие при встрече, получении приятных новостей [2, с. 170].

В оригинальных повествованиях приветствие *Радуися!* обычно появляется в специфическом контексте, связанном с сакральной сферой: *И се приде к ним от востока муж светел стар во одежди святительской, великимъ же светомъ сияя. И поклонися пред апостолы, глаголя: «Радуитесь, ученицы и апостолы господа нашего Иисуса Христа». И отвецаша ему апостолы апостолы: «Радуися и ты, угодниче Христовъ Николае»* [2, с. 165].

Сакральный текст обладает характерным свойством: он не направлен на получение новой информации. Необходимо, напротив, обладать знаниями для понимания текста. Главная функция такого текста обращение не столько к разуму, сколько к чувствам, что дости-

гается эстетической основой текста. Символическая неоднозначность усиливает воздействие сакрального текста.

Семантическая реконструкция, выявление этимологических связей проясняют концептуальные особенности древнего корня: значимость в христианских дискурсах, духовное наполнение, альтруизм, нерегулярность проявленной причины и т. д. Регулятивная и волюнтаристическая функции языка проявляются в древнерусских приветствиях-хайретизмах.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 23.10.2020.
2. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне) / Н. С. Гребенщикова. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 306 с.
3. Евангелие от Матфея / В пер. о. Леонида Лутковского // Литературная учеба. – 1990. – № 1. – С. 97–141.
4. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд. – Т. 2 : Панцирь – Ящур. – М. : Русский язык, 1999. – 560 с.
5. Кочергина, В. А. Учебник санскрита : учебник для высших учебных заведений / В. А. Кочергина. – М. : Филология, 1994. – 336 с.
6. Холявко, Е. И. Радости ради: к семантической реконструкции древнего корня / Е. И. Холявко // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. научн. статей. Вып. 5 / редкол. : Т. Н. Усольцева (гл. ред.), И. Н. Афанасьев, Н. В. Суслова ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 147–152.
7. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. 3. – Ч. 1. – М. : Книга, 1989. – 910 с.
8. Колесов, В. В. Древняя Русь : наследие в слове : в 5 кн. / В. В. Колесов. – Кн. 3 : Бытие и быт. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.
9. Повесть о Петре и Февронии / подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. – Л. : Наука, 1979. – 348 с.

The article is devoted to the semantic reconstruction of Christian book greetings. The study of the root's deep semantics allows us to justify the choice of a correlating Russian word for the ancient Greek original. The article considers the communicative purpose of greeting-haïretism; determines its originality; establishes the connection between the internal form of the Russian verb and its function.

Keywords: haïretism, greeting, Christianity, speech etiquette, the internal form, semantic reconstruction.

Т. А. Басова

СИМВОЛИЗМ КОМПОНЕНТА ЛИЦО / КАО В РУССКОЙ И ЯПОНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья исследует символизм, заложенный в номинативных фразеологических единицах русского языка с соматическим компонентом «лицо» в сопоставлении с фразеологизмами японского языка с эквивалентными компонентом-соматизмом. В процессе анализа выявляется ряд символов, заключенных в данном компоненте, таких как 'индикатор эмоций', 'репутация', 'человек' и других, и объясняется их лингвокультурологический подтекст, а на контрасте с фразеологизмами японского языка показывается, как через фразеологию выражается разница культур.

Ключевые слова: фразеология, соматизмы, коды культуры, лингвокультурология, символ.

Фразеология языка отображает его культурологический код, хранит яркие фрагменты исторического и культурного наследия [1], «консервирует» в устойчивых сочетаниях значимые образы и представления народа. Во фразеологическом многообразии каждого языка обширный пласт занимают единицы с соматизмами, которые несут определенный культурный подтекст. Телесный код – один из самых значимых кодов культуры [2, с. 182], так как изучение и освоение мира происходит у человека в первую очередь через тело. Как утверждает Г. И. Берестнев, человеку свойственно отождествлять свое внутреннее «Я» (ментальный и духовный план) со своим внешним «Я» (телом) [3, с. 15], подтверждение чему мы видим в высокой частоте использования соматизмов во фразеологии языков [4], в характеристиках, приписываемых частям тела и органам во многих культурах и, соответственно, в символизме соматических компонентов фразеологизмов.

Существуют определенные примитивные представления о работе органов, или «наивная анатомия», запечатленная в национальных языках: органы и части тела наделяются свойствами реального или мифологического характера, что отражается в идиомах, пословицах, поговорках и др. Человеческое тело – это не только биологический организм, а целая мозаика, в каждом кусочке которой раскрываются определенные символы, культурные архетипы, представления о мире. Спектр значений соматических единиц крайне широк: с помощью

соматических фразеологизмов описываются разнообразные явления мира, качества и свойства людей, их поведение и жизненный уклад, отношение к другим – иначе говоря, практически все формы бытия и деятельности человека. Таким образом, соматические компоненты в них выступают знаками, избранными для воплощения в них неких категорий, смыслов, ценностей культуры [2, с. 211].

Именно в процессе сопоставления фразеологических единиц разных языков становится наиболее четко видна специфика языковой и фразеологической картины мира родного языка и ее различия с языковыми картинами мира других лингвокультур, так как раскрываются национально-культурные ассоциации, создавая представление о мировосприятии и ценностях того или иного народа [5; 6]. Предметом анализа в данной статье послужили фразеологизмы русского и японского языков с компонентом *лицо* / *као*. В качестве материала для исследования из соответствующих словарей [7; 8] было отобрано 24 русских фразеологизма и 24 японских.

Анализ соматических фразеологических единиц с компонентом *лицо* в русском языке позволяет выделить следующий ряд признаков этого компонента в фразеологии русского языка:

1. Во-первых, *лицо* – это индикатор состояния человека (*на лице написано*). Оно может невольно выдавать то, что творится в душе. Чаще всего оно отображает эмоции и мысли, как негативные (*лица нет на ком-либо, лицо вытянулось, лицо кислое, краска сбегала с чьего-либо лица, тень пробежала по лицу*), так и позитивные (*лицо посветлело*). Фразеологизм *в поте лица* / *трудиться в поте лица* показывает, что *лицо* может отражать и физическое состояние, в данном случае напряжение, утомление от тяжелого труда, ведь оно не скрыто одеждой, и именно на нем капли пота очевиднее всего. *Лица нет на ком-либо* также может показывать физическое состояние, а не только эмоциональное потрясение, например, во время болезни или от физического переутомления или стресса. Но чаще – и то, и другое одновременно. См. пример употребления: «Тебе необходимо поспать, – внушала Алене Инна. – **На тебе лица нет.** Если ты еще немного побегаешь, то просто сломаешься». – «Нет, нет! – не слушала ее Алена. – Я должна быть рядом с Леной» (Д. А. Калинина. «Избушка на курьих ножках»). Очевидно, что именно взаимосвязанное сочетание внутренних переживаний персонажа и вытекающего из них физического истощения вызывают «отсутствие» или нездоровый вид лица.

2. Следующая категория фразеологизмов с компонентом *лицо* обозначает человека как такового, его образ или его облик. *Лицо* – это первое, на что при знакомстве обращают внимание, через *лицо* выра-

жается идентичность человека, лицо его репрезентирует, поэтому взаимодействовать с «лицом» означает взаимодействовать напрямую. В связи с этим существуют такие фразеологизмы, как *знать в лицо* (лично), *бросить в лицо* (сообщить прямо, лично, резко), *лицом к лицу*, *на одно лицо*, *рассказывать в лицах* (передавая личность персонажей), *к лицу* (о соответствии чего-либо человеку).

3. Лицо как элемент коммуникации: *обратиться лицом* и *повернуться лицом* показывают, что через лицо выражается внимание, наличие контакта, иногда – доброе расположение, открытость. Лицо, обращенное к чему-либо, – это первый шаг в коммуникации, контактоустанавливающий жест. См. пример: *Основное послание, содержащееся в единице, – научиться давать, забывая на время о своем «эго». Единица вас заставит повернуться лицом к миру и посмотреть, наконец, на других* (Л. Н. Мелик. «Фен-шуй по-русски»).

4. Лицо обозначает суть явлений и персонифицирует абстрактные и неодушевленные понятия: *смотреть прямо (смело) в лицо* (правде, опасности, смерти и т. п.), *перед лицом* (смерти, врага, проблем, катастрофы и т. п.). Абстрактные понятия оживают, когда у них появляется «лицо», смотрящее на нас, и с когнитивной точки зрения начинают подсознательно восприниматься как осмысленные, одухотворенные сущности, что, возможно, связано с наследием мифологического восприятия мира, когда считалось, что во всем есть душа или разумное начало – и у дерева, и у камня, и у темных сил, следствием вмешательства которых могут быть опасности и проблемы, и у физических явлений. Значит, с ними возможны и контакт, и общение, и встреча *лицом к лицу*. «Лицо» врага – это не лица отдельных людей, а собирательный образ противника в целом, одушевленное враждебное явление, опасность, с которой предстоит столкнуться, так как если у врага есть «лицо», значит, оно уже обращено к нам, мы начинаем чувствовать врага как цельную сущность. Лицо также имеет земля, и в выражениях *лицо земли*, *стереть с лица земли*, *исчезнуть с лица земли* снова прослеживается персонификация земли как одушевленной сущности (Земля-Матушка), поддерживающей материальный мир. В данном случае лицо земли соотносится также с пространственным кодом культуры, обозначая поверхность и земной мир в широком смысле. См. пример: *Кровь старика на лицо земли падала, и земля – она всем мать – эту кровь принимала и к самому своему сердцу несла* (А. В. Севостьянов. «Легенды и сказания Крыма»).

5. Следующая группа фразеологизмов связана с репутацией, мнением других. Человека в самую первую очередь судят по внешнему виду, по лицу, соответственно, если с «лицом» что-то не так, то чело-

век и воспринимается негативно, в связи с чем существуют такие выражения, как *ударить в грязь лицом*, *потерять лицо* и антонимичное выражение *сохранить лицо*. Когда с «лицом» все в порядке – это создает презентабельность и хорошее впечатление, поэтому мы можем *показать товар лицом*, если хотим придать чему-либо позитивный облик. Таким образом, лицо, его сохранность – это символ положительного восприятия в обществе.

Как считает Т. М. Гуревич, «система значений, реализуемых словом *као* ('лицо') в японском языке, в основном, совпадает с системой значений русского слова *лицо*» [9, с. 201]. Однако, если подробнее сопоставить русские и японские фразеологизмы с этим компонентом, то становится очевидно, что и различий не меньше, чем сходств.

1. Равно как и в русском, японские фразеологизмы с компонентом *лицо* демонстрируют, что оно выступает как индикатор состояния и эмоций (фразеологизмы-эквиваленты: *као ni kaite aru* – *написано на лице*). Но в отличие от русского языка, в японской фразеологии намного больше внимания уделяется цвету лица и даже температуре, т. е. физиологическим факторам, проявляющимся независимо от воли человека, тогда как, например, мимику и выражение глаз можно контролировать усилием воли. *Shiroi / aoi kao wo suru* – 'делать белое / синее лицо' (бледнеть, ужасаться, быть шокированным), *као no iro wo kaeru* – 'изменить цвет лица' (*измениться в лице*), *као wo kumoraseru* – 'дать лицу покрыться тучами' (*тень пробежала по лицу*), *као ni kouyou wo chirasu* – 'рассыпать по лицу красные осенние листья' (покраснеть), *kaoiro wo yomi* – 'читать цвет лица' (понимать мысли и чувства человека), *kaoiro wo ukagai* – 'наблюдать за цветом лица' (пресмыкаться, подстраиваться под состояние другого). От прилива крови повышается температура лица: *као kara hi ga deru* – 'из лица выходит огонь' (испытать стыд, покраснеть), а *suzushii kao* – 'прохладное лицо' (отсутствие интереса, безразличие) – источает холод внутренний. Так же как и в русском языке, лицо может приобретать определенную мимику и становиться «кислым» или «горьким»: *suppai kao*, *nigai kao* (недовольный вид), а также «терпким» – *shibui kao* (хмурый вид). *Ukan (shizunda) kao* ('потонувшее лицо') говорит об унынии (сравн. с *как в воду опущенный*). Мимика лица может быть подконтрольна воле человека: *nukaranu kao* «незевающее лицо» (настороженный вид); лицо можно «надувать»: *као wo fukurasu* (дуться, демонстрировать недовольство), а также «морщить»: *као wo shikameru* (сравн. с *морщить нос*).

2. Во второй группе фразеологизмов компонент *лицо* символизирует человека, персону, личное присутствие, как и в русском, но не

его облик или образ: *kao ga sorotta* – ‘лица собрались’ (все в сборе), *kao wo awaseru* – ‘поставить лица друг напротив друга’ (встретиться *лицом к лицу*, столкнуться лично), *kao wo dasu* – ‘выставить лицо’ (показаться где-либо), *kao wo kasu* – ‘одолжить лицо’ (выйти к собеседнику), *no kao ni menjite* – ‘из уважения к лицу кого-либо’ – ради кого-либо. См. пример:

「レストランの人とも顔を合わせます。でも、シーツを取り替えてくれる一とは顔を合わせません。顔を合わせないからといって、出会っていないのではありません。ベッドは散らかしっぱなしにしないで、できる範囲でいいから元通りにして部屋を出ましよう。出会い運の強い人は、顔を合わせない人を大事にします。」
«[В отеле] мы видимся (*ставим лица друг напротив друга*) и с работниками ресторана. Но мы не сталкиваемся (*не ставим лица друг напротив друга*) с теми, кто меняет нам постель. Однако это не значит, что встреч с ними (*с теми, с кем мы не ставим лица друг напротив друга*) не происходит. Было бы наиболее правильно покидать номер, не оставляя постель неприбранной – приведите ее хотя бы примерно к прежнему виду, насколько это вам будет по силам. Люди, у которых случайные встречи всегда удачны, с уважением относятся к тем, с кем они не встречаются напрямую (*не ставят лица друг напротив друга*)» (А. Накатани. «50 маленьких привычек, повышающих успешность случайных встреч»).

3. Следующий символ, заложенный в компонент *лицо*, снова совпадает с русским: это репутация и имидж, поддерживаемые общественным мнением. Через лицо выражается архетипическое противопоставление чести и позора, лицо в японском понимании – это общественный фасад человека и его визитная карточка, которая должна быть образцовой и сдержанной: *kao ga tatsu* – ‘лицо стоит’ (сохранять репутацию), *kao wo tateru* – ‘ставить лицо’ (спасти репутацию), *kao ni kakawaru* – ‘иметь отношение к лицу’ (затрагивать репутацию). Соответственно, уничтожение репутации происходит через порчу и загрязнение «лица»: *kao ni doro wo nuru* – ‘мазать грязь на лицо’ (*смешать с грязью*, портить репутацию), *kao wo yogosu* – ‘запачкать лицо’ (опозорить, сравн. с *пятно на чести*), *kao wo tsubusu* – ‘раздавить лицо’ (оскорблять, подрывать репутацию или имидж). Если репутация испорчена, то *kao ga mukerarenai* – ‘лицо не поворачивается’ (стыдно показаться на глаза). Но если репутация хорошая, то «лицо» обретает вес и влияние, из чего вытекает новый, несвойственный русской фразеологии оттенок значения ‘влияние, популярность, сила положительной репутации’: *kao ga hiroi* – ‘широкое лицо’ (большое влияние), *kao ga urarete iru* – ‘лицо хорошо продается’ (иметь обширный круг

знакомств, иметь связи и влияние), *kaō ga kiku* – ‘лицо действует’ (быть влиятельным), *kaō wo kikaseru* – ‘пускать в ход свое лицо’ (использовать влияние). Связь имиджа и влияния в приведенной фразеологии очень интересна. Человек, у которого хорошая репутация, кто поддерживается общественным мнением, имеет в японском социуме правильное «лицо», сам обретает некоторую силу, возможность влиять на общество и распространять влияние своего «лица». Возможно, ввиду того что эта истина так четко прописана во фразеологии японского языка, японцы с ранних лет обращают внимание на эту взаимосвязь и педантично подходят к проблеме взаимодействия с другими людьми. В японском обществе репутация – это ключ, открывающий многие двери, но она хрупка, и ее потеря может быть необратима.

Как мы видим, в русском и японском языках практически одинаково реализуется символизм лица как индикатора внутреннего состояния человека, более того, мы находим очень близкие фразеологизмы: *kaō no iro wo kaeru* (‘изменить цвет лица’) – *измениться в лице*. Помимо телесного, приведенный японский фразеологизм отражает также цветовой код культуры, указывая на способность лица изменять цвет, который становится сигналом эмоции, тогда как русский фразеологизм может подразумевать изменение любой детали лица: мимики, цвета, выражения глаз, положения или всех сразу. Фразеологизмы *kaō ni kaite aru* – ‘написано на лице и *surraī kaō*’ – *кислое лицо* совпадают полностью. Общие черты русских и японских фразеологизмов с компонентом *лицо* также просматривается в обозначении людей как персон, т. е. репрезентируют их, но не описывают. В русском и японском языках также есть фразеологизмы, в которых лицо символизирует репутацию человека, но в японском таких фразеологизмов намного больше. В культуре Японии, как известно, важно сохранение «лицевой стороны» *татэмаэ* (‘стоящее спереди’), образа, демонстрируемого в обществе, в противовес *хоннэ* (‘истинное звучание’) – настоящих чувств, которые, согласно японскому менталитету, следует держать при себе и не выдавать посторонним. А лицо – это как раз то, что спереди, то, по чему человека оценивают в первую очередь. Поэтому неудивительно, что оно стало символом достоинства человека, доброго имени не только в японском, но и в славянских и европейских языках. Мы видим и ряд семантических различий: японские фразеологизмы с компонентом *kaō* имеют отношение к влиянию, популярности, чего не наблюдается у русских ФЕ, но не выражают сути явлений, поверхности (*лицо земли*) и не связаны с проявлением внимания или установлением контакта. В японской фразеологии, в отличие от русской, через «лицо» не персонифицируются

неодушевленные и абстрактные объекты, хотя свободные словосочетания такого рода возможны. Причины данных отличий требуют более глубокого изучения и объясняются, очевидно, различным историческим путем и большим разрывом между русской культурой и культурой Страны восходящего солнца.

Список использованных источников

1. Fedulenkova, T. Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach / T. Fedulenkova // Approaches to Teaching English in an Intercultural Context / Meta Grosman (ed.). – Ljubljana : University of Ljubljana, 1997. – P. 67–74.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 453 с.
3. Берестнев, Г. И. Самосознание личности в зеркале языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. И. Берестнев. – М., 2000. – 243 с.
4. Fedulenkova, T. Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish / T. Fedulenkova // Язык и культура. – 2016. – № 2(34). – С. 6–14.
5. Gläser, R. Phraseological Units in Standard Varieties of English as Indicators of Cultural Identity / R. Gläser // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology / Ed. T. Fedulenkova. Arkhangelsk ; Aarhus, 2009. – P. 86–99.
6. Mieder, W. “It’s a Small World”: From Widespread Idioms to Widespread Proverbs / W. Mieder // Modern Phraseology Issues: monograph / Ed-in-Chief T. Fedulenkova. Arkhangelsk, 2018. – P. 74–97.
7. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. – 784 с.
8. Японско-русский фразеологический словарь: около 4000 фразеологических единиц / С. А. Быкова. – 2-е изд. – М. : Восток – Запад АСТ, 2007. – 439 с.
9. Гуревич, Т. М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Т. М. Гуревич. – М., 2006. – 330 с.

The article investigates the symbolism of the component “face” in Russian nominative phraseological units in comparison with Japanese phraseological units containing the same somatic component. The analysis, complemented by the explanation of linguocultural subtext, reveals a number of symbols hidden in the chosen component, such as ‘indicator of emotions’, ‘reputation’, ‘person’ and others, while the contrast between the Russian PUs and the Japanese ones shows how cultural gaps are expressed in phraseology.

Keywords: phraseology, somatic units, codes of culture, linguoculturology, symbol.

Н. В. Бастрыгина, М. В. Есетова, Д. Н. Назиров

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ПОСЛОВИЦАХ И АНТИПОСЛОВИЦАХ

В статье рассматривается содержание концепта «счастье» в русском культурном пространстве, основанное на представлениях русского народа и нашедшее выражение в пословицах и антипословицах. Главное внимание в статье уделяется различиям представлений о счастье в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: концепт, счастье, пословица, антипословица, феномен.

Образ мира формируется человеком посредством собственной духовной активности. Следовательно, концептуальная система человека связана с нашим культурным и духовным опытом. Языковую картину мира традиционно представляют как подсистему концептуальной картины мира, при этом первая формирует вторую, поскольку именно язык позволяет человеку понимать мир и именно он закрепляет общественно-исторический опыт.

Термин *концепт* в лингвистике появился сравнительно недавно: он начал употребляться в 1928 году в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово» [1]. По мнению философа, концепт – это мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода.

В данной работе рассматривается концепт «счастье» в паремиях русского языка. Актуальность исследования связана с тем, что концепт «счастье» со временем эволюционирует, меняется, что находит отражение в лексике. Очевидно, что данный концепт является важной структурной единицей в языковой картине, поскольку отражает чувственно-эмоциональную сферу определенного народа.

Интерес к феномену «счастье» имеет давние корни. Многие великие и мудрые люди не только российского культурного пространства, но и в других странах мира занимались исследованием вопроса о том, что представляет собой счастье. Интерпретация счастья дает представление о духовном наполнении индивида. О счастье размышляли А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин и многие другие поэты и писатели. Сам факт, что представление о счастье лежит у истоков культуры, наводит

на мысль о том, что осмысление концепта «счастье» имеет не только индивидуальный и национальный характер.

Чтобы лучше представить специфику концепта «счастье» в русской языковой картине мира, обратимся вначале к толковому словарю В. И. Даля и определим значение слова *счастье*. В. И. Даль понимает под счастьем следующее: «1. Рок, судьба, часть и участь, доля. 2. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут и тревоги; покой и довольство» [2, с. 381]. А в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова счастье определяется так: «1. Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью. 2. Успех, удача» [3, с. 308].

Рассмотрев толкование слова *счастье* в двух словарях, можно определить, что ключевые семантические признаки данного слова – это ‘благополучие’ и ‘чувство внутреннего удовольствия’.

Концепт «счастье» нашел отражение в русских пословицах и антипословицах. Очевидно, что в любом языке чаще всего используются те выражения, которые характеризуют культурно-национальные эталоны и менталитет того или иного народа. Традиционно под счастьем понимается определенное состояние души, которое зависит от каких-либо установок человека или происходящих событий.

Изначально отметим, что представление о счастье в русской языковой картине мира многогранно, счастье характеризуется как с положительной, так и с отрицательной стороны. Рассмотрим пословицы о счастье в словаре «Пословицы русского народа», составленном В. И. Далем [4]:

1) счастье заключается в радости от благополучной жизни (*Счастливому везде добро; Любовь и согласие – счастье*);

2) счастье может прийти неожиданно, случайно, оно непостоянно (*Счастье – не палка: в руки не возьмешь; Легко найти счастье, а потерять и того легче*);

3) счастье бывает обманчиво (*Счастью не вовсе верь; Счастью не верь, а беды не пугайся*);

4) счастье у всех разное (*Каждому свое счастье; Кто ни шасть – все на мою часть; У каждого своя доля*);

5) счастье и несчастье часто идут рядом (*Счастье с несчастьем – ближние соседи*);

6) счастье можно добыть только трудом и умом (*Счастья не пощешь, счастье не придет; Кто за счастье борется, к тому оно и клонится; В нужде не унывай, в счастье не ослабевай*) [4, с. 53].

Таким образом, в русских пословицах отсутствует единое представление о том, что представляет собой счастье. К счастью относятся с осторожностью и даже с некоторым опасением. В некоторых рус-

ских пословицах счастье рассматривается как цель, к которой нужно идти через определенные сложности.

Концепт «счастье» объективирован как в пословицах, так и в антипословицах. Под последними понимаются различные трансформации традиционных паремий. Антипословица как явление в лингвистике изучено недостаточно широко, однако создание антипословиц происходит на протяжении нескольких десятилетий, что говорит о росте их популярности. Основная цель создания антипословиц заключается в замене старых, устоявшихся стереотипов и в избавлении от монотонности повседневной жизни, в стремлении к творческой «игре». Эта трансформация коснулась и представления о счастье, потому что такие факторы, как социальные обстоятельства и эпоха, играют большую роль в восприятии и интерпретации феномена счастья.

Приведем примеры реализации концепта «счастье» в антипословицах, представленных в словаре антипословиц (составители – Х. Вальтер и В. М. Мокиенко): *Человек создан для счастья, как «Вольво» для хорошей езды* [5, с. 471] (*Человек создан для счастья, как птица для полета*); *Каждый сам кузничик своего счастья* [5, с. 539] (*Человек – кузнец своего счастья*); *Не в деньгах счастье, а в бабках* (*Не в деньгах счастье, а в их количестве*) [5, с. 128].

Антипословицы стали всё чаще употребляться в русском языке. Любой концепт, объективируемый в антипословицах, в том числе концепт «счастье», характеризуется расширением содержания в связи с иронической, комической переинтерпретацией мира. В этом отношении можно утверждать, что антипословица выступает как разновидность пародии. Очевидно, данные пословицы являются выражением творческого духа народа. Важный момент, на который следует обратить внимание, – это стремление современного человека ориентироваться на поиск счастья, в отличие от своих предков, которые считали, что за счастье нужно чем-то платить. Счастье в представлениях современного носителя русского языка – это явление, имеющее положительный смысл.

Рассмотрев интерпретацию концепта «счастье» в русских пословицах и антипословицах, можно сделать закономерный вывод: в них нет четкого представления о том, что есть счастье. Практически не встречаются пословицы, которые раскрывали бы само понятие «счастье». В целом, в русских пословицах и антипословицах есть одна общая черта – это непостоянство и противоречивость представленных в них мнений. В антипословицах прослеживается ориентация на отражение современной действительности и перевод содержания пословиц в комичный, юмористический формат.

Сказанное позволяет сделать вывод, что концепт «счастье» является одним из тех понятий, которые отражают психологию народа и его восприятие жизни. Со временем эмоциональная окраска счастья менялась и трансформировалась. Несмотря на то, что счастье традиционно рассматривается как состояние блаженства и высшего удовольствия, в русских пословицах счастье рассматривается противоречиво, с положительной и отрицательной стороны. Закрепление подобных представлений во фразеологии произошло в результате смены эпох. Разница между представлением о счастье в пословицах и антипословицах заключается в том, что в пословицах само понятие счастья размыто, оно рассматривается как обманчивое явление, как то, чего можно достичь только собственным трудом. В то же время в антипословицах счастье отражает современные реалии, ценности современного общества.

Таким образом, мы выявили, что представители прошлых эпох и современные носители русского языка по-разному воспринимают феномен «счастье». В первом случае это отношение к счастью как к благополучию, к которому нужно стремиться. Во втором случае счастье – это феномен вполне достижимый. Но главное отличие интерпретации концепта «счастье» в пословицах и антипословицах – это подача феномена. В пословицах она носит стереотипный характер, а в антипословицах – комичный и соответствующий своему времени.

Список использованных источников

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов. – Л. : Лениздат, 1928. – 44 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. – 4-е изд., исп. и значительно умноженное по рукописи автора / В. И. Даль. – М. : М. О. Вольф, 1880. – 394 с.
3. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / Д. Н. Ушаков. – М. : Астрель, 2000. – Т. 3. – 374 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – СПб. : Диамант, 1997. – 523 с.
5. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 576 с.

The article examines the content of the concept of “happiness” in the Russian cultural space, based on the ideas of the Russian people and found expression in proverbs and anti-words. The main focus of this article is on the differences in perceptions of happiness in the past and present.

Keywords: concept, happiness, proverb, anti-proverb, phenomenon.

В. А. Белодед

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

В статье подвергаются сопоставительному анализу русские и китайские устойчивые выражения о семейно-бытовых отношениях. Выявляется множество аналогичных по содержанию пословиц и поговорок. Обращается внимание на различие образных основ в русских и китайских устойчивых выражениях, характеризующихся содержательным сходством.

Ключевые слова: устойчивое выражение, русский язык, китайский язык, содержание, сходство, различие.

В языковой культуре любого этноса есть устойчивые выражение. Термин «устойчивые выражения» используется в лингвистике, как правило, для обозначения фразеологизмов и пословиц. Устойчивость фразеологизмов и пословиц в культуре того или иного этноса обусловливается не только тем, что они служат выражению оценочных отношений, но и тем, что в этих отношениях отражаются наиболее важные этнические ценности. Неслучайно Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» (цитируется по В. М. Алпатову [1]). Исследование устойчивых выражений позволяет выявить особенности восприятия и интерпретации мира носителями определенной этнической культуры.

Тот факт, что многие устойчивые выражения различных народов обнаруживают содержательное сходство, давно привлекал внимание фольклористов и лингвистов. В трудах таких исследователей, как П. Шмит, Я. Лаутенбах, Г. Пермяков, Э. Кокаре, дается объяснение сходства паремий в разных языках [2].

Объектом нашего исследования являются русские и китайские устойчивые выражения о семье. Выбор данного объекта обусловлен тем, что семья представляет собой одну из базовых культурных ценностей человечества. Профилированность соответствующих концептов в этнических культурах (к такому выводу приходят многие лингвокультурологи [3, 4, 5 и др.]) позволяет сделать предположение, что устойчивые выражения о семье, принадлежащие к разным языковым

культурам, по всей вероятности, будут характеризоваться наличием множества параллелей.

В качестве источников фактического материала нами были использованы следующие словари: «Пословицы русского народа» В. И. Даля [6], «Большой китайско-русский словарь» [7] и «Словарь китайских пословиц» Чжоу Цзинци [8].

В словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля пословицы и поговорки о семье представляют несколько тематических рубрик: «Одиночество – Женитьба», «Муж – Жена», «Дети – родины», «Семья – родня». При наиболее обобщенной аксиологической характеристике содержания пословиц и поговорок о семье в Далевском собрании русских устойчивых выражений можно выделить две основные семантические группы:

- 1) устойчивые выражения о положительных сторонах семейной жизни;
- 2) устойчивые выражения об отрицательных сторонах семейной жизни.

В свою очередь мы можем выделить в этих группах подгруппы в зависимости от того, какая из частных понятийных категорий выдвигается на передний план. В первой группе выделяется три подгруппы:

1.1 Устойчивые выражения о ладе в семье: *Живут рука в руку; Душа в душу; Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад.* Данные выражения свидетельствуют о том, что самой высшей ценностью любой семьи является гармония и мир в доме.

1.2 Устойчивые выражения о неразлучности супругов: *Без мужа что без головы; Без жены что без ума; Без жены что без кошки, без мужа, что без собаки; Промеж мужа и жены нитки не проденешь; Муж – голова, жена – душа; Что гусь без воды, то муж без жены.* Выражения наделены исключительно положительной коннотацией, в них подчеркивается неразрывность союза мужа и жены. Как категории формы и содержания соотносятся в философии, так гармонично дополняют друг друга в семье муж и жена. Муж отвечает за внешнюю «сторону» жизни семьи: строит дом, обеспечивает достаток к семье, а жена заботится об уюте в жилище, наполняет жизнь мужа смыслом. Муж – стратег, а жена – тактик, который реализует стратегию мужа. Неслучайно говорят, что за каждым успешным мужчиной всегда стоит женщина.

1.3 Устойчивые выражения о преимуществах семейной жизни: *Одному не страшно, а двоим веселей; Своя себе семейка – свой*

простор; Семейная каша погуще кипит; Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа. Пословицы этой подгруппы семантически близки пословицам первой подгруппы, в которых находит выражение высокая оценка лада в семье. Как бы хорошо ни было человеку одному, вдвоем, несомненно, легче справляться с жизненными невзгодами.

Есть и такие пословицы, в которых ценность семьи утверждается посредством негативной оценки холостой жизни: *Холостой – полчеловека; Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет.*

Во второй группе пословичных выражений выделяются следующие подгруппы:

2.1 Устойчивые выражения о семейных ссорах: *Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится; Милые бранятся – только тешатся.* В любой семье иногда происходят разногласия, но они не должны чрезмерно сказываться на отношениях супругов, кроме того, не должны становиться предметом обсуждения сторонних людей. К этому призывает русская пословица: *Не выноси сор из избы.*

2.2 Устойчивые выражения о рукоприкладстве: *Люби жену, как душу, трясги её, как грушу; Чем больше жену бьёшь, тем щи вкуснее; Муж жену бьёт, а жена своё поёт; Бей жену до детей, бей детей до людей; Шубу бей – теплее, жену бей – милее; Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, ещё хочет.* Пословицы этой подгруппы позволяют сделать вывод о том, что в патриархальной семье женщина занимала бесправное положение. Муж мог избить свою жену, и такие действия супруга оценивались как соответствующие норме. Избиение жены в соответствии с патриархальным мировоззрением выполняет воспитательную функцию.

Пословичные выражения русского народа показывают нам, что семейная жизнь может быть наполнена как положительными, так и отрицательными моментами. Женщина преимущественно находится в подчиненном положении, однако между супругами обычно устанавливаются сбалансированные, а не антагонистические отношения.

В китайском языке также можно найти много выражений, относящихся к семье и сопоставимых с русскими пословицами в содержательном отношении: *家和万事兴* ‘если в семье царит мир, то всё процветает; гармония в семье помогает во всех начинаниях’; *家家有本难念的经* ‘у каждой семьи есть свои скрытые горести’; *在家千般好, 出门一日难* ‘в своей семье всё хорошо, а если выйдешь

хотя бы на один день, будет трудно»; 出门方知在家好 ‘выходишь из дома, тогда узнаёшь, что в своей семье лучше’. Семья очень важна для китайского народа, без семьи невозможно жить счастливо. Отношения между мужем и женой влияют на деятельность каждого из членов семьи за пределами дома. Мир и гармония в семье – самое важное, к чему все стремятся. Образное выражение 清官难断家务事 ‘и самому справедливому чиновнику трудно понять, кто в семейном споре прав, а кто – нет’ справедливо утверждает, что посторонним людям трудно понять семейные проблемы. Только сами супруги, не прибегая к посторонней помощи, способны разобраться в возникшей проблеме.

О гармоничных отношениях, которые должны устанавливаться между мужем и женой, говорят выражения 夫妻百年好合 ‘муж и жена берегут друг друга до ста лет’; 风雨同舟 ‘плыть в одной лодке в непогоду (о супругам)’; 酒肉朋友 ‘в хозяйстве – супруги, в гулянии – друзья’. В китайских пословицах, как и в русских, утверждается, что условием гармоничности отношений является главенство мужа в семье: 夫唱妇随 ‘муж запекает – жена подпевает’; 妻子一切都附和丈夫 ‘жена во всём вторит мужу’; 父者子之天也, 夫者妻之天也 ‘отец – высший авторитет для сына, муж – авторитет для жены’; 夫为妻纲 ‘муж руководит женой’; 丈夫是一家的支柱 ‘муж – это фундамент семьи’.

Есть и такие китайские выражения, в которых подчеркивается неразлучность супругов: 男人无妻家无主, 女人无夫家无梁 ‘мужчина без жены как дом без хозяина, женщина без мужа как дом без балок’. Муж и жена выступают в образах частей дома, то есть супруги уподобляются тому, без чего дом держаться не будет. Похожее суждение есть и в русском языке: *Мужик в семье что матица в избе*. Матица – это ‘потолочная балка, основа для крыши’ [8]. Как видим, многие аналогичные по семантике устойчивые выражения русского и китайского языков различаются образными основами.

В Китае очень ценится рождение новой семьи в браке и порицаются те люди, которые живут вместе, но не связаны узами брака: 露水夫妻难到老, 花烛夫妻百年好 ‘любовники вряд ли доживут до старости вместе, а законным супругам всю жизнь хорошо’. Если супруги живут вместе долго и счастливо, то про годы их супружеской жизни говорят так: 少年夫妻甜如蜜, 老年夫妻恩如漆 ‘молодые годы супружества – сладкие, как мёд, старые года супружества – тёплые, как смола’. Аналогами китайских выражений 夫妻俩吵架—没有事儿 и 丈夫和妻子的志趣是一致的 являются русские пословицы *Милые бранятся – только тешатся*; *Муж и жена – одна сатана*. Близки по

семантике приведенным выше пословицам и такие выражения: 同林鸟 ‘птицы одного леса (о муже и жене)’; 一根年糕一只块 ‘одного торта кусок (о супругах)’.

Девочка в Китае не могла принести своей семье никакой экономической выгоды, поэтому от нее стремились быстрее избавиться. Об этом свидетельствует следующее китайское выражение: 嫁出去的女, 泼出去的水 ‘вышедшая замуж дочка всё равно что выплеснутая наружу вода’. Здесь присутствует удачное, на наш взгляд, сравнение дочери с традиционной женской стихией. Наглядно характеризует статус женщины суждение, связанное с воспитанием дочерей, основанное на так называемых «трёх правилах подчинения»: 未嫁从父, 既嫁从夫, 夫死从子 ‘дома повиноваться отцу, в замужестве повиноваться мужу, во вдовстве повиноваться сыну’.

Пренебрежительное отношение к девочкам и предпочтение иметь сына нашло отражение и в следующих пословицах: 有子方为妻, 无子便算婢 ‘имея сына, станешь женой, не имея сына, станешь рабыней’, 养儿防老, 存谷预饥 ‘вырастишь сына – обеспечишь старость; соберёшь зерно – предотвратишь голод’, 儿子自己的好 ‘лучшие сыновья в мире – свои собственные’.

Как видим, две культуры сближает представление о социальном статусе мужчины. Мужчина занимает более высокое положение, чем женщина, которая должна следовать за своим мужем, сравн.: Муж – голова, а жена – шея; Муж в доме что глава на церкви; Жена без мужа – тело без хозяина и 夫者, 妻之天也 ‘муж – небо жены’. О подчиненном положении женщины в социуме говорит такое китайское выражение – 相夫教子 ‘местом женщины является дом’, иными словами, жена должна знать свое место и выполнять функции, связанные лишь с домом. Аналогичны по семантике и другие русские и китайские выражения о взаимоотношениях мужа и жены, сравн.: Муж вези гуж, а жена шей рубашки; Мужик да собака на дворе, а баба да кошка в избе; 男主外女主内 ‘мужчина заботится о внешних делах, женщина заботится о внутренних делах’.

Резюмируя все сказанное, подчеркнем, что в устойчивых выражениях русского и китайского языков, связанных со сферой семейно-бытовых отношений, обнаруживается много общих черт. И в русской, и в китайской лингвокультурах находят отражение представления о том, что муж и жена – неразрывное целое, при этом муж является главой семьи, а жена должна быть верным спутником супруга. И в русских, и в китайских устойчивых выражениях регламентируется распределение обязанностей супругов в хозяйстве. Русскими посло-

вицами поощряется рукоприкладство мужа, в китайских пословицах такого рода рекомендательные смыслы нами не были обнаружены. Многие русские и китайские устойчивые выражения о семье существенно разнятся образами, используемыми для выражения аналогичного понятийного содержания.

Список использованных источников

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Электронный ресурс] / В. М. Алпатов. – Режим доступа : <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/alpatov/humboldt.html>. – Дата доступа : 10.10.2020.
2. Койранская, Е. А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике [Электронный ресурс] / Е. А. Койранская. – Режим доступа : <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/kojranskaja.pdf>. – Дата доступа : 10.10.2020.
3. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 2002. – 240 с.
4. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Железнова; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2009. – 205 с.
5. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа / [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <https://obuchalka.org/2017100196734/poslovici-russkogo-naroda-tom-1-dal-v-i-1957.html>. – Дата доступа : 18.11.2020.
7. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info>. – Дата доступа : 20.11.2020.
8. Чжоу, Ц. Словарь китайских пословиц / Ц. Чжоу. – Пекин : Шану, 2006. – 593 с.
9. Гончаров, Д. Ю. Мужик в традиционном русском обществе [Электронный ресурс] / Д. Ю. Гончаров. – Режим доступа : http://hram-kaluga.ru/publikacii/news_post/muzhik-v-traditsionnom-russkom-obshchestve. – Дата доступа : 18.11.2020.

The article presents a comparative analysis of Russian and Chinese stable expressions about family and household relations. Many proverbs and sayings similar in content are revealed. Attention is drawn to the difference between the figurative bases in Russian and Chinese stable expressions, which are characterized by a meaningful similarity.

Keywords: stable expression, Russian, Chinese, content, similarity, difference.

И. И. Большунова

**ОТРАЖЕНИЕ «МЫСЛИ НАРОДНОЙ»
В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА 70-Х ГГ.
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

Целью данной статьи является демонстрация разнообразия паремииологических единиц, использованных в качестве маркера речевого поведения персонажей. Объектом исследования выбраны рассказы, включенные в третий том творчества В. М. Шукшина. В исследовании проанализированы паремии с точки зрения их тематической принадлежности.

Ключевые слова: метафора, паремия, пословица, поговорка, шукшиноведение.

Творческое наследие В. М. Шукшина является ярким образцом народной живой речи Алтайского края. Герои В. М. Шукшина – представители старого сельского мира, прошедшие коллективизацию, войну, послевоенные репрессии и голодные годы. Всё это отразилось на их мировоззрении и восприятии реальности. Авторская интерпретация самобытного уклада жизни алтайских деревень – главная особенность произведений В. М. Шукшина. Писатель словно пересказывает реальные истории из жизни своих соседей и знакомых, не делая заключений. Напротив, он предлагает читателю самостоятельно сделать вывод о правильности или неправильности поступков своих героев. Часто рассказы остаются с открытым концом, тем самым В. М. Шукшин предлагает додумать финал каждой истории самостоятельно.

Рассказы В. М. Шукшина несут в себе философскую концепцию человека и мира: «Мастерство есть мастерство, и дело это важное. И если бы писатель-рассказчик не сразу делал (старался делать) это главным в своей работе, а если главным оставалась его жизнь, то, что он видел, запомнил, хорошее или плохое, а мастерство бы потом приложилось к этому, получился бы писатель неповторимый, ни на кого не похожий... Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа» [1, с. 366]. И именно дела простого человека, «человека из народа» писатель воспевал в своих произведениях. Такие исследователи, как Е. Вертлиб [2], В. И. Коробова [3], В. К. Сигов [4], Е. В. Черносвитов [5], отмечали, что творчество В. М. Шукшина восходит к идеям русского духовного возрождения. Например, в книге «В. Шукшин и русское духовное возрождение» [2] Евгений Александрович Вертлиб проводит

анализ шукшинской прозы в русле идей Ф. М. Достоевского о преступлении и наказании.

Алтайский край – родина писателя. Именно здесь он услышал фольклор и старорусские говоры. В языке и стиле повествования В. М. Шукшина отражается его особая любовь к самобытному деревенскому языку, к которому привык писатель с детства. Язык становится для писателя средством выражения общественных идей и представляет собой самостоятельную ценность. «Писатель ощущал русское слово как сокровищницу народного опыта, как проявление национального самосознания. Он бережно обращался с богатствами народной речи, доносил их до читателя. И то обстоятельство, что язык Шукшина современен в словаре, фразеологии и синтаксисе, придает произведениям писателя особую привлекательность» [6, с. 46].

Народно-разговорная основа языка лаконично вплетена в канву прозы В. М. Шукшина. «Язык произведений В. М. Шукшина привлекает внимание множества критиков своей актуальностью и неповторимостью. Язык рассказов писателя постоянно изучается. “Живые голоса” его героев оказываются в критических статьях в центре внимания, потому что именно народно-разговорным изложением явлений и предметов Шукшин достигает истинной народности своего творчества» [7]. Фольклорная основа речи героев В. М. Шукшина стала объектом исследования многих ученых. Интерес к стилю писателя возник в середине 60-х гг. 20 века и возрос в конце 80-х гг. Последнее было связано с проведением в 1989 году в Барнауле Всероссийской научно-практической конференции «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество». Это знаковое для шукшиноведения событие стало отправной точкой для активного исследования писателя В. М. Шукшина не только как литературного гения, но и как мастера фольклорного стиля.

Язык шукшинских героев настолько разнообразен, неповторим и вместе с тем народен и прост, что он стал материалом для создания нескольких словарей: «Словарь языка Василия Шукшина» В. С. Елистратова [8], «Словарь языка рассказов В. М. Шукшина», «Словарь диалектизмов в произведениях В. М. Шукшина» И. А. Воробьевой [9]. В этих словарях наиболее полно представлены разговорные, просторечные и диалектные слова.

Собственно лингвистический подход к анализу прозы писателя ориентирован на уровневое описание языкового материала (Л. К. Байрамова [10], В. П. Никишаева [11], И. А. Воробьева [9], В. С. Елистратов [8], А. Д. Соловьева [12]). Умение писателя «изображать» разговор – один из важнейших показателей таланта и мастерства автора. Писатель наделяет своих героев лаконичной для деревен-

ского быта речью. В. М. Шукшин в своих произведениях нередко обращался к разговорным, просторечным, интеллигентски-просторечным, вульгарным словам и диалектизмам. По-простому, по-деревенски разговаривают герои писателя друг с другом. Образ персонажа создается автором за счет диалога. Как отмечает Л. И. Шелгунова, «типичны случаи воспроизведения разговорной речи, которая вступает в контакт со всей структурой диалога, создавая параллельный диалог (используются приемы повтора, переспроса, реминисценции, передразнивания» [13]. Интересны и фонетические особенности каждого персонажа. В рассказах мы встречаем детскую речь («гагазинчик», «какие дяди похие», «а дядя Игой казочку ясказывай – п'о зайку... Ох, хоёсенькая»), деревенский говор («хошь», «ишо», «любют»), дефекты речи («заходис», «берес саслык», «подумаес»), тюремный сленг («фраер-то», «фраер. Душу пошел насиловать») и даже попытки героев присвоить и реализовать в деревенских реалиях иностранную речь («цивилейшен», «найн»). Богат лексикон героев. В произведениях можно встретить архаизмы («вечеряли», «сударчика», «давеча») и, наоборот, слова, только вошедшие в обиход простого сельского жителя («цивилейшен»). Стоит отметить, что последние не всегда используются в верном понимании и служат как средство иронии (*Анатолий прикинул еще парочку «цивилейшен» (так он про себя называл шляпы)*).

Паремии, как отражение представлений народа о мире, обладают сложным внутренним содержанием. Заклучая в себе нравственно-этические устои, основные мировоззренческие ценности и предпочтения, поговорки и пословицы выражают широкий круг понятий, благодаря которым в одном емком высказывании сформулирована оценка человеческих качеств. Находясь на пересечении метафоры и реальности, язык паремий иносказателен, но понятен каждому. «Исследование взаимосвязи поэтики и языка пословиц и поговорок, их функционирования в речи носителей фольклорной традиции – сложная задача для исследователя, поскольку эти аспекты являются наиболее важными в определении их жанровой сущности» [14, с. 18].

Материалом для данной статьи послужили рассказы В. М. Шукшина, входящие в третий том шеститомного собрания сочинений [15]. Нами были проанализированы 55 произведений, написанные в период с 1971 по 1974 годы. Большинство рассказов посвящено теме противостояния мировоззрений городских и деревенских жителей. В книге В. А. Апухтиной «Проза Василия Шукшина» [16] исследователь предлагает социально-психологическую классификацию героев: «мещане», «энергичные», «нувориши», «технократы»,

«интеллигенты», «любавинский тип» и др. Социальную типологию можно увидеть и в работах В. Ф. Горна [17]. Сам лингвист отмечает огромное влияние творчества В. М. Шукшина на дальнейшее становление характеров в русской литературе: «Многие герои имеют типологическое значение: они помогают понять массовые и важные для современного общества процессы» [17, с. 33]. При этом литературовед отмечает: «У Шукшина мы наблюдаем не многообразие типов, а разнообразие вариантов одних и тех же характеров и ситуаций: писатель создал такую систему характеров, в которой герои вступают в своеобразные диалоговые отношения, варьируют друг друга. С самого начала творчества он разрабатывал близкие друг другу варианты типического характера. Менял фокус, наводил резкость» [17, с. 225].

Тематически проанализированные паремии можно разделить на восемь групп, согласно значению компонентов, входящих в них:

– паремии, связанные с физиологическими особенностями человека (12 примеров): *«по фене не ботали», «видала виды», «берем все в свои руки», «молчит, как в рот воды набравши», «не гневить бога после», «скрепя сердце тоже стал собираться», «смеется тот, кто смеется последний», «чокнутый на одно ухо?», «ревмя ревел», «но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают», «гнать бы надо в три шеи», «сперва материно молоко на губах обсохнет»;*

– анималистические паремии (11 примеров): *«баба с возу – коню легче», «сел верхом и давай плешь грызть», «хвост трубой!», «как воробей подстреленный», «они совсем на тебя верхом сядут», «теперь маленько спробуй на своей шкуре», «жалко у пчелки», «подожди пока цыпляток считать», «как с гуся вода», «эта птица может больно клюнуть», «свинья грязи найдет»;*

– паремии, связанные с бытовыми процессами (7 примеров): *«одеяло на себя не тянули, «слово “мед”, но от этого во рту не станет сладко», «полторы тыщи – это дом крестовый», «точно вернула забытый долг», «не пройдешь, не проедешь», «выпьете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь», «на чужом-то несчастье свою жизнь строить»;*

– паремии, относящиеся к религиозной тематике (6 примеров): *«глядит, как Исусик», «лучше не рожать – не гневить бога после», «двенадцать апостолов», «осиновый кол в бугорок», «мама крестителя», «за чечевичную похлебку!»;*

– паремии, связанные с бытом сельского жителя (3 примера): *«валенки сибирский», «сор из избы не выносят», «шило на мыло менять?»;*

- паремии, связанные с психическими особенностями человека (2 примера): *«валял дурака», «дурачка-то из себя строишь»;*
- паремии, связанные с тюремной жизнью (2 примера): *«по фене не ботали», «полторы тыщи – это дом крестовый»;*
- паремии, связанные с природными процессами (1 пример): *«елки зеленые».*

Как правило, пословицы и поговорки, относящиеся к религиозной тематике, характерны для «сельских жителей» старшего поколения. Две из них вводятся автором как негативная характеристика «городским жителям» (*«глядит, как Исусик», «за чечевичную похлебку!»*). Паремии, связанные с тюремной жизнью, характерны для речи «городских» персонажей.

С точки зрения конечной метафорической коннотации паремии также можно сгруппировать следующим образом:

- паремии о мудрости (8 примеров): *«баба с возу – коню легче», «по фене не ботали», «одеяло на себя не тянули», «слово “мед”, но от этого во рту не станет сладко», «как воробей подстреленный», «спробуй на своей шкуре», «подожди пока цыпляток считать», «я все сделаю по уму»;*

- паремии о глупости (6 примеров): *«чокнутый на одно ухо?», «валенок сибирский», «но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают», «выпьете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь», «сперва материно молоко на губах обсохнет», «что ты дурачка-то из себя строишь»;*

- паремии о самодостаточности (4 примера): *«берем все в свои руки», «хвост трубой», «жалко у пчелки», «свинья грязи найдет»;*

- паремии о гордыни (4 примера): *«точно вернула забытый долг», «фон-барон», «смеется тот, кто смеется последний», «сор из избы не выносят»;*

- паремии об отстраненности (3 примера): *«молчит, как в рот воды набравши», «за чечевичную похлебку», «как с гуся вода»;*

- паремии о страхе (3 примера): *«не гневить бога после», «будет пятый угол искать», «ревмя ревел»;*

- паремии о хитрости (2 примера): *«видала виды», «шило на мыло менять?»;*

- паремии о жадности (2 примера): *«полторы тыщи – это дом крестовый», «скрепя сердце тоже стал собираться»;*

- паремии о безделии (1 пример): *«валял дурака»;*

- паремии о скуке (1 пример): *«грусть-тоска зеленая»;*

- паремии о подчинении (1 пример): *«они совсем на тебя верхом сядут»;*

- паремии о грубости (1 пример): *«гнать бы надо в три шеи»*;
- паремии о времени (1 пример): *«подожди пока цыпляток считать»*.

Разнообразие представленных коннотаций позволяет сделать вывод о том, что внедрение паремий автором происходит в речи на всех уровнях жизни персонажей. Для того чтобы отобразить уклад жизни обычного человека, В. М. Шукшин использует пословицы и поговорки как в живом общении (*«как с гуся вода»*, *«сперва материно молоко на губах обсохнет»*), так и в эпистолярной, письменной речи (*«любая животная любит ласку»*, *«а то так – сбоку припека»*).

Особого интереса заслуживает использование автором пословиц и поговорок с различного рода нарушениями устойчивости формы и семантики. В проанализированных текстах мы встречаем примеры:

- авторское окончание пословицы / замена компонентов (*«слово “мед”, но от этого во рту не станет сладко»*, *«выльете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь»*, *«волос-то – тоже на одну драку осталось»*);
- редукция компонентного состава (*«гори она синим огнем»*, *«елкина мать»*, *«прижми хвост и помалкивай»*);
- разрушения структуры фразеологической единицы (*«баба с возу – коню легче»*, *«подожди пока цыпляток считать»*);
- синтез в одном высказывании двух фразеологических единиц (*«сел верхом и давай плешь грызть»*, *«чокнутый на одно ухо?»*);
- исключение одного из членов поговорки или пословицы (*«не все средства хороши, уверяю вас, не все»*, *«валенок сибирский»*).

Герои В. М. Шукшина используют паремии, чтобы подчеркнуть народную мудрость, продемонстрировать читателю глубинную житейскую рассудительность простого человека, работающего на земле. Однако автор использует также прием трансформации паремии в качестве демонстрации народной глупости. Так, в рассказе «Срезал» главный герой Глеб Капустин старается уколоть, «срезать» приезжего академика. Но все его доводы пусты и безосновательны. Чтобы подчеркнуть это, автор намеренно разрушает основу народной пословицы, демонстрируя незнание и несостоятельность героя (*«баба с возу – коню легче»*). Подобная ирония над простыми рабочими из деревни заметна и в словах героя рассказа «Ораторский прием» Александра Щиблетова. В произведении Щиблетов должен руководить отрядом сельских строителей. Но персонаж пытается подойти к управлению как «городской», за что и получает от рабочих отказ. Когда последние идут в кафе за алкоголем, Щиблетов говорит *«– Валенок сибирский, – зло и насмешливо прошептал Щиблетов. – В таверне!.. Хоть бы знал,*

что это такое», укоряя простых людей в незнании и ограниченности суждений.

Для того чтобы иронично и емко охарактеризовать новый тип людей – «городские жители», В. М. Шукшин также использует поговорки. Как правило, автор высмеивает пафосность и тенденциозность таких персонажей. Например, в рассказе «Сапожки» можно встретить такую характеристику продавщицы: *«Странный они народ, продавщицы: продаст обыкновенный килограмм пшена, а с таким видом, точно вернула забытый долг»*. Поговорка *«вернуть забытый долг»* используется как насмешливое колкое замечание продавщице в рассказе и «городским жителям» в контексте сборника. Подобное замечание «городским» «образованным» встречается и в произведении «Дебил». Главный герой – Анатолий Яковлев (его и прозвали этим обидным словом) – рассуждает о значимости учителей в современных реалиях: *«А то ученых развелось – не пройдешь, не проедешь»*. Но часто негативной характеристики удостоиваются не городские начальники, а сельские. В рассказе «Ораторский прием» новоназначенного руководителя Александра Щebetова укоряют его же подчинённые, такие же выходцы из народа: *«уже – хвост трубой!»* (о деловитости Щebetова), *«он что, чокнутый на одно ухо?»* (о нежелании героя мириться с желаниями своих подчиненных).

Часто автор использует поговорки в качестве усиливающих элементов в семейном споре. Такие примеры мы встречаем повсеместно: *«а то они совсем на тебя верхом сядут»*, *«... сейчас она у меня будет пятый угол искать»* (рассказ «Мой зять украл машину дров»); *«сметется тот, кто смеется последний»* (рассказ «Дебил»), *«Сор из избы не выносят»* (рассказ «Страдания молодого Ваганова»).

Так, в рассказе «Письмо» обращение матери к своей городской дочери изобилует поговорками (*«любая животная любит ласку»*, *«а то так – сбоку припека»*, *«иди на все четыре стороны»* (70)). А герой рассказа «Билетик на второй сеанс» Тимофей Худяков, как отмечает автор, любил при любом случае ругать судьбу и часто использовал для этого пословицы (*«совесть заела»*, *«двенадцать апостолов»*, *«осиновый кол в бугорок»*, *«мама крестителя»*).

Герои произведений В. М. Шукшина – это «сельские жители», «земляки» писателя. Вопреки специфичности действующих лиц, в прозе писателя определяются «вечные» философские вопросы: что такое человеческая жизнь, в чем ее смысл. Творчество Шукшина отличается самобытностью и в то же время универсальностью. В речи героев произведений В. М. Шукшина особое место занимает использование паремий. Пословицы и поговорки употребляются автором как

особый универсальный языковой прием, на основе которого задается тон дальнейшего сообщения. Паремии выступают как один из языковых способов, благодаря которому В. М. Шукшин погружает читателя в жизнь обычных алтайских жителей.

Список использованных источников

1. Шукшин, В. М. Как я понимаю рассказ / В. М. Шукшин // Собрание сочинений в пяти томах / В. М. Шукшин. – Екатеринбург, 1994. – Т. 5. Рассказы, публицистика. – С. 365–368.
2. Вертлиб, Е. А. В. Шукшин и русское духовное возрождение / Е. А. Вертлиб. – М., 1983. – 184 с.
3. Коробов, В. И. Василий Шукшин / В. И. Коробов. – М. : Современник, 1984. – 365 с.
4. Сигов, В. К. Русская идея В. М. Шукшина. Проблема народного характера и судьбы в прозе / В. К. Сигов. – М. : Интеллект-Центр, 1999. – 302 с.
5. Черносвитов, Е. В. Пройти по краю: Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии (картина миропонимания В.Шукшина) / Е. В. Черносвитов. – М. : Современник, 1989. – 240 с.
6. Салагаева, Л. Л. Диалог в прозе В. М. Шукшина / Л. Л. Салагаева // Творчество В. М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стилль. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. – С. 202–205.
7. Козинкина, О. О. Разговорная лексика как особая черта поэтики В. М. Шукшина [Электронный ресурс] / О. О. Козинкина. – Режим доступа : https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=3064&ELEMENT_ID=22634. – Дата доступа : 25.09.2020.
8. Елистратов, В. С. Словарь языка Василия Шукшина / В. С. Елистратов. – М. : Азбуковник, Русские словари, 2001. – 432 с.
9. Воробьева, И. А. Топонимы в художественном тексте В.М. Шукшина В. М. Шукшин. Жизнь и творчество : труды Краевого музея истории литературы, искусства и Алтая / И. А. Воробьева // Барнаул. – 1992. – Вып. 2. – С. 163–165.
10. Байрамова, Л. К. Татарские переводы рассказов В. М. Шукшина: эквивалентность во фразеологии / Л. К. Байрамова, И. А. Садыкова // В. М. Шукшин: жизнь и творчество. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 1994. – С. 155–157.
11. Байрамова, Т. Ф. Словарь языка рассказов В. М. Шукшина / Т. Ф. Байрамова, В. П. Никишаева. – Бийск : НИЦ, БПГУ им. В. М. Шукшина, 2002–2005. – Вып. 1–3.
12. Соловьева, А. Д. Словарь фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: энцикл. слов.-справ. Т. 1 / науч. ред. А. А. Чувакин. – Барнаул, 2004. – С. 207–331.
13. Шелгунова, Л. М. Воспроизведенная речь персонажей в диалогической структуре рассказов В. М. Шукшина / Л. М. Шелгунова // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество : сборник тезисов; редкол.: С. Н. Пешкова (гл. ред.) [и др.]. – Барнаул, 1994. – С. 43–49.

14. Ойноткинова, Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров : монография / Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск : Ин-т филологии, 2012. – 353 с.

15. Шукшин, В. М. Собрание сочинений в шести томах. Том 3 / В. М. Шукшин // составитель: Л. Н. Федосеева-Шукшина. – М., 1984. – 365 с.

16. Апухтина, В. А. Проза Василия Шукшина / В. А. Апухтина. – М. : Высшая школа, 1986. – 94 с.

17. Горн, В. Ф. Наш сын и брат. Проблемы и герои прозы В.Шукшина / В. Ф. Горн. – Барнаул, 1985. – 294 с.

The purpose of this article is to demonstrate the variety of paremiological units used as a marker of the characters' speech behavior. The object of the research is the stories included in the third volume of V.M. Shukshin. The study analyzed paremias from the point of view of their thematic affiliation.

Keywords: metaphor, paremia, proverb, proverb, shukshinology.

УДК 811.161.1'373:398.92

О. А. Бурьяк, О. Н. Мельникова

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЖИЗНИ В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются метафорические сочетания с компонентом «жизнь», отражающие антропоморфные признаки в образной составляющей рассматриваемого концепта. Предметом исследования являются особенности функционирования данных устойчивых сочетаний в художественном дискурсе (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка).

Ключевые слова: лексема, семантика, концепт, образ, метафора, персонификация, сочетаемость.

Слово *жизнь* является ключевым именем концепта, который занимает одно из центральных мест в русской лингвокультуре. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – этимология слова, его семантика, современные ассоциации, оценки, коннотации.

Жизнь – время человеческого бытия, воплощение «природной силы», запас которой составляет протяженность человеческого века.

Лексема *жизнь* в современном русском языке многозначна. В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова зафиксированы следующие значения: ‘существование вообще, бытие в движении и развитии’; ‘состояние организма в стадии роста, развития и разрушения’; ‘время от рождения до смерти человека или животного’; ‘развитие чего-либо; события, происходящие с чем-нибудь существующим’; ‘совокупность всего сделанного и пережитого человеком; ‘деятельность общества и человека во всей совокупности ее проявлений или в отдельных проявлениях, и ее внутреннее содержание’ [1, с. 140].

Таким образом, *жизнь* принадлежит к числу абстрактных концептов, которые регулярно наделяются антропоморфными признаками. Образная составляющая рассматриваемого концепта находит свое воплощение в ряде устойчивых сочетаний. Рассмотрим особенности их употребления в художественном дискурсе на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [2].

Закономерной представляется устойчивая сочетаемость рассматриваемой лексемы с глаголами движения: *жизнь проходит* [3, с.160]; сравн. также: *жизнь подошла чья* сиб. ‘о чьем-л. преклонном возрасте’; *жизнь прошла мимо* сиб. ирон. ‘о жизни, полной горя, несчастий’; *жизнь прошла стороной* жарг. арм. ирон. ‘о службе в армии’ [4, с. 231].

Многочисленные примеры из художественной литературы подтверждают регулярную сочетаемость рассматриваемой лексемы с различными глаголами, отражающими перемещение в пространстве, сравн.: *Является мне тень любви напрасной, И жизнь опять бежит во мгле январской* *Замерзшею волной на брег прекрасный* (И. А. Бродский. «Стрельнинская элегия»); *Жизнь как будто прожита не вся, Но уходит как-то незаметно, Смутные надежды унося* (А. П. Межиров. «Подробности»); *Нетерпением тела и души Подготавливая, жизнь спешит* (Д. И. Кленовский. «Поединок»); *Вот жизнь прошла, а где ее следы?* (Ю. П. Кузнецов. «Дымок»); *Проходит жизнь своим путем обычным, И я с годами делаюсь иным, И что казалось грязным и трагичным, Мне кажется ничтожным и смешным* (И. В. Елагин. «Проходит жизнь своим путем...»); *И жизнь крутилась и вертелась – Не обойти, не обогнуть* (Б. А. Слуцкий. «Не сказануть...»); *Жизнь отходит назад* *дальше, чем это можно представить!* (В. Б. Кривулин «Натюрморт»); *Разорвано посередине Рывком героических рук, Оно повествует отныне О том, что в метельной пустыне Жизнь вышла за вражеский круг* (Вс. А. Рождественский. «Кольцо»); *Там жизнь неслась в ином разгоне, И по окраинам столиц*

Во всю играли те гармони, Что на селе перевелись (А. Т. Твардовский. «На новостройках...»); **Жизнь**, нормальная, крикливая, **шла** своим чередом. **Шла и ехала** на колесах (Василий Шукшин. «Печки-лавочки»).

Иногда движение замедляется, и жизнь укладывается, дремлет, засыпает: **Жизнь улеглась... Чего мне ждать?** (Ю. П. Кузнецов. «Классическая лира»); **Дремлет жизнь моя, Но чутко отзывается и длинно** На первый луч иного бытия (Ю. П. Кузнецов. «Есть у меня в душе...»); **Может, со мной, природа, вся жизнь уснула?** (М. Н. Айзенберг. «Даже сбросил...»).

Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, жизнь наделяется также способностями к активной физической деятельности: **А может быть, минули сроки, И жизнь свой свиток развила, В телах кипела красным соком, Сражалась, пела и цвела** (Л. Ф. Бартольд. «Метеорит»); **Жизнь отковала эти звенья И закалила в добрый час** (А. А. Штейнберг. «Нас не одно и то же поле...»); **Жизнь сплетает свой сюжет** (Д. Самойлов. «Жизнь сплетает свой сюжет...»); **Что тут скажешь – ни много ни мало. Много дров моя жизнь наломала. Мало жгла – отсырели дрова** (П. Г. Антокольский. «День рождения»); **Тем не менее жизнь понемногу стирала острые грани, и на всех ступенях служебной иерархии появились лица самого разнообразного прошлого** (А. И. Деникин. «Очерки русской смуты»).

Кроме того, жизни приписываются и эмоционально-волевые проявления: **Когда после летнего отдыха возвращаешься в город, всегда испытываешь смутную, дразнящую тревогу: вот мы столько времени проболтались даром, а ведь жизнь не ждет!** (Н. А. Тэффи. «Tange foot»); **Всюду смеялась жизнь, проснувшаяся после бурной ночи** (В. Г. Короленко. «Мгновение»); **Утром мамочка Алексея Петровича громко, громко зевает... жизнь торжествует, герольды трубят: новый день! новый день! ту-ру-ру-ру-у-у!** (Татьяна Толстая. «Ночь»); **Напрасно люди сделали истцами, Жизнь все равно отвергнет счет истца, – В ней никому свести с концами Не удавалось до конца** (А. П. Межиров. «Покинуть метрополию...»); **Жизнь моя улыбнется, закроет глаза И откроет их медленно снова – свобода** (С. М. Гандлевский. «Дай Бог...»); **За оконной ржавой решеткой Жизнь кивнула ему, простясь** (М. Вега. «Первый следователь, усатый...»); **Жизнь притворяться наловчилась, А правду знали зеркала** (С. И. Кирсанов. «Зеркала»).

На основе рассмотренного нами языкового материала можно сделать вывод, что в отношениях «жизнь – человек» жизнь чаще всего

выступает как активный участник ситуации, производящий действие или контролирующей ситуацию. При этом жизнь по отношению к человеку выступает в различных ролях.

Довольно регулярно жизнь выступает в роли повелителя, наделенного властью, правом требовать подчинения: *Дело в том, что еще в состоянии окоченения я уже успел произвести целый ряд действий, которых потребовала сама жизнь, востроносая Аксинья, жена Егорыча, была утверждена мною в должности моей кухарки.* (М. А. Булгаков. «Полотенце с петухом»); *Неверующий, подобно глупому и сумасшедшему, вопреки тому, что он сам о себе думает, есть всегда не хозяин, а раб жизни – может быть, хитрый раб, иногда надувающий своего господина, но все же раб; он не властвует над жизнью, а жизнь властвует над ним.* (С. Л. Франк. «Религия и наука»); *Закон против жизни идет, а жизнь требует!* (Василий Гроссман. «Все течет»); *Вот тогда-то и надо было расстаться, спокойно и грустно расстаться, потому что жизнь уже развела их...* (Юрий Давыдов. «Синие тюльпаны»); *Оставляя свободно царствовать мохнатых гусениц, жизнь не знает жалости, когда в мечтательное общение с нею войдет эта печальная особь двуруких.* (И. Ф. Анненский. «Вторая книга отражений»); *Обойти эти вопросы нельзя, сама жизнь заставляет задуматься о предназначении и смысле любой социальной деятельности* (Октябрь, 2001); *Это жизнь своей лапой каменной, Дрессировкой своею упорною Из девчонки – бунтарки пламенной Превратила меня в покорную* (Е. Н. Недельская. «Раздумье»); *Тот угол, жизнь в который загнала, Зачем она, от бешенства бела, С аргументацией такой победной Так защищает темный угол, бедный?* (Б. А. Слуцкий. «Что думает его супруга...»); *Я слушал стиха соловьиною медь, Хотелось уметь этой медью греметь, Но жизнь меня вкривь потащила и вкось, А все-таки жалко, что не удалось* (И. В. Елагин. «Я слушал стиха...»); *Не может быть сомненья, Это случается в последний раз, Это награда за долго-терпенье, Которым жизнь испытывала нас* (Г. В. Адамович. «В последний раз...»).

Образ агрессивного существа, обладающего властью над субъектом или подвергающего его насилию, представлен в сочетаемости лексемы *жизнь* с глаголами, обозначающими негативное физическое воздействие: *Теперь он мне очень нужен, потому что заменяет собою здоровомыслящего человека, которому можно все высказать, тем более что меня окружают полусумасшедшие, какие-то жуткие «обломки» людей, которых жизнь раздавила так же, как чудовищный танк – раненых в бою.* (А. П. Хейдок. «Храм снов»); *Беда, господин Ланэ, когда*

жизнь их выбрасывает за пределы трех Ка. (Ю. О. Домбровский. «Обезьяна приходит ...»); *Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти.* (А. П. Чехов. «Крыжовник»); *Нелегко проститься с юношескими грезами, но жизнь обламывает тебя.* (Василий Аксенов. «Пора, мой друг, пора...»); *Лагерная жизнь, выматывая жилы, вышибала из башки «вопрос о смерти»* (Юрий Давыдов. «Синие тюльпаны»); *Жизнь закрутила меня – заканчивал, а потом редактировал «Царь-рыбу», вымотался, заболел...* (Виктор Астафьев. «Затеси»); *За штурвал, за ременную ляжку держись, В три погибели гнись, коли жизнь пригибает* (П. Г. Антокольский. Из Рагузы в Ливорно...»).

Жизнь наделяется способностями речевой и мыслительной деятельности, сравн.: *В эти годы небо было вьюжно, А снега кой-где еще в крови, И слезу роняющим жемчужно Жизнь кричала грубо: «Не реви!»* (Л. Н. Мартынов. «Орех»); *«Еще ругнуть кого бы?» – жизнь просит доброты* (С. И. Кирсанов. «Желанье»), *Взрослая жизнь кое-как научилась Нервы беречь, говорит* наловчилась *Прямолинейною прозой в стихах* (С. М. Гандлевский. «Молодость ходит...»); *Пускай легко рыдает ветер резкий И над моей могилою еврейской Младая жизнь настойчиво кричит* (И. А. Бродский. «Бессмертия у смерти...»); *И лишь наша жизнь земная Думает о неземном* (С. И. Липкин. «Воспоминание»).

В ряде контекстов жизнь представлена как изоциренная обманщица и соблазнительница, сравн.: *Облюбовав человека, который любит ее не на шутку, жизнь раздражит его соблазнами, она истомит его* (И. Ф. Анненский. «Вторая книга отражений»); *Трудно придумать злейшее издевательство над славянофильскою идеологией, нежели то, которое придумала жизнь...* (Н. В. Устрялов. «Судьба Петербурга»); *Загадками для тайных знаний, Оккультным обликом руин И жизнь участвует в обмане* (М. Н. Айзенберг. «Загадками...»).

По данным «Словаря сочетаемости русского языка», лексема *жизнь* регулярно сочетается с глаголами интеллектуального воздействия: *жизнь учит, показывает что-либо, подтверждает что-либо* [3, с. 160].

Устойчивые сочетания с глаголом *учить* и производными представляют метафорический образ *жизнь – учитель*: *Расставлено все в доме по-другому, Июнь пришел, я не томлюсь по дому, В котором жизнь меня терпенью учит.* (А. А. Тарковский. «25 июня 1939 года»);

А чему *жизнь учит*, он не всегда видит (Василий Гроссман. «Жизнь и судьба»); *Жизнь научила* Алешу Коренева, что принимать за счастье; в ту ночь...он был счастлив. (В. Г. Распутин. «Новая профессия»); Я мирился с этим, потому что *жизнь научила* меня не в еде находить смысл повседневного существования (Александр Солженицын. «Матренин двор»); *Жизнь* языку сердцебиенья *Насильно обучила* нас. (А. А. Штейнберг. «Нас не одно и то же поле...»).

Рассматриваемому метафорическому образу близка роль строгого воспитателя, сравн.: *И поведет родная речь В лес по тургеневской цитате, А жизнь, как строгий воспитатель, Поможет сердце оберечь* (С. И. Кирсанов. «О Рифма, бедное дитя...»).

В сочетании с глаголом *рассудить* жизнь выступает в роли судьи, сравн.: *Но до того как жизнь рассудит, Судьбу назвав, какая чья, Любой из тысяч этих судеб И так и так обязан я* (А. Т. Твардовский. «За далью – даль»).

Таким образом, жизнь регулярно уподобляется существу, обладающему властью над человеком, что выражается в ряде метафорических образов. С другой стороны, жизнь может выступать и в роли существа, более доброжелательного по отношению к человеку, сравн.: *Мне жизнь подсказывает перемирье, И тщится горю изменить рука* (И. Г. Эренбург. «Пред зрелищем небес...»); *Мирная жизнь, которая в течение пятнадцати лет баюкала все существо Анны, была безнадежно разломана* (В. Я. Брюсов. «Через пятнадцать лет»); *В те времена Андрей Седых Ходил, как говорится, в молодых, И баловала жизнь его успехом* (И. В. Елагин. «Сегодня новый замысел возник...»); *Многообразно и в охоту предлагает жизнь сама Душе и мускулам работу – Работу сердца и ума* (Я. В. Смеляков. «Работа»); *Хороша наша жизнь – напоит допьяна, Карамелью снабдит, удивит каруселью* (С. М. Гандлевский. «Чикиликанье галок...»); *Жизнь оберегает талантливых людей* (Виктор Астафьев. «Затеси»); *Жизнь любит смелых* (Эдуард Лимонов. «У нас была Великая Эпоха»); *И вся эта нелегкая жизнь снабдила его массой впечатлений, познакомила с героями будущих произведений* (Б. Н. Полевой. «Несколько слов о Дж. Лондоне»).

Жизнь в устойчивых выражениях может выступать и как объект действия. Так, достаточно распространенным является сочетание *жаловаться на жизнь*, в котором жизнь предстает в роли обидчика: *С каким бы постоянством и настойчивостью ни жаловались мы на жизнь, в настоящую минуту мы не будем сознавать, насколько положение наше ужасно* (Андрей Битов. «Рассеянный свет»).

Значительно менее частотными являются контексты, в которых жизнь выступает в роли жертвы: *Говоря однажды о Толстом, он писал Валуеву, что Толстой набрасывает на жизнь широкую сеть и в нее захватывает разнообразные явления и множество лиц* (А. Ф. Кони. «Иван Александрович Гончаров»); *Каждый видел своими собственными глазами, что у нас в образованных сословиях женщины несравненно выше своих мужей; вот и ловите жизнь после этого общими формулами* (А. И. Герцен. «Сорока-воровка»); *На лице ее остановилось тихое, презрительное выражение, словно она решила не вмешиваться больше и не **отравлять себе жизнь*** (Ирина Муравьева. «Мещанин во дворянстве»).

Таким образом, персонифицированный образ жизни в подавляющем большинстве устойчивых сочетаний выступает как субъект действия. Метафорическая сочетаемость лексемы *жизнь* преимущественно отражает представления о роли существа, наделенного силой и властью, свободного и независимого. В отношении «жизнь – человек» жизнь влияет на человека, двигает им, изменяет его, иногда оказывает ему помощь, является судьей, учителем, агрессором; человек в этих отношениях пассивен и, как правило, вынужден подчиниться жизни.

Список использованных источников

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : «Аделант», 2013. – 800 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа : 09.09.2020.
3. Словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1983. – 688 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

The article discusses metaphorical combinations with a component of life, reflecting anthropomorphic features in the figurative component of the concept under consideration. The subject of the research is the peculiarities of the functioning of these stable combinations in artistic discourse (based on the texts presented in the Russian National Corpus).

Keywords: lexeme, semantics, concept, image, metaphor, personification, compatibility.

У. А. Вознесенская

ОСОБЕННОСТИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ СОВЕТСКИХ КИНОКОМЕДИЙ

Данная статья посвящена проблеме включения крылатых выражений из советских фильмов в класс фразеологии. Проведен лингвистический анализ крылатых выражений как объекта фразеологии, приведен обзор критической литературы на данную тему. В статье автор дает свою точку зрения на вопросы принадлежности крылатых выражений к классу фразеологии; приводит критерии фразеологизации крылатых выражений; анализирует известные крылатые выражения из советских фильмов; делает вывод о крылатых выражениях из советских фильмов как о важной составляющей фразеологического фонда языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, крылатые выражения, критерии крылатизации, крылатые выражения в советских фильмах.

Многие исследователи сходятся во мнении, что кинематограф является значимым и самостоятельным пластом культуры, обладает воспитательной, образовательной и эстетической функциями, помогает сформировать ценностные ориентиры, а также является источником большинства текстовых реминисценций (цитат, аллюзий, упоминаний, фразеологических единиц), функционирующих в повседневной коммуникации [1, с. 120; 2, с. 181]. Наиболее яркими и образными реминисценциями являются фразеологические единицы (далее – ФЕ), отражающие культуру, традиции, национальные особенности и особенности менталитета тех или иных народов и стран. Цитирование фразеологических реминисценций является заметным явлением в речевой практике носителей русского языка, многие ФЕ входят в активный словарный запас людей [3, с. 197; 4, с. 145].

Одной из наиболее ярких составляющих фразеологии являются крылатые выражения. Это выражения, которые получили широкое и длительное употребление и автор или литературный источник которых может быть достоверно установлен. Говоря об источнике крылатого выражения (далее – КВ), необходимо отметить, что в эпоху кинематографа источником крылатых выражений нередко являются не только литературные произведения, но и кинотексты и известные персонажи фильмов.

КВ представляют собой неоднородные образования как в структурном, так и в семантическом отношении. По своей структуре КВ могут существовать в виде словосочетаний, законченных простых и сложных предложений, незавершенных фразовых фрагментов. В семантическом отношении КВ отличаются разной степенью переосмысления значения отдельных составляющих и демотивированности. В связи с сильной неоднородностью КВ в ходе их изучения ученые сталкиваются с проблемой включения / невключения КВ в состав фразеологических единиц языка.

Существуют различные точки зрения на принадлежность крылатых выражений к фразеологии. Такие ученые, как А. И. Молотков, Н. Н. Амосова, Л. Н. Кожин и А. И. Смирницкий не относят КВ к классу фразеологии, основывая свою аргументацию на теории эквивалентности ФЕ одному слову, которая была выведена основоположником фразеологии Ш. Балли. Другой точки зрения, которая относит КВ к фразеологии, придерживаются В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, А. В. Кунин, А. А. Реформатский. Ученые утверждают, что КВ представляют собой особую фразеологическую категорию и в качестве аргументов приводят постоянный лексический состав КВ, смысловую традиционность, демотивированность и готовое воспроизведение КВ в речи.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения С. И. Ожегова, который принимал во внимание структурную и семантическую неоднородность КВ и отличие КВ от ФЕ и предложил узкое и широкое понимание фразеологии. При узком понимании к фразеологии относятся только идиомы, т. е. единицы, подвергшиеся полному переосмыслению. При широком понимании к фразеологии относятся любые устойчивые и воспроизводимые в речи как единое целое сочетания, состоящие из двух или более слов. Принимая во внимание данную точку зрения, можно сделать вывод о том, что емкие КВ с частично переосмысленным значением могут быть отнесены к особой форме ФЕ при широком понимании фразеологии.

Еще одной проблемой при изучении КВ как объекта фразеологии является проблема включения в состав фразеологии КВ, которые имеют черты ФЕ, но все еще соотносятся со своим источником и контекстной ситуацией. Противником включения таких КВ в раздел фразеологии выступал С. И. Ожегов. По его словам, к фразеологии могут относиться только КВ, которые утратили свою связь с автором и моментом его использования. Однако большинство ученых не считают сохранение авторства важным критерием для отнесения КВ к классу фразеологии. По мнению ученых, сохранение авторства или момента употребления КВ не влияет на включение КВ в класс фразеологии,

если изначально КВ подходит под основные критерии фразеологичности выражения и широко употребляется в речи. Более того, большинство ученых сходятся во мнении, что в любом случае в процессе употребления КВ в речи, авторство в той или иной степени теряется и усиливается его обобщенное значение. Кроме того, стоит отметить, что критерий авторства является достаточно субъективным. Существует много примеров отнесения одного и того же КВ к разряду КВ, сохранивших свое авторство и утративших его. Более того, если говорить непосредственно о носителях языка, то нужно учитывать, что все они имеют разный уровень образования и разный кругозор, именно поэтому для разных реципиентов одно и то же КВ может иметь либо не иметь свое авторство.

Подводя итоги всего вышесказанного, необходимо отметить, что критериями отнесения КВ к классу фразеологии в данной работе выступают: 1) схожесть синтаксической структуры КВ с синтаксической структурой ФЕ (т. е. емкость и постоянный состав КВ), 2) приобретение или усиление обобщенного смысла и приобретение метафоричности, 3) употребление КВ без указания авторства (здесь необходимо отметить, что при этом КВ может сохранять связь с автором, однако в речи или на письме данное КВ должно употребляться без указания автора, иначе оно приобретен статус цитаты).

Огромное количество КВ стало достоянием носителей русского языка благодаря советскому кинематографу. Советские фильмы рассказывают о жизни простых людей: об отношениях в быту, семье, производстве. В советских фильмах, несмотря на строгость цензуры того времени, прослеживается тонкая ирония над системой, властью и самоирония по отношению к национальному менталитету. До сих пор советские фильмы отличаются глубокими идеями, яркостью и самобытностью, духовной и интеллектуальной наполненностью, красочностью языка. Все вышперечисленное позволяет советским фильмам оставаться популярными до сих пор, а употребление КВ из этих фильмов становится неотъемлемой частью носителей русского языка.

Популярная рекомендательная лента контента и платформа для блогеров «Яндекс.Дзен» опубликовала статью «50 крылатых фраз из советских фильмов». Из 50 представленных в статье КВ только пять можно точно отнести к классу фразеологии [5].

Первым примером такого КВ является фраза из фильма «Дженгельмены удачи» 1971 года – «*Все! Кина не будет. Электричество кончилось*». В фильме данная фраза употреблялась изначально с метафорическим смыслом (в эпизоде, когда рушатся планы главных героев), в связи с чем данная фраза получила широкое распространение

вне фильма. Однако в качестве КВ данная фраза стала использоваться в усеченном варианте *Кина не будет*. Данная фраза превратилась в КВ, при этом усилились обобщенный смысл и метафоричность. Сейчас в речи данная фраза употребляется в устойчивом сочетании с характерным употреблением слова *кино* в неправильной для русского языка форме, фраза используется в любой ситуации, которую человек связывает с несостоявшимися планами, с ожидаемым, но не произошедшим событием. Схожесть синтаксической конструкции данной фразы, ее постоянный характер, демотивированность и метафоричность позволяют данному КВ входить в класс фразеологии.

Вторым примером КВ, которое входит в класс фразеологии, может являться фраза из фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» 1965 года – «*Надо, Федя! Надо*». В фильме данная фраза имела буквальный характер, однако комичность ситуации и яркий образ главного героя позволили получить этому выражению широкое распространение вне фильма. В жизни фраза приобрела обобщенно-метафорический характер и стала употребляться в любой ситуации, когда, несмотря на нежелание человека что-либо делать, над чем-то трудиться, мы заставляем его, указываем на необходимость данного занятия. Синтаксический состав данной фразы, ее постоянный характер и переосмысленность являются достаточными критериями для отнесения данной фразы к классу фразеологии.

Еще одним КВ, которое соответствует критериям фразеологичности, является фраза из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» 1973 года – «*Я требую продолжения банкета!*» В фильме фраза употреблялась в буквальном смысле, но вне фильма получила широкое распространение и метафоричный характер, а в современной речи данное КВ используется для выражения желания человека продолжить приятное для него дело или мероприятие.

Еще одним примером из данной статьи является фраза из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» 1975 года – «*Какая гадость эта ваша заливная рыба!*» Так же, как и в предыдущем примере, в фильме фраза использовалась буквально по отношению к невкусному, по мнению одного из героев фильма, блюду. Однако вне фильма фраза получила широкое распространение и обобщенно-метафорический характер. На данный момент, используя это КВ, под «заливной рыбой» мы подразумеваем любое явление или любой предмет, который нам не нравится. У данного КВ достаточно краткая синтаксическая конструкция, постоянный лексический состав и переосмысленное значение, что позволяет назвать данное КВ фразеологизмом.

Последним примером является КВ из фильма «Бриллиантовая рука» 1968 года – *«Поскользнулся, упал, закрытый перелом, потерял сознание, очнулся – гипс»*. В фильме данная фраза описывала буквальную ситуацию, произошедшую с человеком, однако, получив распространение вне фильма, она стала использоваться как КВ с обобщенно-метафорическим смыслом. В настоящее время данное КВ используется для обозначения любой курьезной и неожиданной ситуации, произошедшей в жизни. Стоит также отметить, что, став КВ, фраза сократилась и сейчас употребляется в редуцированном виде – *«Поскользнулся, упал, очнулся – гипс»*. В сокращенном варианте данное КВ стало иметь более схожую с ФЕ синтаксическую конструкцию, у него постоянный лексический состав и переосмысленное значение, поэтому данное КВ может быть отнесено к классу фразеологии.

Такие известные КВ, как, например, *«Какие люди, и без охраны»*, *«Оставь меня, старушка, я в печали»*, *«Наши люди в булочную на такси не ездят»*, *«Не учите меня жить, лучше помогите материально!»*, несмотря на широкое распространение, не получили метафорического значения, что не позволяет относить их к классу фразеологии.

Необходимо отметить, что все приведенные выше КВ возникли в кинокомедиях. Это можно объяснить тем, что комедийный жанр изначально подразумевает наличие ярких и выразительных персонажей, ситуативных моментов, которые сопровождаются острыми речевыми оборотами. Именно благодаря удачному совмещению образа героя, ситуации и высказывания в дальнейшем фраза может превратиться в КВ и распространиться вне фильма. Именно поэтому можно сделать вывод, что большинство крылатых выражений, которые могут стать ФЕ, относятся к комедийным фильмам.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что КВ, которые могут перейти в класс фразеологии по структурно-семантическим критериям, очень немногие. Большинство КВ являются не переосмысленными и используются в жизни как яркие выражения-цитаты, но не фразеологизмы. Однако как объект фразеологии КВ представляют собой ценный языковой материал, который требует дальнейшего изучения, особенно в плане образования на их основе новых фразеологизмов.

Список использованных источников

1. Душенко, К. Русско-советский «кинемалогос»: кино как источник речевого фольклора / К. Душенко // Культурология. – 2002. – № 2. – С. 118–122.
2. Савенкова, Л. Б. Крылатые выражения из отечественных кинотекстов как отражение мировоззрения россиян / Л. Б. Савенкова, В. В. Молчанов // Наука. – 2015. – № 5. – С. 180–183.

3. Чугунов, А. М. Структура и функции кинематографа: опыт исследований / А. М. Чугунов // Манускрипт. – 2014. – № 10. – С. 196–200.

4. Федорова, И. К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации / И. К. Федорова // Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 39. – С. 142–149.

5. 50 крылатых фраз из советских фильмов [Электронный ресурс] // Zen.yandex.ru. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/id/5b9575ecb4dba900ac7c3ed7/50-krylatyh-fraz-iz-sovetskih-filmov-5bbb51dec4487100abab8102>. – Дата доступа : 18.11.2020.

This article is devoted to the problem of including winged expressions from Soviet films in the phraseology class. The linguistic analysis of winged expressions as an object of phraseology was carried out, and a review of critical literature on this topic was given. In the article the author gives his point of view on the questions: specifies the scope of phraseology; clarifies the scope of phraseology; gives the necessary criteria for placing a winged expression in the phraseology class, makes an analysis of the famous aphorisms from the Soviet films; draws conclusions about winged expressions from Soviet films as an important component of the phraseological Fund of the Russian language.

Keywords: phraseological units, winged expressions, criteria for placing a winged expression in the phraseology class, winged expressions from Soviet films.

УДК 811.161.1:81'373.72

С. А. Волкова, Д. В. Калиш

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПРЕДМЕТНОГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению фразеологических единиц современного русского языка, которые относятся к предметному классу и не имеют эквивалентов в иностранных языках. Исследование основано на достижениях классической русской фразеологии в изучении структуры и семантики фразеологических единиц и их культурологического бэкграунда. В результате исследования выявляем две группы безэквивалентных фразеологических единиц предметного класса в русском языке: ФЕ, обозначающие индивидуальные референты, и ФЕ, обозначающие групповые референты.

Ключевые слова: безэквивалентные фразеологические единицы, ФЕ предметного класса, индивидуальные референты ФЕ, групповые референты ФЕ.

Объект нашего исследования – безэквивалентные фразеологические единицы [1] предметного класса в русском языке. Предмет исследования – особенности компонентного состава изучаемых фразеологических единиц с компонентом-топонимом, играющим немаловажную роль в фразеологической номинации [2], и их связи с прототипным сочетанием слов [3; 4]. Теоретической базой исследования послужили работы классиков отечественной фразеологии, в особенности работы В. В. Виноградова [5; 6], В. П. Жукова и А. В. Жукова [7; 8] в области семантики фразеологических единиц русского языка. Методологической и методической основой исследования послужили исследования З. И. Комаровой [9] и М. Л. Ковшовой [10]. В качестве иллюстративного материала использовались контексты, подобранные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [11].

Наблюдения показывают, что значительное количество изучаемых фразеологических единиц имеют в своем составе компоненты-топонимы. Такие фразеологические единицы классифицируем как топонимические ФЕ и обнаруживаем способность их подразделения на следующие виды:

1. Фразеологические единицы, обозначающие индивидуальные референты:

(а) *коломенская верста* – ирон. ‘человек очень высокого роста; верзила’. Выражение возникло из нелестного уподобления или сравнения долговязого человека с высокими верстовыми столбами, расставленными между Москвой и селом Коломенским, летней царской резиденцией, в царствование Алексея Михайловича [12]. Приведем контекстуальный пример: *Геннадий сердито проговорил: «Не баба – коломенская верста. Жолудев болезненно сморщился, она остерегающе сжала локоть соседа, заговорила о чем-то неважном и несущественном. В конце концов, они приспособились и зашагали по льдистой аллейке, присыпанной еле приметным песком»* (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008);

(б) *казанская (казанский) сирота* – разг. ‘человек, притворяющийся несчастным, обиженным, беспомощным и т. п., чтобы вызвать сочувствие жалостливых людей’. Первоначально: о татарских мирзах (князьях), старавшихся после покорения Казанского царства Иваном Грозным получить от русских царей всевозможные поблажки, жалужья на свою горькую участь [12]. Приведем контекстуальный пример: *Именно – сирота!.. Именно – казанская сирота!.. Полтораста тысяч дохода, истину вам говорю – полтораста тысяч!* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889));

(в) *Северная Пальмира* – публ. ‘образное название Санкт-Петербурга’. Пальмира – город в Сирии, основанный в I тыс. до н. э. в оазисе среди бесплодной пустыни. Приведем контекстуальный пример: *Град Петра, Северная Пальмира, самый европейский город России...* (Анатолий Аграфенин. Валентина Матвиенко: Добрые питерские традиции – наш важнейший ресурс // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.05.26);

(г) *Вяземская лавра* – неодобр. ‘притон, место, где собираются люди, ведущие безнравственный образ жизни’. Происхождение фразеологизма связано с фамилией князя Вяземского, дом которого в Петербурге пользовался дурной славой, был известен как притон. Экспрессия оборота заключается в соединении конкретного имени с переосмысленным словом *лавра* ‘большой мужской монастырь, находившийся в ведении синода’, отсюда – ироническая окраска выражения [12]. Например: *Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие. – А в котором часу это было?* (Р. Л. Антропов. Гений русского сыска И. Д. Путилин (1908)).

2. Фразеологические единицы, обозначающие групповые референты:

(а) *господа ташкентцы* – публ. презр. ‘рвачи, хапуги, наживающиеся за счет государства’. Заголовок сатирической статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Например: *Колониальные войны, жестокое подавление национально-освободительных движений, самодурство дикого российского чиновничества, «господа ташкентцы» – все это было...* (Морис Симашко. Пятый Рим. Главы из книги (2000) // «Октябрь», 2001, № 1);

(б) *Афинские вечера (ночи)* – книжн. неодобр. ‘об оргиях пресыщенных светских людей’. Связано с религиозными культами Деметры и Диониса в Древней Греции. Например: *«Все вздор» – решила Варвара Петровна, складывая и это письмо, – Коль до рассвета афинские вечера, так не сидит же по двенадцати часов за книгами. Спьяну, что ль, написал?* (Ф. М. Достоевский. Бесы. (1871–1972));

(в) *тайны мадридского двора* – книжн. шутл. или ирон. ‘об интригах, секретах вышестоящих лиц, непонятных их подчиненным’. Фразеологизм возник после появления русского перевода романа немецкого писателя Г. Борна «Тайны мадридского двора» (1870 г.). [13]. Например: – *Или вы немедленно объясните мне, в чем дело, или я больше с вами не разговариваю и видеть вас не желаю! Что за тайны мадридского двора? Между прочим, я – лицо заинтересованное! – Хорошо, я тебе все расскажу, – кивнул Гуров* (А. Макеев, Н. Леонов. Гроссмейстер сыска (2003)).

Реалии, обозначаемые фразеологизмами, включающими топонимы, тесно связаны с географией и историей страны, традициями, бытующими в той или иной местности.

В результате их рассмотрения выявлено два вида топонимических безэквивалентных фразеологических единиц: фразеологические единицы, обозначающие индивидуальные референты, и устойчивые словосочетания, обозначающие групповые референты. Фразеологизмы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры русского народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

Список использованных источников

1. Трудности перевода безэквивалентных фразеологических единиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vuzlit.ru/889789/trudnosti_perevoda_bezekvivalentnyh_frazeologicheskikh_edinit. – Дата доступа : 09.09.2020.

2. Федуленкова, Т. Н. Фразеологическая номинация: когнитивный аспект: монография / Т. Н. Федуленкова // Международный журнал экспериментального образования / гл. ред. М. Ю. Ледванов. – М. : Академия Естествознания, 2011. – № 9. – С. 58–60.

3. Федуленкова, Т. Н. Особенности фразеологической семантики / Т. Н. Федуленкова, А. С. Попова, Е. Л. Виноградова // Новый взгляд на проблемы современного языкознания : Материалы II Международной конференции школьников, студентов и аспирантов / науч. ред. Р. К. Боженкова. – Курск, 2011. – С. 231–237.

4. Федуленкова, Т. Н. Фразеологизмы с компонентом именем собственным в деловом английском языке: семантика и лингводидактика / Т. Н. Федуленкова // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе : Материалы ежегод. междунар. конф. 10–12 апреля 2012 г. – М. : РУДН, 2012. – С. 283–287.

5. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.

6. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 118–139.

7. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов : учебное пособие / В. П. Жуков / Предисл. А. В. Жукова. – изд. 2-е. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 176 с.

8. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – изд. 2-е. – М. : Высшая школа, 2006. – 408 с.

9. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. – М. : ФЛИНТА, Наука, 2018. – 820 с.

10. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – изд. 3-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 09.09.2020.

12. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка : свыше 8000 русских фразеологизмов, 950 синонимических рядов, толкование значений, алфавитный указатель фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : АСТ-Пресс, 2009. – 444, [1] с. – (Серия «Настольные словари русского языка») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://search.rsl.ru/ru/record/01004385243>. – Дата доступа : 19.06.2020.

13. Мокиенко В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://obuchalka.org/2017100196730/bolshoi-slovar-russkih-pogovorok-mokienko-v-m-nikitina-t-g-2007.html>. – Дата доступа : 19.06.2020.

The article is devoted to the study of phraseological units of the modern Russian language, which belong to the subject class and have no equivalents in other/foreign languages. The study is based on the achievements of classical Russian phraseology in the field of the structure and semantics of phraseological units and their cultural backstory. As a result of the study, we identify two groups of non-equivalent phraseological units of the subject class in Russian: PUs, denoting individual referents, and PUs, denoting group referents.

Keywords: non-equivalent phraseological units, subject class PUs, individual PU referents, group PU referents.

УДК 81'373.47

А. А. Галынская

**РУССКИЕ ФРАЗЕМЫ
В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ
«ДЕНЬГИ, ПЛАТЕЖИ И ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ»**

На основе лексикографических описаний русских фразем с обозначениями денег, платежей, финансовых операций (40 единиц), а также словарных дефиниций всех компонентов, входящих в состав анализируемых фразем, по методике И. А. Мельчука (1960) было выявлено, присутствуют или не присутствуют в каждой из фразем данного подкорпуса свойства идиоматичности и образности. В исследуемом русском материале свойством идиоматичности обладают 70 % фразем, при этом 39,2 % единиц являются образными идиомами (по методике В. В. Виноградова и Н. М. Шанского это фразеологические единства). Выявленные количественные различия позволяют считать, что в русской фразеологии отражается рационалистическое отношение говорящих к семантике финансовой лексики.

Ключевые слова: фразеология, русский язык, идиоматичность, образность, обозначения денег, фразеологическое единство, фразеологическое сращение, фразеологическое сочетание, фразеологическое выражение.

Принципы отбора фразеологического материала. Источники. Объем материала

Материалом для работы послужили русские фраземы, содержащие в себе 100 наиболее частотных непроеизводных лексем, обозначающих деньги и платежи и извлеченных из «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова [1]. Отбор лексем, относящихся к полю «деньги, платежи», проводился путем компонентного анализа словарных дефиниций. Если в толковании присутствует хотя бы одно ядерное слово, принадлежащее полю «деньги, платежи, финансовые операции» (*деньги, платить, купить, банк* и их морфемные дериваты), то есть основания включить проблемное слово в исследуемое поле. Например, лексема *стипендия* в словаре С. А. Кузнецова определяется так: «регулярное денежное пособие, выдаваемое государством, общественным фондом, частной организацией учащимся в специальных учебных заведениях и на курсах с отрывом от производства» [1, с. 1269]. В описании слова имеется прилагательное *денежное*, следовательно, данная лексема может быть включена в поле «деньги и платежи». Отобранный путем компонентного анализа список лексем был сокращен до сотни на основании частотности их употребления. 100 первых непроеизводных русских финансовых обозначений были определены по данным «Нового частотного словаря русской лексики» [2]. Русские фраземы извлекались из заромбовой части словарных статей непроеизводных самых частотных лексем исследуемого поля.

Задачи и общая характеристика метода исследования

Для лингвистической характеристики русских финансовых фразем важно определить, в какой мере для данных групп фразеологии (в каждом языке) характерны следующие признаки: 1) идиоматичность; 2) образность; 3) устойчивость. При этом, исследуя идиоматичность фразеологии, важно различать два вида идиоматичности: а) полную идиоматичность (означает отсутствие мотивированности фраземы); б) образную идиоматичность (наличие у фраземы образной мотивированности). Определяя понятия «идиоматичность» и «устойчивость», выявляя наличие этих свойств у фразем, следуем известной работе И. А. Мельчука [3, с. 73–80], который определил эти свойства, а также показал взаимную независимость свойств устойчивости и идиоматичности в сочетаниях лексем.

Принципы выявления свойства идиоматичности у лексических сочетаний

По определению И. А. Мельчука, «сочетание идиоматично только тогда, когда его переводный эквивалент не совпадает с суммой переводных эквивалентов его частей» [3, с. 75]. Лингвистами были выделены такие основные условия идиоматичности: «1. В идиоматичном сочетании должно быть хотя бы одно слово с “единичным переводом”, т. е. с переводом, возможным лишь при наличии другого определенного слова (или при одновременном наличии нескольких определенных слов. 2. В идиоматичном сочетании слово с единичным переводом должно иметь этот перевод только при одновременном появлении данного слова со всеми остальными элементами. 3. Слово с единичным переводом, входящее в состав идиоматичного сочетания, должно встречаться вне данного сочетания и иметь тогда другой перевод» [3, с. 76–77].

Свойство идиоматичности было выявлено в тех русских исследуемых фраземах, в составе которых есть как минимум одна лексема в несловарном значении. Фраземы, в составе которых все слова выступают в своих словарных значениях, не являются идиомами. На примере русской фраземы *бедный родственник* ‘о человеке, неравном кому-то по материальному положению, состоянию и достоинству’ [1, с. 555] рассмотрим, каким образом выяснялось, содержит или не содержит данный оборот свойство идиоматичности. Слово *бедный* в данном обороте выступает в значении словарном и прямом – ‘не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию’ [1, с. 64]. Что касается слова *родственник* в рассматриваемом обороте, то здесь оно выступает в значении ‘человек, неравный кому-то по материальному положению’. Если обратиться к словарной статье *родственник* в словаре С. А. Кузнецова (‘тот, кто находится в родстве’) [1, с. 1126], то видно, что это слово в рассматриваемой фраземе не выступает в своем словарном значении. Следовательно, слово *родственник* создает идиоматичность всей фраземы *бедный родственник*.

Образные неустойчивые идиомы в лексико-фразеологическом поле «деньги, платежи и финансовые операции» в русском языке

Образные неустойчивые идиомы по методике И. А. Мельчука сопоставимы с фразеологическими единствами по методике Н. М. Шанского и В. В. Виноградова. Н. М. Шанский определял фразеологические единства как обороты, «неразложимое значение которых возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого» [4, с. 81]. Основная черта фразеологических единств состоит в переносно-образном характере их семантики, при этом сосуществование

прямого и переносного (образного) значений вполне осознается носителями языка. Опишем, каким образом обнаруживается наличие или отсутствие образности в семантической структуре фраземы. Русский оборот *двойная бухгалтерия* имеет два не связанных между собой значения. Значение ‘метод учета по приходу и расходу, при котором учетные операции записываются два раза в разных книгах’ является прямым, в то время как значение ‘о лицемерных, двурушнических действиях ког-л.’ обладает несловарной переносной (в данном случае расширительной) и потому образной семантикой ‘лживый, лицемерный, двурушнический’ [1, с. 251]. Прилагательное *двойной* в составе данной фраземы имеет свое несловарное значение (‘состоящий из двух однородных или подобных частей’ [1, с. 242]). Несловарное значение слова *двойной* в составе оборота делает их идиомами, а переносно-расширительный и в целом мотивированный характер этого значения позволяет отнести данный оборот к образным идиомам по терминологии И. А. Мельчука (к фразеологическим единствам по терминологии В. В. Виноградова и Н. М. Шанского).

В рассмотренном русском подкорпусе фразем имеется 11 русских образных идиом.

Полные необразные идиомы в лексико-фразеологическом поле «деньги, платежи и финансовые операции» в русском языке

Полные необразные идиомы по И. А. Мельчуку или фразеологические сращения в терминологии В. В. Виноградова и Н. М. Шанского – это «семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с непроизводной основной» [4, с. 79]. О признаках фразеологических сращений писала В. Н. Телия в книге «Что такое фразеология»: «1) сращения – это такие же немотивированные и непроизводные образования, как слово, лишенное внутренней формы; 2) компоненты сращения лишены какого бы то ни было самостоятельного значения; 3) внешняя раздельнооформленность сращения – это лишь дань языковой традиции» [5, с. 22].

Рассмотрим русскую фразему *игра не стоит свеч*. Согласно словарю С. А. Кузнецова оборот *игра не стоит свеч* имеет значение ‘о невыгодном деле, не оправдывающем затраченных усилий, средств’ [1, с. 373]. Слово (*не*) *стоит* выступает в своем словарном значении (‘(не) иметь ту или иную цену, денежную стоимость’), а узуальная семантика существительного *свеч* (‘палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая для освещения’) никак – ни прямо, ни образ-

но – не связана с семантикой фраземы *игра не стоит свеч*. Эта связь носит исторический характер, так как выражение пришло из речи картежников и говорит о таком малом выигрыше, который не может окупить даже расходы на свечи, сгоревшие во время игры. Однако сейчас эти представления ушли из массового народного сознания. Ввиду полного отсутствия мотивированности и образности в определении *игра не стоит свеч*, рассмотренный оборот надо считать полной необразной идиомой (фразеологическим сращением). К необразным идиомам относятся также фраземы *овчинка выделки не стоит*, *гроша ломаного не стоит*, *выеденного яйца не стоит*, *мизинца не стоит* ‘о невыгодном деле, не оправдывающем затраченных усилий, средств’ [1, с. 1271], *купитькота в мешке* ‘приобрести что-л., не видя и не зная качества покупаемого’ [1, с. 542].

Всего в нашем подкорпусе представлено 17 русских фразеологических сращений.

Неидиоматические и неустойчивые обороты с финансовыми обозначениями в русском языке

Н. М. Шанским были выделены в особый разряд фразеологических оборотов фразеологические выражения. По определению лингвиста, фразеологическое выражение – «это устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободными значениями. Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не образуются говорящим, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [5, с. 84]. Рассмотрим оборот *быть в долгу*, который означает ‘быть обязанным кому-л. в чём-л.’ [1, с. 270]. Слово *долг* выступает в 1-м словарном значении ‘обязанность перед кем-, чем-л.’. Глагол *быть* также употреблен во фраземе в словарном значении. Таким образом, оба слова в составе фраземы используются в своих словарных значениях и не создают идиоматичности, образности, и поэтому фразема является неидиомой (фразеологическим выражением).

Русская фразема *за копейку отдать* означает ‘продать слишком дешево’ [1, с. 455]. В данном обороте слово *копейка* выступает в 1-м словарном значении ‘денежная единица, равная одной сотой рубля; монета этого достоинства’, которое является прямым значением. Глагол *отдать* в этой фраземе используется в 7-ом значении ‘предложить что-л. за плату; продать’, которое нельзя рассматривать как переносно-образное по отношению к 1 значению [1, с. 743]. Так, оба слова высту-

пают в своих словарных значениях, следовательно, оборот является неидиоматическим оборотом (фразеологическим выражением).

Неидиоматические, но устойчивые обороты

К фразеологическим оборотам данного класса относятся воспроизводимые словосочетания, в составе которых имеются слова с таким значением, которое проявляется только в соединении с другим определенным словом (или с двумя такими словами). В. В. Виноградов, который первым в русистике указал на существование таких лексических значений, писал: «Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах» [6, с. 159]. В. В. Виноградов также отмечает: «Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова (например, *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п., сравн. *задеть*)» [6, с. 159–160].

В исследуемом материале русского подкорпуса неидиоматических, но устойчивых оборотов (фразеологических сочетаний) обнаружено не было. Количественное соотношение разных классов рассмотренных фразем см. в Таблице 1.

Таблица 1 – Количественное соотношение разных классов фразем с обозначениями денег, платежей, финансовых операций в рассмотренном русском материале

Классы фразем в лексико-фразеологическом поле «деньги, платежи и финансовые операции»	Русский язык
Необразные (полные) идиомы (Фразеологические сращения)	17 (42,2%)
Образные идиомы (Фразеологические единства)	11 (27,5%)
Неустойчивые неидиомы (фразеологические выражения)	12 (30%)
Устойчивые неидиомы (Фразеологические сочетания)	–
Всего	40

Выводы

Русский подкорпус фразем в лексико-фразеологическом поле «деньги, платежи и финансовые операции» в целом скорее идиоматичен, чем нет: суммарная доля полных и образных идиом (фразеологи-

ческих сращений и фразеологических единств) составляет 69,7%, в то время как доля русских неидиом составляет 30%. Однако привлекает внимание тот факт, что полные русские идиомы (42,2%) количественно преобладают над образными русскими идиомами (27,5%). Обращает на себя внимание отсутствие неидиоматических, устойчивых фразем в русском подкорпусе, все неидиомы в русском подкорпусе являются неустойчивыми (фразеологические выражения). Вероятно, в русской экономической фразеологии отражается более рационалистическое отношение говорящих к семантике лексической группы «деньги, платежи, финансовые операции», примыкающее в большей мере к терминологическим значениям.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка (130 000 слов и выражений) / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Ляшевская, О. Н. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. – Дата доступа : 23.03.2020.
3. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1969. – 231 с.
5. Телия, В. Н. Что такое фразеология / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 86 с.
6. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.

Based on the lexicographic descriptions of Russian phrases with the designation of money, payments, financial transactions (40 units), as well as dictionary definitions of all components that make up the analyzed phrasemes, according to the method of I. A. Melchuk (1960), it was revealed whether it is present or not each of the phrasemes of this subcorpus has the properties of idiomaticity and imagery. In Russian material, 70% of the phrases have the idiomatic property, while 39.2% of the units are figurative idioms (according to the method of V. V. Vinogradov and N. M. Shansky, these are phraseological unity). The identified quantitative differences allow us to believe that the rationalistic attitude of speakers to the semantics of financial vocabulary is reflected in Russian phraseology.

Keywords: phraseology, the Russian language, idiomatic, imagery, money designations, phraseological unity, phraseological union, phraseological combination, phraseological expression.

А. К. Гридасов

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ
РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(на материале переводов произведений А. П. Чехова)**

В статье анализируются фразеологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из рассказов А. П. Чехова и их соответствия в текстах перевода. Анализ словарных дефиниций, метод лингвистического наблюдения и количественный анализ позволяют сделать обобщения и выводы о специфике работы с данным пластом лексики при переводе.

Ключевые слова: художественный текст, фразеологическая единица, сопоставительный анализ, текст оригинала, текст перевода, переводческая трансформация / прием перевода.

Фразеология – лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания-фразеологизмы. Чаще всего под фразеологизмами в разных классификациях понимают устойчивые словосочетания следующих типов: идиомы (*бить баклуши, водить за нос*), коллокации (*до упаду, зерно истины*) пословицы (*Не в свои сани не садись*) и поговорки (*Опять двадцать пять; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*) [1, 67–68].

Существуют разные взгляды ученых на данный пласт языковых выражений. В первую очередь хочется отметить труд В. В. Виноградова, предложившего классификацию фразеологизмов, восходящую к классификации швейцарского лингвиста Ш. Балли [2].

В. В. Виноградов выделяет три типа фразеологических единиц: 1) фразеологические сращения (устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой – *точить ляды*), 2) фразеологические единства (устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой – *подливать масло в огонь*) и 3) фразеологические сочетания (одно из слов употреблено в прямом смысле, другое – в переносном – *одержать победу, корень зла*) [3].

Существенно отличается от концепции В. В. Виноградова теория фразеологии, предложенная А. И. Молотковым, которая была положена в основу известного «Фразеологического словаря русского языка». Ученый, выделяя класс фразеологизмов, подчеркивает, что слова, входя в состав фразеологических выражений утрачивают свои обыч-

ные лексические значения и синтаксические функции. В результате в состав фразеологии входят только идиомы в современной интерпретации, а коллокации, пословицы, поговорки и крылатые слова исключаются [4].

Между тем отечественные ученые А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский включают в состав фразеологии коллокации, идиомы, пословицы, грамматические и синтаксические фразеологизмы [1].

С позиции отечественного ученого В. Н. Телия, «фразеологизм – это общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от исходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [5, с. 43].

Наше исследование проведено на основе перевода рассказов А. П. Чехова на английский язык, выполненного переводчиками Р. Пивиар и Л. Волохонской [6].

Актуальность темы перевода фразеологических единиц (далее – ФЕ) с годами не утрачивается, потому что язык развивается, идет процесс глобализации, связанный с заимствованиями ФЕ из других языков, а также образованием новых ФЕ в речи, и, чтобы выразить свои мысли и чувства в некоторых ситуациях, человек строит речевое высказывание с использованием различных лексических, грамматических и стилистических средств, которые иногда создаются в контексте. На современном этапе развития науки о языке исследование фразеологических единиц немислимо без изучения национально-культурной специфики, без рассмотрения роли фразеологизмов в репрезентации культуры народа. Методом сплошной выборки из текста оригинала нами было извлечено 30 единиц, для каждой из которых обнаружено соответствие в тексте перевода. Словарное значение всех единиц выверяется на основе классического англо-русского словаря фразеологизмов А. В. Кунина [7] и фразеологического словаря русского языка под редакцией В. Н. Телия [8]. В результате проведенного анализа установлено, что из 30 фразеологических единиц оригинала 12% переведено с помощью частичного изменения образа, 28% представлено в переводе за счет сохранения образа. Для перевода 21% примеров было использовано полное изменение образа; и, наконец, в 39% случаев переводчики обратились к последнему приему – опущение образа.

Следовательно, мы видим, что переводчики предпочитают опущение образа, что может быть продиктовано как их личными предпочтениями, так и учетом лингвистического и прагматического факторов.

Проиллюстрируем каждый из примеров в соответствии с классификацией приемов, представленных в работах О. В. Петровой [9] и Я. И. Рецкера (табл. 1–5) [10].

Таблица 1 – Пример № 1. Сохранение образа

А. П. Чехов	В. Н. Телия и др.	Р. Пивиар и Л. Волохонская
Ученье, как говорится, свет, а неученье – тьма!		Learning is light, as the saying is, and ignorance is darkness.

Таблица 2 – Пример № 2. Частичное изменение образа

А. П. Чехов	В. Н. Телия и др.	Р. Пивиар и Л. Волохонская
Кто изменяет жене или мужу, тот, значит неверный человек, тот может изменить и отечеству! – <i>Заткни фонтан, Вафля!</i> »	Заткни фонтан! (груб.-прост.) – замолчи, заткнись, закрой рот.	Anyone who betrays either a wife or husband, that person is untrustworthy and could easily betray their country! <i>Oh do dry up, Waffles!</i> COLLINS (dry up – to stop talking in the middle of what you were saying).

Таблица 3 – Пример № 3. Полное изменение образа

А. П. Чехов	В. Н. Телия и др.	Р. Пивиар и Л. Волохонская
Все деньги свои потратил, хотел нажиться и <i>пыль пустить</i> .	<i>Пыль пустить</i> – хвастаться, обманывать, желая показать мнимые достоинства.	He has wasted all his money; he wanted to grow rich and <i>cut a dash</i> – COLLINS (<i>to have a bold manner</i>).

В данном примере электронный словарь COLLINS [11] дает следующее определение: «If you say that someone cuts a dash, you mean that they have an attractively stylish appearance or rather bold manner», где можно проследить изменение образа в АЯ.

В примере № 5 мы видим, что переводчики перевели русскую фразеологическую единицу английской идиомой *stare one in the face* – COLLINS (to look fixedly often with wide-open eyes, to appear rough and lusterless). Мы видим, что значение английской идиомы отличается от русского фразеологизма в изменении образности, но, на мой взгляд, в данном контексте эта идиома смотрится выигрышно и общий смысл не теряется.

Проверяя каждую фразеологическую единицу в словарях, мы пришли к выводу, что словарь А. В. Кунина устарел, а новые фразеологические единицы с каждым днем расширяются и тем самым обогащают язык.

Таблица 4 – Пример № 4. Опущение образа

А. П. Чехов	В. Н. Телия и др.	Р. Пивиар и Л. Волохонская
«И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы <i>отвести глаза</i> себе и другим».	<i>Отвести глаза</i> – отвлекать внимание, вводить в заблуждение.	And it's obvious that all our nice talk is only carried on to <i>distract ourselves and others</i> .

Таблица 5 – Пример № 5. Изменение образа

А. П. Чехов	В. Н. Телия и др.	Р. Пивиар и Л. Волохонская
«И вишневый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее, – аукцион <i>на носу</i> ».	<i>На носу</i> – в ближайшее время, вот-вот.	Both the cherry orchard and the land must be leased off for villas and at once, immediately – the auction is <i>staring you in the face</i> .

Проведенный анализ показывает, что в текстах перевода в большинстве случаев сохраняется образное значение исходной фразеологической единицы (в 61% примеров). Вместе с тем в тех случаях, когда образ полностью опускается по отношению к одной единице, эмфатико-экспрессивное значение другой исходной единицы усиливается, что позволяет сохранять общий баланс стилистической окраски текста. Таким образом, можно утверждать, что задача переводчиков по преобразованию фразеологических единиц оригинала в текстах выполнена успешно. Основной вывод сводится к следующему: переводчики Ричард Пивиар и Лариса Волхонская смогли представить на английском языке сложные художественные тексты в полном соответствии с авторским замыслом.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 696 с.
2. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с французского К. А. Долинина ; под. ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Иностранная литература, 1961. – 394 с.
3. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
4. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Anton Chekhov. The complete short novels. A new translation by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Everyman's library. Alfred A. Knopf. New York. London. Toronto [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bookre.org/reader?file=1154272/>. – Дата доступа : 19.10.2020.
7. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
9. Петрова, О. В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка) : учебное пособие / О. В. Петрова. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. – 84 с.
10. Рецкер, Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1982. – 159 с.
11. Электронная библиотека. COLLINS dictionary оригинал. 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.collinsdictionary.com/>. – Дата доступа : 20.10.2020.

The article analyses phraseological units extracted from A. P. Chekhov's small stories and their counterparts in the Russian translation. Analysis of lexical definitions, the method of linguistic observation and quantitative analysis make it possible to come to some conclusions concerning specifics of this layer of lexical units as it is seen in translation of fiction.

Keywords: fictions, phraseological unit, comparative analysis, original text, translation text, transformation.

Е. С. Грищенко

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ- НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц и примет), содержащих компоненты-названия растений в русском языке. Выделены семантические группы фразеологизмов и пословиц: а) со значением положительной и отрицательной оценки внешних и внутренних качеств человека и ситуаций; б) отражающие социальное расслоение. Отдельно рассматриваются приметы. Устанавливается список названий растений, наиболее регулярно употребляющихся в устойчивых выражениях.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, устойчивое выражение, растение, оценка.

Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением [1].

Фразеологизм имеет ряд ярко выраженных характеристик: устойчивость, целостность значения, воспроизводимость, эмоционально-экспрессивная окраска. Приведенные признаки фразеологической единицы имеют комплексный и обязательный характер. Фразеологизм может быть эквивалентен одному слову, заменяющему устойчивый оборот. Только в совокупности всех перечисленных свойств определяется фразеологическая единица.

Все фразеологизмы с точки зрения семантической слитности обычно делятся на три группы: фразеологические сращения, единства и сочетания. Основным признаком фразеологического сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из значений его отдельных компонентов [2]. Под фразеологическим единством понимают лексически неделимые конструкции, общее значение которых мотивировано переносным значением слов, входящих в состав фразеологического оборота. Фразеологическое сочетание представляет собой устойчивый оборот, общее значение которого зависит от смысловой нагрузки образующих его слов.

Фразеологические обороты обладают разной степенью экспрессивности. Среди них выделяют стилистически нейтральные устойчивые выражения, имеющие прямое значение, а также приближающиеся

к терминам или номенклатурным наименованиям. Однако большинство фразеологизмов экспрессивно маркированы.

Стилистическая окраска фразеологизмов обуславливает закрепление их в определенном стиле речи. Употребление фразеологизмов характерно прежде всего для разговорной речи. Разговорные фразеологизмы образны, экспрессивны и имеют сниженный стилистический оттенок. Книжных фразеологизмов в русском языке меньшее количество. Такие фразеологизмы в художественных текстах придают письменной речи оттенок приподнятости и торжественности.

В системе лингвистических дисциплин фразеология до настоящего времени помещается рядом с лексикологией или включается в неё. Объем и основные понятия фразеологии до сих пор продолжают оставаться дискуссионными. **Образность**, которая выводится на первый план в качестве признака, присуща не только фразеологизмам, но и отдельным словам, употребленным в тексте в переносном значении, пословицам и поговоркам, в которых она является неотъемлемой частью, некоторым синтаксическим конструкциям. Если руководствоваться этим признаком, фразеология становится практически безграничной. Мы придерживаемся широкого понимания термина *фразеология*, предполагающего включение в состав фразеологизмов не только устойчивых оборотов, эквивалентных слову, но и предикативных единиц, представленных пословицами, поговорками и выражениями, заключающими в себе приметы. Например, В. П. Жуков замечает: «Границей фразеологизма, на уровне словосочетания, служит фразеологическое сочетание, а на уровне предложения – пословицы, поговорки и крылатые выражения» [3, с. 15].

В русском языке известно достаточно большое количество устойчивых оборотов, в составе которых имеется компонент, называющий растения, их части или образованный от названия растения. Анализ устойчивых выражений проводился на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [4]. Такие устойчивые единицы наиболее часто выражают оценку человека (его внешних признаков, интеллектуальных, психологических качеств, внутренних состояний, поведения) или ситуаций, явлений. Среди подобных фразеологизмов большая часть выражает значение отрицательной оценки.

Так, к устойчивым выражениям, отрицательно оценивающим внутренние или внешние качества человека, относятся следующие: *чучело гороховое* или *шут гороховый* ‘о человеке смешно, несуразно одетом либо о человеке пустом, служащем всеобщим посмешищем’; *С твоим умом только в горохе сидеть, пугалом*; *Он дерево деревом*

‘туп и глуп, или бесчувствен’; *Яблочко от яблоньки недалеко отка-
тывается; Будто черти на нем горох молотили; Ровно старый гриб
на болоте ‘бестолковый’; Не расти яблочку на елке; У скряги зерна
не вымолотишь; Красна ягодка, да на вкус горька; Приелся, как сухой
ячмень беззубой кобыле; Дрожит, как осиновый лист; Трясетя, как
лист на осине; Выжатый лимон; Не растут на вербе груши. А где
слыхано, на вербе груши? а где видано, приказный, да добр человек?;
крапивное семя (устар.) ‘презрительное прозвище подьячих и приказ-
ных, а затем чиновников-взяточников’.*

Устойчивые выражения, положительно характеризующие внут-
ренние или внешние качества человека, представлены следующими:
*Девка – что твое яблочко!; Это нашего поля (бору) ягода; Нашего
поля ягода ‘наш брат, человек по нам’; Этого орешка не раскусишь;
Растет, как пшеничное тесто на опаре киснет; От доброго дерева
добрый и плод; Осиная талия ‘очень тонкая талия’.*

Отрицательная оценка различных ситуаций и явлений выражает-
ся такими устойчивыми выражениями, как: *Досталась гадине вино-
градная ягода (или виноградина); Мимо гороху да мимо девки так не
пройдешь; Девку в доме да горох в поле не уберечь; Горох в поле, что
девка в доме: кто ни пройдет, всяк щипнет; Горох да репа – завидное
дело: кто ни идет, урвет; Житье, что гороху при дороге: кто ни
пройдет, тот и скубнет; Лес по дереву не плачет; И на дереве лист
на лист не приходится; Куда дерево клонилось, туда и повалилось;
Куда дерево подрублено, туда и валится; Пошел бы к соседу по капу-
сту, да на двор не пустят; Не выросла та яблонька, чтоб ее черви не
точили; Попало зернышко под кованый жернов; Не от добра дерево
листья роняет; Много ржи, да все лебеда; Пойду туда, где про меня
рожь молотят; Вот так клюква! ‘восклицание, выражающее удив-
ление по поводу какой-л. неприятной неожиданности’; От яблоньки
яблочко, а от ели шишка; Поехали с орехами, придут ни с чем; Надо-
ел, как горькая редька; Рад, как репью.*

Положительная оценка ситуаций и явлений выражается такими
устойчивыми выражениями, как: *Растут детки, как грибки
(как дождевички); У кого детки, у того и ягоды; У нас с тобой и лен не
делен ‘все вместе’; И лен не делен, и поскон не таскан; Малиновый звон.*

С точки зрения синтаксической структуры выражения, положи-
тельно или отрицательно характеризующие ситуацию, чаще пред-
ставляют собой сложные предложения с подчинительной или / и со-
чинительной связью.

Среди устойчивых выражений, содержащих компоненты-
названия растений, встречаются выражения, содержащие рекоменда-

ции по поводу поведения человека в различных бытовых обстоятельствах. В таких выражениях регулярно использование глаголов в форме повелительного наклонения или инфинитива. Рекомендации могут также носить косвенный характер. Например: *От терновника не жди винограда; С барами не ешь вишенья, костьми залукают; Не смейся, горох, не лучше бобов! Не смейся, горох, над нами (над бобами): будешь и ты под ногами. Не смейся (не хвались), горох, не лучше бобов: размокнешь, надуешься, лопнешь; Не ботвися, горох: стручки ощиплем, а на китину мороз придет!; Наш горох никому не ворог 'не тронь, не обижай его'; Не поклонись до земли, и грибка не подынешь; Всякий гриб в руки берут, да не всякий гриб в кузов кладут; Назвался грибом (груздем), полезай в кузов; С кем по грибки, с тем и по ягодки; Не рушь бабьих груш: сам натряси, да бабе поднеси; Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами; Сват, не сват, а в горох не лезь; Нет такого дерева, чтоб на него птица не садилась; Руби дерево по себе; Не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого; И на елку бы лез, и ног бы не ободрал; Не тряси яблока, покуда зелено: созреет, само упадет; За один раз дерева не срубись; С одной ягоды сыт не будешь; Не шевель чужой щавель, а свой набери, да как хочешь шевели!; Раструсив хлеб, да по зерну подбирай; К капусте пристанешь, капустой и станешь; В чужом огороде капусту садить 'о чужих делах заботиться'; С ним водиться, что в крапиву садиться; Не садись под чужой забор, а хоть в крапивку, да под свой; Узнаешь, чем крапива пахнет; Заяц от листья, лягушка от зайца бежит; Обери сперва с себя репы; Репьем осеешься, не жито взойдет; Не бывать калине малиной; Ему говорить, что в стену горох лепить; Друг не испытанный, что орех не расколотый; В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится.*

В некоторых устойчивых единицах, содержащих компоненты-названия растения, отражается социальное расслоение. Характеристика социального статуса человека дается через указание на доступность какого-либо плода или кушанья, приготовленного из этого плода (растения), только для представителей знатного сословия. С другой стороны, подчеркивается широкое распространение плодов растительного происхождения, незамысловатость блюд, употребляемых в пищу «простыми людьми», как признак низкого социального статуса. Сравн.: *Сладко вишенья, да барско кушанье; Не казни Бог ничем, как капуста ни с чем!* (когда уже, по весне, нет хлеба); *Капуста – ни густо, ни пусто; Ем (ел) капусту, а в брюхе все пусто; Хлеб да капуста лихого не попустят; Была и капуста, а стало пусто; Капуста не пуста, сама летит во уста; Капуста лучше пуста: хоть в брюхе не*

порожне; Капуста из куста густа, да невкусна; Капусту не густу, щи подожди, а хлеб да каша давно не наша; Вышла (или пришла) честь на капусту ‘на пустые щи, в пост, или в нищете’; Не наша еда лимоны, есть их иному; Бог и листу на дерево не уравнил, и пальцы не равны; Редька да капуста – а все не спуста!; Добра снедь и редька, коли нет рыбки; В пост – редьки хвост!; Не кланяюсь богачу: свою рожь молочу!; Хоть хворостом кишку напхай, абы не ворчала.

Судя по приведенным пословицам, основными продуктами питания простого человека чаще всего являются капуста, редька. А такой фрукт, как лимон, доступен только представителям аристократического класса.

Часть устойчивых выражений содержит рекомендации по ведению сельскохозяйственных работ или заключает в себе приметы: *Коли береза наперед опушается, то жди сухого лета, а коли ольха, мокрого; На Василиска (мая 22) не пашут, не сеют, а то уродятся одни васильки; Когда с ивы и с лозы пух летит, сей поздний овес; Сея капусту, пересыпать зерна из руки в руку, иначе уродится не капуста, а брюква; Благовещенской капусты мороз не бьет (т. е. из семян, собранных будто бы на Благовещение, из кочна); Сажая капусту, приговаривают: не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь густая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, а будь велика. Федосья-колосьяница, гречушница, день 29 мая, когда рожь начинает колоситься; Скоту дают понемногу хлебного корма, чтоб плодился; На осине почки большие – к урожаю ячменя; Осина в сережках (т. е. богато цветет) – урожай на овес; Лен две недели цветет, четыре недели спеет, на седьмую семя летит; Лен с ярью не ладит, по льнищу ярового не сей. На бабину рожь, на дедову пшеницу, на девкин лен, поливай ведром! (при первом дожде); Красные дни – сей пшеницу; Пшеницу сей, когда весна стоит красными днями; Пшеницу сей, когда зацветает черемуха; Рожь поспевает из закрома в закром в 8 недель; Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливают, две недели подсыхает; Обожди часок, да посеи в песок (рожь); Рожь говорит: сей меня в золу, да в пору; овес говорит: топчи меня в грязь, так буду князь! Рожь любит: хоть на часок, да в песок (да в пепелок), а овес – хоть в воду, да в пору; Рожь – хоть в золу, да впору, а овес коли в грязь, так и князь; Рожь сей в золу, а пшеницу в воду (впору); Как обмочило оглобли, так поезжай домой (при посеве ржи); Рожь, посеянная на Силу и Силуана (30 июля), родится сильно (ранняя); Рябина цветет рясно – много овса будет; Урожай на черемуху, так и на рожь; Когда цветет черемуха, тогда улов на лещей;*

На Тихвинскую ягоды поспевают, 26 июня; Ячмень сеют, пока цветет калина; Ячмень на свежем навозе сей в полнолуние; Ячмень сеянный при западном и юго-западном ветре плох и мал.

Такие выражения представлены сложными бессоюзными или сложноподчиненными предложениями с условными или временными отношениями.

Таким образом, устойчивые обороты, содержащие компоненты-названия растений, представленные как фразеологизмами, так и пословицами и поговорками, могут передавать оценку внешних или внутренних свойств человека, явления, ситуации, содержать рекомендации по ведению сельскохозяйственных работ или заключать в себе приметы. В устойчивых выражениях регулярно использование названий растений (или блюд, изготовленных из этих растений), наиболее часто употребляемых в пищу: *капуста, горох, грибы, редька, яблоко, рожь* и др.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко // Современный русский язык. Лексикология. Фразеология. Лексикография: хрестоматия и учебные задания / Л. А. Ивашко [и др.]; под ред. Д. М. Поцепня. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2002. – С. 381–382.

2. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М., 1977. – С. 118–139.

3. Жуков, В. П. Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. вузов / В. П. Жуков. – М.: Высш. шк., 1986. – 310 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – Т. 3. – М.: Русский язык Медиа, 2003. – 555 с.

The article is devoted to the consideration of stable expressions (phraseological units, proverbs and signs) containing the components-names of plants in Russian. Semantic groups of phraseological units and proverbs are distinguished: a) with the meaning of a positive and negative assessment of the external and internal qualities of a person and situations; b) reflecting social stratification. Signs are considered separately. A list of plant names that are most regularly used in stable expressions is established.

Keywords: phraseology, phraseological unit, stable expression, plant, assessment.

О. С. Гуркова

О НЕКОТОРЫХ НЕОФРАЗЕМАХ, ВОСХОДЯЩИХ К СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В данной статье описываются неологизмы, восходящие к электронным коммуникациям, и пути их образования. Среди последних отмечены приемы расширения состава фразеологизма, замены слова (компонента) устойчивого сочетания, создания новой фраземы по подобию традиционной, фонетического и/или графического обыгрывания неолексемы в составе фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологизм, неологизм, электронные коммуникации, языковая игра.

Для современного русскоязычного коммуникативного пространства характерным явлением стал переход слов и фраз, рожденных в сфере электронных коммуникаций, в другие дискурсивные практики, в которых они проявляют тенденцию к метафоризации и фразеологизации.

Как и неологизмы-слова, фразеологические неологизмы «до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не войдут в активный запас лексики, пока воспринимаются как языковые единицы, имеющие оттенок свежести и необычности» [1, с. 158].

«Слово в речи всегда связано с другими словами. В одних своих значениях оно легко сочетается с любым словом данного грамматического класса», такие значения являются свободными, а другие «лексические значения слов выражаются не столь легко и свободно; в таком случае говорят о несвободных значениях» [2, с. 63].

Когда человек подыскивает сравнение, чтобы собеседник мог легко представить предмет речи, его внешние черты или характер, то эталоном для такого сравнения служит что-то хорошо известное, близкое, понятное. В начале XXI века областью таких «эталонных» реалий оказывается мир компьютеров и Интернета [3, с. 503].

Главной стратегической причиной особой востребованности фразеологии В. М. Мокиенко называет «востребованность Слова в новых социальных условиях». Особую роль «фразеологического варяга» сыграли потребности машинного перевода и развитие компьютерных технологий [4, с. 59]. «Во фразеологии единодушно признано, что мета-

фора – основной источник фразеологизации», – отмечает Н. Ф. Алефиренко [5, с. 164]. Таким образом, неометафорическое словосочетание, как правило, приобретает некоторую устойчивость при активном употреблении носителями языка.

Вслед за В. Н. Телия, которая отмечает, что «исследователи, именуя объекты, имеющие строение словосочетания, употребляют термин “фразема”, который очень удачно коррелирует с терминами “лексема”, “морфема”, “семема”» [6, с. 8], мы можем определить новые (*нео-*) устойчивые словосочетания как неофраземы.

Как отмечает И. Б. Голуб, «в результате фразеологического новаторства писателей и публицистов возникают оригинальные словесные образы, в основе которых обыгранные устойчивые выражения» [7, с. 204].

Обратимся к подобному примеру, в котором функционирует производная лексема – авторский неологизм *пятилайкие*: *Естественно, первым в прокрустово ложе «пятилайкия» был втиснут тридцатисловный словарь Элочки-людоедки»* (Комсомольская правда в Беларуси, <https://www.kp.by>). *Прокрустово ложе* – полукалька с французского и английского языков – означает определенные жесткие рамки, под которые насильственным способом подгоняется что-либо или кто-либо, речь может идти о внешности, манере поведения, следованию традициям. В современной речи это устойчивое выражение синонимично общепринятому шаблону, правилу, стандарту, то, чему следуют, подо что подгоняют, несмотря на здравый смысл [8, с. 312]. В данном примере мы наблюдаем расширение состава фразеологизма благодаря введению производного слова *пятилайкие* от лексемы *лайк*. Поясним ситуацию: здесь описывается реакция пользователей Фейсбука на расширение оценочной системы. Как видно, известный фразеологизм претерпел изменения по линии расширения состава. Сравн. также: *Я – терабайт, я жду перезагрузки, / обид по умолчанью сбросить груз / и вновь перевести «аtout» на русский, / закоротив все минусы на плюс* (Е. Шушманов, Терабайт любви, <https://stihi.ru/2016/12/27/4433>).

Можно также наблюдать и замену слова (компонента) в устойчивом сочетании, как в данном примере: *Ни бита совести у тебя нету!* (<https://overclockers.ru>). Сравн.: *ни капли (грамма) совести*. Бессовестность уподобляется единице информации (бит). Объединяющее значение компонента (слова-замены) – ‘наименьшая единица чего-либо’ (в данном примере – единица объема информации).

Еще несколько примеров: *Ибо в столице не жизнь, 1) а сплошной «лайк». Ну, или – 2) «дислайк» – кому как повезет – особенно, если ты*

на автомобиле (Комсомольская правда в Беларуси, <https://www.kp.by>). Сравн.: *Не жизнь – малина* (разг., о высшей степени удовольствия от условий проживания) [9, с. 510]; *Нашла коса на «Яндекс»* (<https://www.belgazeta.by/ru/blogs/722/36557>).

Исследователями уже обращалось внимание на фразеологизацию отдельных словосочетаний из компьютерной сферы. Например: «Сегодня словосочетание *русский хакер* приобретает фразеологическую устойчивость, проявляя себя как национально маркированная лингвокультурема ...» [10, с. 43]. Аналогичным образом, на наш взгляд, можно оценить и следующие примеры: *Лариса – «компьютерная вдова»*. Так во всем мире называют женщин, чьи благоверные слишком увлечены компьютером (Как не стать компьютерной вдовой, <http://internetua.com>); *Звонил бывший муж.... – Алле?! – равнодушно произнесла Вера. – Привет, звезда ютуба! Ну, ты и зажигала! В жизни не видел тебя такой. Я тебе даже лайк поставил! И ссылку в одноклассники скинул* (<https://unews.pro/news/98893/>); *Мне иногда кажется, что переводы делают люди, у которых картинки не грузятся))))))* (<https://www.adme.ru>); *У меня, как говорит наш популярный юморист, файлы сошлись* (proza.ru 2015/03/14/974); *Что-то клинит в одной из схем. Происходит программный сбой. И не хочется жить ни с кем, И в особенности с собой* (<https://rustih.ru/vera-polozkova-chto-to-klinit-v-odnoj-iz-sxem/>) и пр.

В значении ‘скоро, быстро’ стало часто использоваться выражение *в один клик*: *До хорошей жизни остался один «клик»* (Леонид Смирнов. Учителю не место на столичных площадях, Известия, 2002.02.17).

В разговорной речи в значении ‘избить кого-либо’ (с шутливым оттенком) фиксируется выражение *отформатировать диск*: *Я тебе диск-то отформатирую!* [3, с. 499].

В политическом дискурсе прижилось выражение *перезагрузка отношений* – ‘обновление отношений’, сравн.: *То ли Обама нашел время взглянуть на карту и увидеть, где именно находится Чехия, а где Иран с Сирией, то ли впечатлился рекордным оттоком из своей страны денег, то ли (чего не бывает!) и впрямь решил провести перезагрузку отношений с Россией* (Sic transit gloria mundi, Однако, 2009).

Наконец, можно отметить и различные приемы языковой игры, связанной с «компьютерной» неофразеологией. Обратим внимание на следующий пример: *Копирайтинг. Как не съест собаку* (Д. Кот, заглавие книги). Здесь мы можем наблюдать наложение семантики известного фразеологизма (‘иметь большой опыт’) на производное значение ‘знак @’, что позволяет причислить данный пример к языковой игре.

В традиционном понимании выражение *накликать беду* – ‘у суеверных людей: напорочить, что-нибудь неприятное разговорами (об этом)’ [11, с. 577]. Этот оборот был обыгран в названии российского фильма 2012 г. «*Одноклассники.ru: НаCLICKай удачу*» (<https://www.kinopoisk.ru/film/573772>): *CLICK* – ‘щелчок по клавише компьютерной мыши’.

Подводя итоги, отметим, что неофраземы, восходящие к сфере электронных коммуникаций, как показал собранный нами материал, чаще всего образуются с помощью приемов расширения состава фразеологизма, замены слова (компонента) устойчивого сочетания, создания новой фраземы по подобию традиционной, фонетического и / или графического обыгрывания неолексемы в составе фразеологизма.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. – изд. 2-е, испр. / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 368 с.
2. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие / Л. П. Крысин. – М. : Академия, 2007. – 240 с.
3. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта, 2016. – 584 с.
4. Мокиенко, В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В. М. Мокиенко // Вестник КемГУ. – 2012. – Т. 4. – № 4 (52). – С. 59–62.
5. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
6. Телия, В. Н. Что такое фразеология / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 59 с.
7. Голуб, И. Б. Стилистика современного русского языка : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. / И. Б. Голуб. – М. : Высшая школа, 1986. – 335 с.
8. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2004. – 448 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд. – М. : АСТ: Мир и образование, 2014. – 1360 с.
10. Герасименко, И. Е. «Перегрузка», «перезагрузка» и «русские хакеры»: лексика информационных технологий в политическом дискурсе / И. Е. Герасименко, Н. Н. Гончарова // Мир русского слова. – 2018. – № 4. – С. 38–44.
11. Фразеологический словарь русского языка / сост. Степанова М. И. – СПб. : Виктория плюс, 2003. – 604 с.

This article describes neophrazemy, ascending to electronic communications, and their education. Among the latter, there are techniques for expanding the phraseological structure, replacing the word (component)

of a stable combination, creating a new phraseme similar to the traditional one, and phonetic and/or graphic playing of the neolexeme in the phraseological structure.

Keywords: phraseological unit, neophrazeme, electronic communication, a language game.

УДК 811.161.1'373:398.9

П. С. Завтрикова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СОЧЕТАНИЯ ДОРОГА ЖИЗНИ

В статье поднимается вопрос о семиотическом статусе сочетания «дорога жизни», решение которого непосредственно связано с определением семантической специфики данного языкового выражения. Анализируются словарные дефиниции сочетания, контекстные его реализации. Выявляются основания, лежащие в основе переосмысления сочетания «дорога жизни».

Ключевые слова: сочетание, фразеологизм, устойчивость, метафора, значение, корпус.

Несмотря на то, что уже много тысячелетий человечество стремится познать действительность, вопрос о сущности некоторых базовых реалий либо остается нерешенным, либо трактуется многополярно представителями разных научных направлений. Мы все еще не можем точно определить, что такое душа и дух, где проходит граница между реальностью и фантазией, существует ли предопределение, или все, что нас окружает, – результат случайного стечения обстоятельств.

При встрече с «недостижимыми» сущностями закономерно использование образных способов познания. «Метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям», – пишет в своей работе философ Хосе Ортега-и-Гассет [1].

Мысль о познавательной функции метафоры неоднократно выражалась и другими учеными, и справедливость данной мысли можно проиллюстрировать примерами устойчивых языковых метафор: *картина мира, жизненный путь, время летит, открыть путь, излить душу, найти общий язык* и др.

В данной статье объектом анализа является сочетание *дорога жизни*. Исследовательское внимание сосредоточено на вопросах о том, что по своей природе представляет данное сочетание, каков его статус в системе языка и какие именно дороги называются «дорогами жизни». Решение этих вопросов возможно при рассмотрении контекстных реализаций сочетания. Источником фактического материала стал Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) [2].

Искомое сочетание входит в состав 174 контекстов основного корпуса НКРЯ. Тематически иллюстративный материал подразделяется на две группы: треть контекстов рассказывает о дороге по льду Ладожского озера, в период Великой Отечественной войны связывавшей блокированный Ленинград с тылом (иллюстрации 1, 2), в остальных контекстах *дорогой жизни* названо нечто более абстрактное, денотативно широкое (иллюстрации 3, 4):

Ленинградские аквалангисты много лет ведут исследования на дне Ладожского озера, по которому проходила «дорога жизни» (А. Кондратов. Атлантиды ищите на шельфе (1988)) [2] (1);

– *Я по дороге Жизни грузовики в Ленинград водил!* (С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998)) [2] (2);

И школы стали расти повсюду, как грибы, и массами стали толкаться в двери школы желающие учиться, т. е. пройти курс учения и найти себе исход на дорогу жизни (К. Победоносцев. Ученье и учитель: педагогические заметки (1900–1904)) [2] (3);

Чтоб найти этот смысл, надо было опереться хотя бы на одного единомысленного друга, встретить его на безнадежно запутанных дорогах жизни (В. Пришвина, М. Пришвин. Мы с тобой. Дневник любви (1940)) [2] (4).

И в одних, и в других контекстах исследуемое сочетание по природе своей оказывается метафорическим. В рамках концепций, противопоставляющих языковые и речевые (в другой терминологии – художественные) метафоры (Ш. Балли [3], Г. Н. Складарская [4], В. Н. Телия [5] и др.), сочетание *дорога жизни* классифицируется как языковая метафора, поскольку «создается на основе коннотаций, сопровождающих слово в его “обычном” употреблении и как бы закрепленных за смысловым потенциалом данного слова языковым узусом» [4, с. 193]. Профессор Г. Н. Складарская причисляет метафоры *тропа жизни, магистраль жизни*, очевидно синонимичные изучаемой, наряду с метафорами *багаж знаний, бюрократическое болото, микромир души, океан жизни, поток эмоций* и др. к типу переноса «предмет → психический мир» [4, с. 86] и называет данный тип переноса одним из самых распространенных.

Стоит отметить, что в НКРЯ немногочисленно, но представлены контексты, иллюстрирующие употребление исследуемого сочетания в качестве речевой (художественной) метафоры:

Высылаю вам луковицы гладиолусов, пусть они тоже растут и цветут на вашей «дороге жизни» (Т. Голованова. «Дорога жизни» – дорога цветов // «Юный натуралист» (1975)) [2];

Есть на дороге жизни станция «Одиночество». Никому не удастся миновать ее (В. Молчанов, К. Сегура. И дольше века... (1999–2003)) [2].

В приведенных примерах уже метафорическое сочетание оказывается еще раз переосмысленным: носитель языка спонтанно вычленяет в слове *дорога* периферийные семы и формирует контекстуально обусловленный перенос (*цветы на дороге + дорога жизни* → *цветы на дороге жизни, станции на дороге + дорога жизни* → *станции на дороге жизни*).

Анализ материала демонстрирует устойчивость сочетания *дорога жизни*. На прецедентность единицы указывают метаоператоры, к примеру, регулярное закавычивание, встречающееся в 42 контекстах из 174, использование оборота *так называемая*, а также прилагательных *знаменитая, легендарная* в тех контекстах, в которых речь идет о дороге по Ладожскому озеру:

С этого момента началась энергичная работа, которая в скором времени позволила создать ледовую переправу через Ладожское озеро – знаменитую «дорогу жизни», по которой на протяжении двух лет снабжался осажденный Ленинград (А. Костин. «Генерал Мороз» // «Техника – молодежи», 1977) [2];

При поддержке руководства республики построено пять домов для семей, пострадавших от оползней, уже отремонтирована так называемая «дорога жизни», связывающая село с районом (Добрососедство // «Жизнь национальностей, 2003) [2].

Задаваясь вопросом о характере устойчивости сочетания *дорога жизни*, обратимся к ранее установленному тематическому делению корпусных контекстов на две группы.

Номинация ладожской дороги жизни фиксируется в различных словарях («Фразеологическом словаре живого русского литературного языка» [6], «Толковом словаре русского языка» [7], энциклопедических словарях и справочниках [8], [9], [10], «Орфографическом словаре» [11]) и может быть квалифицирована как фразеологическая единица.

Сложнее дело обстоит с сочетанием *дорога жизни*, употребляющимся в менее конкретном значении. Как уже было отмечено, контексты показывают, что данное сочетание укоренено в сознании но-

сителей языка, а исследователи признают его языковой метафорой. Устойчивые метафоры нередко приобретают статус фразеологизмов. Профессор В. П. Жуков пишет: «Фразеологизация – следствие глубоких семантических процессов, вызванных прежде всего метафорическим переосмыслением свободных словосочетаний эквивалентного состава» [12, с. 45].

Однако от обычной устойчивости до фразеологической сочетание слов проделывает большой путь. В формулировке профессора Н. Н. Амосовой, «под простой устойчивостью (стабильностью) понимается здесь повторяемость словосочетания в заданном виде, обусловленная одновременно и прямым соответствием между планом содержания и планом выражения, и речевым узусом, т. е. известной заштампованностью выражения данного содержания» [13, с. 108].

Принимая во внимание такое разграничение языковых явлений, скажем о том, что словари фиксируют не только связанное с Великой Отечественной войной значение сочетания *дорога жизни*. В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» [14] приведены следующие два значения:

1) ‘в 1941–1942 гг. так называли дорогу по льду Ладожского озера, которая связывала блокированный немецкими войсками Ленинград с «Большой землей», т. е. тылом. По этой дороге в город доставляли продукты и боеприпасы, по ней же вывозили из города женщин, детей и раненых’;

2) *иносказательно* ‘жизненно важная или единственная дорога куда-либо’.

В «Большом словаре русских поговорок» [15] (3) и неофициальном «Сленговом словаре Севастополя» [16] (4) фиксируются два нерегулярных значения сочетания *дорога жизни*:

3) *Жарг. шк. Шутл.* ‘дорога в столовую’ [15, с. 196];

4) ‘дорога от остановки троллейбуса “Студгородок” до здания Севастопольского Государственного Технического университета в районе Стрелецкой бухты’.

Частное употребление развивается, по всей видимости, на почве иносказательного значения, фиксируемого фразеологическим словарем. *Дорога жизни* понимается как жизненно важная дорога, и путь в школьную столовую или в университет вполне соответствует такому переносному описанию.

Из приведенных словарных значений наиболее регулярно в контекстах НКРЯ реализуется первое. Второе, иносказательное, встречается редко, когда *дорогой жизни* называют какую-либо другую важную реально существующую дорогу:

Немало трудностей пришлось преодолеть и строителям. «Дорогой жизни» назвали они автомобильную магистраль Куйбышев – Ставрополь (Е. Саенко, К. Иваницкий. У подножья горы Могутовой // «Наука и жизнь», 1952) [2];

*– Эту дорогу мы называем **дорогой жизни**. Она имеет региональное значение, так как является объездной трассы «Россия» Москва – Петербург, – говорит глава Трегубовского сельского поселения Сергей Алексеев (Е. Зимина. Был, да сплыл // «Новгородские ведомости», 2013) [2].*

Зачастую под *дорогой жизни* понимается жизнь как таковая, время от рождения до смерти:

*О, поверьте, мы еще не раз с ним встретимся на **дороге жизни** и встретимся не так холодно, как ныне (М. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836–1837)) [2];*

*Вспоминая пройденный путь, вижу, как незримая десница Божия вела меня по **дороге жизни** (архимандрит Кирилл (Покровский). Слово при наречении во епископа Павлово-Посадского, викария Московской епархии (2009) // Журнал Московской Патриархии № 1, 2010) [2].*

Представление о жизни как дороге выражается и в других языковых метафорах: *жизненный путь, тропа жизни, ход жизни, жизнь идет, жизнь проходит*. Данный перенос закономерен и обусловлен в том числе чувством времени и осознанием жизни как линейной последовательности событий. В одном из контекстов эта мысль разворачивается в связи с христианскими категориями:

*Мы входим в храм – и идем как бы по **дороге жизни**, через крещение, через исповедь и покаяние, через молитву, через участие в богослужении; и наконец, у дверей самого алтаря – доходим до того места, где нас приобщают Святых Таин, Тела и Крови Христовых (митрополит Антоний (Блум). «Войду в Дом Твой...» (1986–1988)) [2].*

Фиксируется также употребление сочетания *дорога жизни* для названия одного из возможных жизненных путей, одной из линий судьбы (тот факт, что для описания данного значения трудно подобрать неметафорические обороты, явно демонстрирует устойчивость представлений и переносов, о которых ведется речь):

*Смело порви с своим прошлым, скажи твердо, что ты не подчинишься постыдному торгу, и выходи на **новую дорогу жизни!** (В. Брюсов. Обручение Даши (1913)) [2];*

*И Бахарев снова в раздумьях: о сложности человеческих взаимоотношений, о тернистых **дорогах жизни**, на которых ищущий, увя, порой с большим опозданием, убеждается в том, что*

оказался на ложном пути (коллективный. Тайник // «Огонек». №№ 5–6, 8–13, 1970) [2].

Неоднократно в корпусных контекстах встречается сочетание *вывести на дорогу жизни*:

*Видишь результаты своих трудов, **выводишь** молодых на дорогу жизни, следишь за их судьбами* (В. Лидин. На завалинке // «Огонек». № 11, 1959) [2];

*Мы тебя вынянчили, выпестовали и теперь **вывели** на широкую дорогу жизни...* (К. Ливанов. Без Бога (1926–1929) // «Новый Мир», 2002) [2].

Происходит слияние двух устойчивых сочетаний: *вывести на дорогу + дорога жизни*. Первое синонимично фиксируемым в «Большом словаре русских поговорок» сочетаниям *поставить на дорогу (кого)* – пск. ‘вырастить, воспитать, помочь стать самостоятельным’, *ставить / поставить на дорогу (кого)* – разг. устар. ‘помогать кому-л. найти свое дело, свое место в жизни, создавая необходимые условия’ [15, с. 198]. Глагол *вывести* для переносного описания данных ситуаций интуитивно кажется более подходящим, поскольку содержит компонент значения ‘подготовить’, которого нет в глаголах *ставить, поставить*. Фиксация оборотов *ставить / поставить на дорогу* в словаре, возможно, обусловлена их грамматической и семантической параллельностью с сочетанием *наставить на путь*:

*Счастлив он, если его, только что выбежавшего на **дорогу жизни**, есть кому **наставить на путь*** (И. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)) [2].

Анализ корпусного материала и словарных статей показал, что сочетание *дорога жизни* по своей природе является языковой метафорой и употребляется в следующих значениях:

1) узком «фразеологическом», конкретно-историческом значении (‘дорога по льду Ладожского озера, в период Великой Отечественной войны связывавшая блокированный Ленинград с тылом’);

2) развивающемся на почве первого иносказательном значении (‘жизненно важная дорога куда-либо’);

3) широком «нефразеологическом», абстрактно-философском значении, представленном в большинстве контекстов следующими реализациями: *дорога жизни* как ‘жизнь вообще’ или ‘часть жизни, временной промежуток’ и *дорога жизни* как ‘самостоятельная жизнь’. Приведенные абстрактные значения, скорее всего, ввиду «обычности», «привычности» для говорящих, не перейдут в статус «фразеологических» и не будут зафиксированы в словарях.

Неоднозначность статуса сочетания *дорога жизни* в очередной раз приводит к мысли о том, что, сколько бы ни было разработано концепций лингвистического анализа слов и выражений, всегда будут существовать единицы языка, занимающие подвижный или промежуточный категориальный статус. Перефразируя крылатое выражение, образно скажем, что дороги языка до конца «неисповедимы» и всегда лежат чуть дальше, чем может по ним шагнуть человек.

Список использованных источников

1. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // пер. с испанского Б. В. Дубина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt>. – Дата доступа : 20.10.2020.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 19.10.2020.
3. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с французского К. А. Долинина ; под. ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Иностран. лит-ра, 1961. – 394 с.
4. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская ; под ред. Д. Н. Шмелева. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
5. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований ; под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.
6. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Федоров. – Режим доступа : https://phraseology.academic.ru/3726/Дорога_жизни. – Дата доступа : 21.10.2020.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar/?q=дорога>. – Дата доступа : 21.10.2020.
8. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/122798/ДОРОГА_ЖИЗНИ. – Дата доступа : 21.10.2020.
9. Белова, Л. Н. Энциклопедический справочник «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс] / Л. Н. Белова, Г. Н. Булдаков, А. Я. Дегтярев и др. – Режим доступа : https://sankt_peterburg.academic.ru/672/«Дорога_жизни». – Дата доступа : 21.10.2020.
10. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/85544/Дорога_жизни. – Дата доступа : 21.10.2020.
11. Русский орфографический словарь ; под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/orthography_lopatin/Дорога_жизни. – Дата доступа : 21.10.2020.
12. Жуков, В. П. О знаковости компонентов фразеологизма / В. П. Жуков // Вопросы языкознания. – № 6. – 1975. – М. : Наука. – С. 36–45.
13. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.

14. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В. В. Серов. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/768/Дорога_жизни. – Дата доступа : 21.10.2020.

15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

16. Сленговый словарь Севастополя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovar.cc/sleng/sevastopol/2485380.html>. – Дата доступа : 23.10.2020.

The article raises the question of the semiotic status of the combination “road of life”, the resolving of which is related to the definition of the semantic specificity of this linguistic expression. The dictionary definitions of the combination, its contextual implementation are analyzed. The foundations underlying the rethinking of the combination “road of life” are revealed.

Keywords: combination, phraseologism, stability, metaphor, meaning, corpus.

УДК 811.161.1:81'373.72

Д. В. Калиш, А. Д. Скотникова

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПРЕДМЕТНОГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются фразеологические единицы современного русского языка, относящиеся к предметному классу и не имеющие эквивалентов в других языках. Работа основана на научных исследованиях отечественных ученых в области фразеологии русского языка, общей и сопоставительной фразеологии и лингвокультурологии фразеологии. Анализ русских безэквивалентных ФЕ предметного класса позволяет выявить две группы гендерных фразеологизмов.

Ключевые слова: русский язык, фразеологизмы предметного класса, гендерная фразеология, безэквивалентные фразеологические единицы.

В качестве объекта нашего исследования избираем входящие в состав современного русского языка безэквивалентные фразеологические единицы [1] предметного класса, содержащие сему пола, и принадлежащие к так называемой гендерной фразеологии [2].

Предметом нашего исследования является характер компонентного состава прототипа изучаемых фразеологических единиц и его семантическое преобразование в гендерную фразеологическую единицу (далее – ФЕ).

Актуальность данной работы объясняется востребованностью информации в области гендерных исследований современной фразеологии русского языка.

Теоретическую основу исследования составили научные труды по проблемам:

(а) фразеологии русского языка (работы Н. М. Шанского [3], А. М. Мелерович [4], В. М. Мокиенко [5], Н. Ф. Алефиренко [6]);

(б) общей и сопоставительной фразеологии (работы Т. Н. Федуленковой [7], А. Г. Садыковой [8], А. П. Василенко [9]);

(в) лингвокультурологии (работы В. Н. Телия [10], М. Л. Ковшовой [11], И. Н. Зыковой [12] и др.).

В работе использовался метод фразеологической аппликации, метод фразеологической идентификации [13], метод фразеологического анализа и описания, лингвокультурологический метод [14].

В иллюстративных целях использовались контексты из Национального корпуса русского языка [15].

Фразеология русского народа характеризуется богатейшей палитрой образов, отражающих концепты мироздания, а также особенности жизни и культуры данного языкового сообщества. Образность многих фразеологизмов русского языка связана с бытом и обычаями нашего народа, и расшифровка фразеологических образов часто требует определенных этнокультурных сведений [16, с. 65].

Анализ материала, изучаемого с позиций «гендерной» концепции, позволяет выделить две группы предметных фразеологизмов, в значении которых содержится сема «пола» и соответственно отражается в родовом значении как постоянный признак (семантический принцип определения родового значения ФЕ):

1. Предметные фразеологические единицы, номинирующие лиц женского пола:

(а) *ночная бабочка* – ‘проститутка’; приведем контекстуальный пример: *Путана? Ночная бабочка? Жрица любви? Какой культурный дворник!* (Михаил Веллер. Белый ослик // «Октябрь», 2001);

(б) *соломенная вдова* – *шутл.* ‘жена, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним’; фразеологизм образован путем калькирования немецкого сложного слова *Strohwitwe*, связанного со средневековым обычаем: девушку, родившую внебрачного ребенка, в наказание выставляли публично на позор с соломенным венком на голове; ее называли *Strohbraut* – соломенная невеста; связка соломы служила у немцев, русских и некоторых других народов символом заключенного договора – выдачи замуж, покупки, сделки и т. п.; например: *Палтусов во второй раз взглянул ей в глаза, но на большом расстоя-*

нии. – Да я давно **соломенная вдова!** – вырвалось у Анны Серафимовны. Оба они поднялись разом с дивана (П. Д. Боборыкин. Китайгород (1882));

(в) **кисейная барышня** – устар. ирон. ‘жеманная девушка с мещанским кругозором, изнеженная, не приспособленная к жизни’; это выражение появилось в XIX в. от слова *кисея* (‘тонкая дорогая ткань’) и изначально являлось едко-иронической характеристикой женского типа, взлелеянного старой дворянской культурой; впервые данный фразеологизм появился в литературе в повести Николая Помяловского «Мещанское счастье» (1861). Позже это выражение приобрело другой смысл, в котором и употребляется в настоящее время. Приведем пример: *Силаев по натуре не кисейная барышня, и не подзаборная ругань сама по себе убивала его, а вот это желание унижить тех, кто и лейтенанту не ровня, насладиться превосходством счастливика...* (Артем Анфиногенов. А внизу была земля (1982));

(г) **повивальная бабка** – ‘женщина, принимающая роды и не имеющая специального медицинского образования’; например: *Слободские знают, что он просит помощи, но помощи нет. Повивальная бабка сейчас в отъезде. Сроду никуда не ездила, а сейчас уехала, такой вот случай* (Евгений Водолазкин. Лавр (2012));

(д) **мужик в юбке** – разг. ирон. ‘женщина, выполняющая мужскую работу, а также обладающая какими-либо мужскими качествами (сноровка, сила, внешность, характер и т. д.)’, например: *Правда, Надежда Филаретовна казалась ему не такой: она была прямая, решительная, твердая в слове, недаром же деловой мир величал ее «мужик в юбке»* (А. С. Черняев. Дневник (1989));

(е) **драная кошка** – грубо-фам. ‘весьма непривлекательная, потрепанная, потасканная женщина; подразумевается женщина сексуально активная и неразборчивая в своих связях’; например: *Которая играет в театре. Клеманс сказала, что она драная кошка. Клеманс сказала, что, если ты ее не бросишь, она выжжет тебе глаза кислотой, а потом она спросила, чтобы ты сегодня обязательно приехал к ней в шатан* (А. Т. Аверченко. Магнит (1910–1911));

(ж) **старая калоша, старая перечница, баба-яга**, обозначают ‘старую женщину, внешность которой оценивается как безобразная, характер – злая и поведение – сварливая’; **старая дева** – ‘немолодая женщина, не вышедшая замуж’; приведем контекстуальные примеры: *Только эта старая калоша сама влюбилась, вместо того, чтобы наоборот! И теперь на этой почве свихнулась! Иди, говорит, сынок, спасай отечество!* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)); *Вот они стоят на сцене – старая мельница, старая перечница, ягода-малина урожая пятидесятого года, господин офицер в*

солдатском исподнем, добрый батюшка Мармеладзе со своим сералем, группа принцезаменителей, главная барыня страны. (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008); Я еще подумала, надо же, молодая девчонка, студентка, а словно **Баба-яга**, ну неужели трудно рот в порядок привести, противно ведь! (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)); *Может быть и вправду она сейчас – невыносимая **старая дева**?* (В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004).

2. Предметные фразеологические единицы, номинирующие лиц мужского пола:

(а) *сталинский сокол* – ‘пилот отечественной авиации сталинской эпохи’, например: *Прочла книжку про Леваневского. Такой же **сталинский сокол**, как и остальные. Парадокс заключается вот в чём. Погибли, исчезли миллионы людей, а ищут место гибели шестерых* (Татьяна Юрьева. Дневник культурной девушки (1984));

(б) *саврас без узды* – устар. ирон. ‘бесшабашный, необузданный, несдержанный молодой человек’, например: – «*Презренный мир!..*» *Ой, Митрофан проклятый, **саврас без узды!*** (Г. И. Успенский. Овца без стада (1877));

(в) *красный каблук* – устар. ‘щеголь’; красные каблуки в XVIII в. считались отличительной приметой щегольского костюма; позднее слова *красные каблуки* (*talonsrouges*) вошли в поговорку как обозначение «петиметров» – молодых щеголей, озабоченных одними нарядами и светскими успехами (Б. В. Томашевский. Примечания к роману А. С. Пушкина «Арап Петра Великого») [17, с. 285–286]; приведем контекстуальный пример: *Оно взаимно, когда вследствие сходства общественного быта и культурного развития каждый из двух народов может позаимствовать что-н. у другого (французская и английская литература). 1 **красный каблук** (франц.); так называли аристократов. 2 *славная революция* (франц.)* (К. И. Чуковский. Конспекты по философии (1901–1902)).

(г) *мышинный жеребчик* – ‘о старом ловеласе, волоките’; такой мужчина, несмотря на свой солидный возраст и физическое бессилие, активно интересуется женщинами, и, для того чтобы привлечь внимание противоположного пола и казаться более молодым, следит за своей внешностью, стремится одеваться в соответствии с модой. Это выражение, давно бытовавшее в русской устной речи, в литературе впервые встречается в поэме «Мертвые души» (1842) Н. В. Гоголя (1809–1852): *Он (Чичиков) непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семеня ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые **мышинными***

жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» (т. I, гл. 8). «Мышиный» – название лошадиной масти (серой). В переносном смысле: седеющий. Шутливо-иронически: ‘молодящийся старый волокита’ [18]. Приведем контекстуальные примеры из современной литературы: *И она, как в давние времена в прихожей присяжного поверенного Гоголева, подавая пальто его гостям, метнула на Войцеховского такой пронизывающий, горячий и обжигающий взгляд, что стареющий мышиный жеребчик только плечами пожал и выразил несомненную готовность помочь Алевтине в ее карьере кельнерши* (Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)); *Вси равно он на тебе, деушка, не женится... мышиный жеребчик...* (Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)).

В заключение отметим, что в большинстве изучаемых случаев национально уникальным, неповторимым является сам семантический результат – обобщенно-переносное значение фразеологизма. Благодаря уникальности семантики данные фразеологизмы также ярко отражают особенности национального мировидения и миропонимания.

Особенностью формирования семантики многих ФЕ является то, что в их основе лежат имена известных персонажей, которые подверглись переосмыслению, приобрели нарицательное значение и стали использоваться как собирательные образы людей с типичными свойствами.

Список использованных источников

1. Солодуб, Ю. П. О двух типах безэквивалентной соотнесенности фразеологизмов различных языков / Ю. П. Солодуб. – М. : Грамота, 1992. – С. 40–59.
2. Калинина, О. Н. Гендерные аспекты русской фразеологии / О. Н. Калинина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/148/41493/>. – Дата доступа: 25.07.2020.
3. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский; предисл. Т. А. Бобровой. – изд. 5-е, испр. и доп. – М. : URSS, 2010. – 265 с.
4. Мелерович, А. М. О динамике внутренней формы фразеологических единиц и механизме формирования и функционирования фразеологического значения / А. М. Мелерович. – М., 1996. – Т. 1. – С. 149–151.
5. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – СПб. : Русские словари, Астрель, АСТ, Харвест, Lingua, 2005. – 864 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : «Элпис», 2008. – 271 с.
7. Федуленикова, Т. Н. Фразеология и типология: к типологической релевантности фразеологии / Т. Н. Федуленикова // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 74–80.

8. Садыкова, А. Г. Специфика фразеологической номинации / А. Г. Садыкова, Д. Н. Давлетбаева // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте : монография / отв. ред. Т. Н. Федуленкова. – Архангельск : Поморский университет, 2008. – С. 27–64.
9. Василенко, А. П. Виды межъязыковых фразеологических эквивалентов в духе теории симметрии языкового знака (на материале русского и французского языков) / А. П. Василенко // Современная фразеология : Тенденции и инновации : монография / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко, Т. Н. Федуленкова и др. – М.; СПб; Брянск : «Новый проект», 2016. – С. 52–73.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
11. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – изд. 3-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
12. Федуленкова, Т. Н. Новое в изучении фразеологии в постнеклассический период / Т. Н. Федуленкова // Известия СмолГУ. Ежеквартальный журнал. – 2019. – № 3(47). – С. 401–406.
13. Кунин, А. В. Английская фразеология. Теоретический курс / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1970. – 344 с.
14. Федуленкова, Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации / Т. Н. Федуленкова // EuropeanSocialScienceJournal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 4(43). – Том 2. – С. 178–182.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 27.07.2020.
16. Селифонова, Е. Д. Этнокультурный аспект отражения картины мира (на примере русских и английских фразеологизмов с моносемными компонентами) / Е. Д. Селифонова // Фразеология и межкультурная коммуникация. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2002. – С. 65–68.
17. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Т. 1 : А–М. – Новосибирск : ВО «Наука». – 391 с.
18. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://obuchalka.org/2017100196730/bolshoi-slovar-russkih-pogovorok-mokienko-v-m-nikitina-t-g-2007.html>. – Дата доступа: 25.07.2020.

The article considers phraseological units of the modern Russian language, belonging to the subject class and having no equivalents in other languages. The work is based on scientific studies of domestic scientists in the field of phraseology of the Russian language, general and comparative phraseology and linguoculturology of phraseology. The analysis of Russian non-equivalent PUs of subject class allows to identify two groups of gender phraseologisms.

Keywords: the Russian language, phraseologisms of the subject class, gender phraseology, non-equivalent phraseological units.

А. Ф. Каминская, А. В. Муvaraкова

**КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА»
В РУССКИХ АНТИПОСЛОВИЦАХ**

Статья посвящена исследованию концепта «женщина» в русском языке на материале антипословиц. Предметом исследования стали антипословицы, объединенные тематической группой «женщина» в словаре «Антипословиц русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко. Авторы рассматривают функционирование концепта «женщина» в русских антипословицах и отслеживают, как изменились оценочные нормы и стереотипы относительно женщин, зафиксированные в антипословицах, по сравнению с традиционными паремиями.

Ключевые слова: антипословицы, концепт, женщина, паремиологические единицы, пословицы, трансформации пословиц.

Изменение традиционных пословиц, крылатых выражений, афоризмов и цитат известных литературных гигантов под «дух времени» – явление, знакомое нам очень давно. Трансформации также встречаются и в произведениях русских писателей. Различные типы трансформаций устойчивых языковых единиц в русском языке рассматривали в своих исследованиях Н. Н. Федорова, Е. И. Селиверстова, Е. К. Николаева и другие.

И этот процесс форматирования, переворачивания на современный лад традиционных паремий после распада СССР настолько усилился, что в период 1990–2010 годов в России сформировался огромный сектор особых языковых единиц, обозначаемый общим термином «антипословицы» и представленный в словаре Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2005 г.).

В современном русском языке пословицы давно потеряли статус абсолютной истины и уже не имеют такого влияния, как в прошлом веке и в дореволюционной России. Являясь порождением аграрного общества, пословицы уходят из речевого оборота, освобождая место для антипословиц, мемов и цитат современных авторов. Кроме того, нередко подвергаются пересмотру и осмеянию оценочные нормы, заложенные в поговорках и пословицах и составлявшие фундамент воспитания многих поколений жителей России.

С одной стороны, переоценка ценностей в антипословицах связана с тем, что они подвержены так называемому «стебу» и являются свое-

образным вызовом укоренившимся в обществе нормам [1]. С другой стороны, очевидно, что языковая картина есть зеркало ментальности народа-носителя языка и в связи с этим следует рассматривать антипословицы не только как результат языковой игры, но и как ключи-подсказки к пониманию сознания постперестроечного поколения.

Предметом нашего исследования стали антипословицы, объединенные тематической группой «женщина», занимающей одно из главных мест в словаре «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко.

Мы изучим женские гендерные стереотипы, их трансформацию в антипословицах, то, насколько отличаются в них нормы и оценки от тех, что были заложены в традиционных поговорках, а также изучим отношение к концепту «женщина» в разных его проявлениях и аспектах. Мы рассмотрим также различие концепта «женщина» и подконцепта «баба» в русской ментальности.

Концепт «женщина», являясь базовым для любой культуры, занимает особое место в языковой картине мира. Сам концепт включает в себя стереотипные представления о женщине, которой присущи определенные социальные роли, качества, свойства, формирующиеся под влиянием различных аспектов: семейные, общественные, религиозные, этические и другие.

Представления о женщине, существующие у того или иного народа, отражаются в его языке. Именно поэтому изучение языковых единиц позволяет смоделировать образ женщины, характерный для изучаемой культуры. Нередко при исследовании этого образа ученые прибегают к поговоркам, так как они хранят в себе многовековой опыт народа, его представления, нормы и оценки.

Изучением концепта «женщина» в паремиологии и фразеологии русского языка занимались З. В. Черкесова, Н. С. Соловьева, Лю Бо и другие. Так З. В. Черкесова, рассматривающая эволюцию концепта «женщина» в паремиологии и фразеологии, пришла к выводу о том, что «в русском языке обнаруживаются фразеологизмы, которые по своему содержанию имеют отношение только к женщине, касающиеся непосредственно жизни женщин (внешности, характера, поведения, социального статуса и т. п.); что в русской паремиологии имеет место андроцентричный (в большинстве случаев отрицательно коннотированный) взгляд на образ женщины и наличие женского сознания, мышления. Отрицательная коннотация характерна в основном для понятия «баба», а положительная – для понятия «мать» (матушка)» [2, с. 153]. Н. С. Соловьева в своем исследовании о гендерных стереотипах в словаре русских антипословиц отмечает: «В антипословицах,

в отличие от традиционных пословиц и поговорок, появляются новые гендерные стереотипы. Женская красота приобретает существенную ценность, становясь залогом жизненного успеха ее владелицы. При этом ум и красота оказываются несовместимыми понятиями. Женщина, чаще всего воспринимаемая мужчиной как сексуальный объект, однако, сохраняет прежние недостатки, к которым, впрочем, добавляют жадность и расточительность» [3, с. 49].

Изучая содержимое словаря антипословиц Х. Вальтера и В. М. Мокиенко и сопоставляя его с языковой картиной традиционных пословиц, прежде всего следует отметить изменение стереотипа о необходимости привлекательной внешности для женщины. Если в содержании традиционных паремий женская ценность в первую очередь заключается в хозяйственности, целомудрии и кротком нраве (*Дом мужчины – мир, мир женщины – дом; Женский ум лучше всяких дум; Женщина без стыдливости, что пища без соли; Корове не идет седло, женщине – вино*), то в современных антипословицах на первое место выдвигается женская красота, приравненная к сексапильности, которая становится обязательным, чуть ли не главным атрибутом, залогом успеха как среди мужчин, так и в профессиональной сфере: *Хорошо сложенная девушка может не надевать все что угодно; Лучшее украшение для девушки – скромность и прозрачное платьице; У красивых женщин всегда одним аргументом в их пользу больше* [1].

При этом в антипословицах присутствует стереотип, согласно которому наличие красоты у женщины исключает наличие ума: *Красивая женщина не должна быть слишком умна, это отвлекает внимание; Красивая женщина – это пир для глаз во время чумы для ушей; Красивая женщина для глаз – рай, для души – ад, для кармана – чистилище* [1].

Необходимость привлекательной внешности для женщины, отмечаемая в русских антипословицах, продиктована мощным влиянием англо-американской культуры, в которой привлекательная внешность считается залогом жизненного успеха женщины.

Исследователи не раз отмечали, что в русской языковой картине мира женские качества, среди которых преобладают негативные, получают большую дифференциацию, чем мужские [4, с. 20]. Негативные женские характеристики, к которым относятся болтливость, вздорный нрав, притворство и лживость, глупость, половая распущенность, представлены как в традиционных пословицах и поговорках: *У бабы семьдесят две увертки в день; У женщины волос длинен, да ум короток; У баб да у пьяных слезы дешевы*; так и в антипословицах: *Женщины безусловно умеют хранить тайны, но сообща;*

В одном вопросе мужчины и женщины безусловно согласны между собой: и те и другие не доверяют женщинам; Ум дан женщине для того, чтобы скрывать свой характер [1].

Обращает на себя внимание и то, что в антипословицах присутствует такое негативное женское качество, как расточительность, транжирство, безостановочная потребность женщины тратить деньги на всякие пустяки, что в то же время намекает на присутствие скупости в характере современных мужчин, отраженной в современном народном творчестве: *Любить женщину бесплатно приятнее, но себе дороже; Красивая женщина для глаз – рай, для души – ад, для кармана – чистилище; Сделать женщину счастливой очень легко, только очень дорого [1].*

В традиционных паремиях «расточительность» как женский недостаток не отмечается.

Социологи отмечают, что в современном российском обществе в отношениях мужчины и женщины проявляется модель поведения буржуазного типа. Суть модели заключается в том, что жизнь измеряется в деньгах: на передний план выступают убеждения о том, что в этом мире все продается и покупается. А женщина в этом мире, не имея власти и финансов, расплачивается своим телом за возможность иметь материальные блага, покупать одежду, получать подарки, заботу и опеку.

Такой тип взаимодействия между мужчиной и женщиной в России существовал и ранее, но оставался в тени и в царской России, и в советский период с его характером всеобщего равенства. Изменение социально-экономической структуры в постперестроечном российском обществе способствовало широкому распространению в новой России буржуазной модели поведения в отношениях между полами. Как следствие, в российском обществе сложился новый стереотип продажной и жадной женщины, героини современных антипословиц.

Значительное количество антипословиц затрагивает сексуальные аспекты отношений между полами. В русском языке, как отмечает Л. Н. Пушкарев, пословицы, посвященные чувственной любви, интимным отношениям между женщиной и мужчиной, немногочисленны: «Физическая, чувственная любовь не смакуется пословицей, попросту принимающей ее как реальность, как естественное стремление человека к продолжению своего рода <...> Народная пословица трезво судила о близости мужчины и женщины» [5, с. 151]; сравн.: *Муж крепок по жене, а жена – по мужу.*

В антипословицах, напротив, женщина рассматривается мужчиной как сексуальный объект, что определяет потребительское отно-

шение мужчины к ней: *Девушки должны собирать цветы, ибо это вырабатывает в них навык низко нагибаться; Кто девушку ужинает, тот её и танцует; Я девушка порядочная, поэтому и дорогая* [1].

Такого рода восприятие женщины во многом вышло из изменений в культуре современной России. Средства массовой информации рубежа XX–XXI вв. сформировали новую «патриархально-порнографическую парадигму» в репрезентации женщины. И в связи с обильным распространением порнографии разного рода в культуре и искусстве, на передний план выдвинулось женское тело как сексуальный объект и заслонило собой ценность женской личности, женского целомудрия и благочестия.

В процессе анализа классических паремий и антипословиц стоит отдельно обратить внимание на инвариант «баба» в структуре концепта «женщина». Данная лексическая единица выражает негативную семантику как в традиционных пословицах, так и в антипословицах, мемах, крылатых выражениях.

Подконцепт «баба» является своеобразным противопоставлением концепту «женщина», актуализирует все негативные женские качества, такие как сварливость, глупость, порождение сплетен, женские попытки брать на себя мужские обязанности, женские заимствования мужских качеств. Традиционные паремии: *Женское сердце – что ржа в железе; Баба – что жаба; Бабыя вранья и на свинье не объедешь; Баба с возу – кобыле легче; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадые; Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет.* Антипословицы: *Баба – женщина, которая делает мужчину похожим на мужика; Баба должна быть как скорая помощь – чистая, бесплатная и доступная; Курица не птица, а баба не человек; Вера может двигать горы – она колоссальная баба* [1].

Несомненно, антипословицы представляют действительность в преувеличенной, гипертрофированной форме. Однако этот новый вид народного творчества наиболее ярко отражает реальные тенденции, характеризующие современный уклад российского общества и российский менталитет.

Список использованных источников

1. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Издат. дом «Нева», 2005. – 576 с.
2. Черкесова, З. В. Эволюция концепта «женщина» в паремиологии и фразеологии русского языка / З. В. Черкесова // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – №3. – С. 153–161.

3. Соловьева, Н. С. Отражение гендерных стереотипов в словаре антипо-
словиц русского народа / Н. С. Соловьева // Проблемы истории, филологии,
культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 45–49.

4. Хакимова, Г. Ш. Гендерный фактор в английских паремиях в сопоставле-
нии с русским : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. Ш. Хакимова. –
Уфа, 2003. – 28 с.

5. Пушкарев, Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам
XVII–XVIII вв. / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1994. – 192 с.

6. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне
китайской) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 10.02.01 / Лю Бо. – Владивосток,
2010. – 27 с.

*The article is devoted to the study of the concept of “woman” in the Rus-
sian language at the level of anti-words. The subject of the research is anti-
proverbs, united by the thematic group “woman” in the dictionary “Anti-prov-
erbs of the Russian people” by H. Walter and V. M. Mokienko. The authors ex-
amine the functioning of the concept of “woman” in Russian anti-words and
track how the evaluative norms and stereotypes regarding women, recorded in
anti-words, have changed in comparison with traditional paremias.*

*Keywords: anti-proverbs, concept, woman, paremiological units, proverbs,
transformation of proverbs.*

УДК 811.161.1’373.2:128

Н. И. Ковалевич

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ДУХ», «ДУША»
В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ С СЕМАНТИКОЙ СМЕРТИ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

*Статья посвящена рассмотрению концептов «дух», «душа», репре-
зентируемых в устойчивых словесных комплексах религиозной тематики.
Анализируется связь исследуемых единиц с семантикой смерти на приме-
ре конкретных фразеологизмов. Делается вывод об общности семантиче-
ского поля представленных концептов на базе устойчивых сочетаний, от-
носящихся к религиозной сфере.*

*Ключевые слова: концепт, русская фразеология, дух, душа, дышать,
семантика, смерть.*

Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина оформилась сравнительно недавно. И, как показывает обзор языковедческих работ за последние два десятилетия, именно данная дисциплина привлекает все большее внимание исследователей. Вероятно, это связано с обострившимся в последнее время интересом к особенностям характеров и картин мира различных народностей. В вопросе о проблемах национального менталитета фразеологизм как языковая универсалия представляет особый научный интерес, потому как любой язык является отражением окружающей действительности того или иного народа. Более того, на сегодняшний день считается невозможным обстоятельное изучение языка без взаимосвязанного изучения культуры данного народа и наоборот. При изучении тех или иных языковых явлений, по мнению академика Б. А. Серебренникова, необходимо «решение такой фундаментальной задачи, как определение влияния человека на его язык и языка на человека, его мышление, культуру, его общественное развитие в целом» [1, с. 9]. Возвращаясь к устойчивым сочетаниям, следует также отметить, что они не просто «украшают» речь – они несут в себе определенного рода информацию об истории, культуре и быте народа, в процессе лингвокультурной деятельности которого они сформировались.

В каждом языке обнаруживаются устойчивые словесные комплексы, отражающие национальную культуру конкретного народа. Русский язык, разумеется, не является исключением. Фразеологизмы в русском языке затрагивают буквально все сферы жизни людей: историю, культуру, религию, быт и т. д. Значительную часть в русском языковом пространстве занимают устойчивые сочетания, связанные с религией. Одна из основных их особенностей заключается в том, что по идеологическим причинам до конца XX в. данные фразеологические единицы, как и вся религиозная сфера, оставались за гранью научного интереса. В настоящее же время появляется все больше лингвистических работ, рассматривающих взаимосвязь языка и религии, а также религиозный дискурс.

Одним из основных понятий в данной сфере является понятие смерти, семантика которой обнаруживается в большом количестве лексических единиц русского языка. Задачей настоящего исследования является рассмотрение трех ведущих компонентов религиозной концептосферы, репрезентируемых в устойчивых сочетаниях с семантикой смерти. В качестве репрезентантов обозначенных концептов предлагается рассмотреть лексемы *дух*, *душа* и *дышать*.

Прежде чем начать говорить о представленных выше концептах, необходимо обозначить, что в настоящей работе предлагается опираться на определение Ю. Е. Прохорова, который в своей моногра-

фии, посвященной понятию концепта, в самом общем виде делает следующие заключения:

1. Концепт – это «содержание понятия, которое со временем развивается, обрастает объемом»;

2. Концепт включает в себя «национальный колорит языка как средства мышления и общения» [2, с. 2].

Концепт «дух» в русском семантическом поле имеет огромное количество связанных понятий и ассоциаций. Зачастую данный концепт воспринимается носителями языка как характеристика лица и распространяется в текстах атрибутами *сильный, непобедимый, свободный* и т. п. Помимо этого, отдельную нишу в репрезентации анализируемого концепта занимают такие его компоненты, как *национальный дух, русский дух, дух народа* и т. д. Концепт «дух» достаточно широко представлен во фразеологии: *боевой дух, воспрянуть духом, не переносить на дух, как на духу, ни слуху ни духу, собраться с духом* и т. д. В религиозной сфере «дух» в первую очередь представлен устойчивым сочетанием *Святой Дух* (третья ипостась единого Бога – Святой Троицы, а также некая движущая сила, присущая всему живому).

Во фразеологическом словаре русского литературного языка А. И. Федорова [3] обнаруживаются следующие фразеологические единицы с искомым компонентом, имеющие семантику смерти: *вышибить дух, дух вон* и *испустить дух*. Устойчивое сочетание *вышибить дух* в указанном словаре имеет определение ‘убить’ [3, с. 81], а фразеологизм *испустить дух* – ‘умереть’ [3, с. 358]. У фразеологизма *дух вон* в словаре А. И. Федорова зафиксировано два значения: ‘умер внезапно, скоростижно’ и ‘предельно устал, нет сил у кого-либо’ [3, с. 112]. Если обратиться к буквальному смыслу этих устойчивых сочетаний, то получается, что без «духа» невозможна жизнь. Таким образом, концепт «дух» в составе представленных фразеологизмов обретает связь с такими концептами, как «жизнь» и «смерть».

Для того чтобы рассмотреть, как репрезентируются исследуемые концепты упомянутыми выше фразеологизмами, обратимся к материалам Национального корпуса русского языка [4]. Фразеологизм *вышибить дух* встречается в следующих контекстах: *И первым же крепким ударом надо было вышибить дух Колчаку* (Д. А. Фурманов. Маруся Рябнина (1925)); *Кто-то бросился к борту, кто-то кинул спасательный круг, но черное пятно стремительно уходило в глубину; если бы даже из штабс-капитана такой удар и не вышиб дух, все равно вряд ли он удержался бы на поверхности* (М. И. Божаткин. Флаг на гафеле (1977)). Фразеологизмы *дух вон* и *испустить дух* обнаруживаются в следующих контекстах: *И хорошо это, славно, а то уж дух вон из нас с Алешкой* (В. П. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)); *Настигла его враже-*

ская пуля, угодила куда-нибудь в голову или в грудь – и **дух вон...** (В. В. Бруснянин. В селении праведных // «Пробуждение», №19, 1909); *Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух* (Н. В. Гоголь. Шинель (1842)); *Бедняга испустил дух, не открыв нам тайны* (В. Н. Шинкарев. Папуас из Гондураса (1987)).

Слово *душа* в современном русском языке имеет большое количество значений, а соответствующий концепт – большое количество связанных с ним представлений, знаний, ассоциаций и т. д. Носитель языка прекрасно понимает, что душа – это не только бессмертная субстанция, но и внутренний мир человека, личностный характер, а также особое качество человека, события, явления – душевность (например, *речь произнесена с душой*), приятный человек (*душа компании*), синоним к самому человеку (*вокруг ни души*) и т. д. Концепт «душа» принадлежит к хорошо изученным культурным концептам. Примечательно, что в русской языковой картине мира наблюдается дистрибуция данного концепта с концептом «дух». И он так же широко представлен в русской фразеологии: *душа нараспашку, сделано с душой, бальзам на душу, брать за душу, ни гроша за душой, плюнуть в душу, душа в душу* и др.

Кроме того, концепт «душа» является одним из основополагающих концептов во всех религиях мира. По этой причине среди русских фразеологизмов с религиозной тематикой имеется немало количество единиц с ключевой лексемой концепта «душа», в том числе с семантикой смерти. Такими устойчивыми сочетаниями являются: *выколотить душу* – ‘угрозами, побоями довести кого-либо до смерти’, *душа с телом расстаётся* – ‘о наступлении смерти’, *на помин души* – ‘для поминовения усопшего’, *отдать богу душу, расстаться с душой* – ‘умереть’.

Приведем контексты с каждым из обозначенных фразеологизмов из Национального корпуса русского языка: *Первый сердился, кричал и даже грозился **выколотить душу** из тела бедного возникшего; второй оправдывался, просил помилования и звал на помощь* (И. И. Лажечников. Последний Новик (1833)); *Заплакал он горько и говорит: «Это у меня не иначе **душа с телом расстаётся**, потому и дух такой тяжёлый»* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)); *Пусть друзья устанут ждать адского огня. Выпьют горькое вино **на помин души**. Жаль, что с ними заодно ждать не будешь ты* (Е. В. Новицкий. Мефистофель Forever // «Волга», 2008); *Он сложил руки на груди и прикрыл веки, будто сей же момент готовился **отдать Богу душу*** (А. Б. Троицкий. Удар из прошлого (2000)); *Джамхух помог ему унять последние судороги тела, мучающегося от необхо-*

димости расстаться с душой, как помогают роженице (Ф. А. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)).

Исходя из всего вышесказанного, необходимо сделать вывод о том, что концепты «дух» и «душа» широко представлены в русской фразеологии. Они имеют ряд общих признаков: невидимость, нематериальность, бестелесность, бессмертность, и все эти признаки противопоставляют дух и душу телу, указывают на принадлежность их к миру идеальному, и отделение их от тела (от материальной субстанции) означает физическую смерть, что и демонстрируют приведенные нами контексты из Национального корпуса русского языка.

Список использованных источников

1. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
2. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 176 с.
3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа : 24.10.2020.

The article is devoted to the consideration of the concepts “spirit”, “soul” and “breathe”, represented in the stable verbal complexes of religious topics. The connection of the studied units with the semantics of death is analyzed using the example of specific phraseological units. The conclusion is made about the commonality of the semantic field of the presented concepts on the basis of stable combinations related to the religious sphere.

Keywords: concept, Russian phraseology, spirit, soul, breathe, semantics, death.

УДК 811.161.1'37-055.1/.3

П. В. Лапатинский

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются гендерные оппозиции как один из базовых элементов паремиологического фонда русского языка. Автор акцентирует внимание на характеристике как двучленных оппозиций с регулярными членами и их дериватами, имеющими статус узуальных, так и на

описании бинарных оппозиций, построенных с учетом набора ассоциативных компонентов.

Ключевые слова: паремиологический фонд русского языка, паремия, антропоцентризм, бинарная оппозиция, гендерный аспект.

Смена научных парадигм – естественный и закономерный процесс, который коррелирует с научными предпочтениями в определенный период развития лингвистической мысли. Одним из аспектов ее исследования является антропоцентризм, основу которого формирует положение о человеке как центре и высшей цели мироздания. Однако особый интерес представляет изучение «не абстрактной идеи человека, а его мужской и женской ипостасей» [1, с. 44], поскольку это дает возможность установить набор универсальных и национально маркированных единиц, которые используются для номинации лиц мужского и женского пола. Особое место среди них занимают гендерные бинарные оппозиции (далее – ГБО), формирующие семантическое пространство паремиологического фонда русского языка (далее – ПФРЯ).

Обращение к изучению ГБО вполне закономерно, поскольку дихотомии «мужчина – женщина», «муж – жена», «отец – мать», «брат – сестра» и др. имеют статус универсальных и обладают высоким коннотативным потенциалом. Кроме того, «мужской – женский» – «одна из основных оппозиций в народной культуре, противопоставляющая мужское и женское начало в категориях пола, грамматического рода, символики и обрядовых функций. Разделение полов и противопоставление по принципу “мужское / женское” преодолевается в актах творения, зачатия, рождения» [2, с. 311]. ГБО занимают особое место как в паремиологическом фонде русского языка, так и в общей типологии бинарных оппозиций (далее – БО): они представляют собой подвижную систему, которая «пересекается» с другими БО и включает в свой состав компоненты таких бинарных оппозиций, как религиозные и зоонимические БО, бинарные оппозиции с семантикой родства.

Одними из самых частотных ГБО (49,44%) являются дихотомии «мужчина – женщина» и «муж – жена». По мнению О. Береговой, мужчина и женщина являются дуальной парой и союзом двух начал, где «у мужчины преобладает разумное начало, у женщины – чувственное. Здесь можно проводить аналогию с Правью и Навью, однако это все же несколько иной конфликт: мы не можем говорить о том, что мужчина – олицетворение Правы, а женщина – Нави, однако им могут быть присущи особенности как Правы, так и Нави (все зависит от человека)» [3, с. 15].

Материал нашей картотеки свидетельствует о том, что семантика феминности коррелирует со значением «красота», а семантика маскулинности – со значением «ум». При этом акцент переносится на неразрывную связь мужского и женского: разрыв этой «гендерной цепочки» приводит к утрате таких важных характеристик, как «красота» и «ум»: *Женщины без мужчин блекнут, а мужчины без женщин глупеют.*

Паремии *Муж – голова, жена – шея: куда шея повернет, туда и голова повернется; Муж – голова, жена – душа; Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт* фиксируют «реальное» положение дел в семье: жена влияет на исход события, создает особый микроклимат в семье, несмотря на то что именно муж является ее главой. Нередко это обуславливается сновкой женщины. Так, в паремии *Муж возом не навозит, что жена горшком наносит* внимание акцентируется на том, что женщина не уступает мужчине в ловкости.

Образ жены в ПФРЯ неразрывно связан с таким понятием, как трудолюбие, которое нередко противопоставляется праздному времяпрепровождению мужчин: *Не прядет мужик, да без рубахи не ходит; а баба и прядет, да не по две вдруг носит; Давно то было баяно, что жена не барыня.* Такие пословицы, как *Жена мелет, а муж спит; Жена прядет, а муж пляшет; Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке)*, акцентируют внимание именно на женском трудолюбии.

Семантическое пространство паремий нередко расширяется за счет включения в их состав компонентов религиозных БО. Так, пословица *Да убоится жена мужа, а муж жены – як сатаны* коррелирует с известным выражением Священного Писания «Так каждый из вас любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа». Однако в паремии изменяется «семантический вектор»: не только жена должна бояться мужа, но и муж жены. Причем страх мужа гиперболизируется за счет использования сравнительной конструкции с религиозным компонентом (*жена – сатана*).

Противопоставление мужского и женского репрезентируется и посредством установления «гендерных особенностей» греха, вербализации отношения к измене и ее последствиям. Паремия *Мужнин грех – за порогом остается, а жена все домой несет* свидетельствует о том, что понятие «грех» по отношению к мужу и жене получает разную степень огласки.

ПФРЯ иллюстрирует важность взаимопонимания между мужем и женой: *Муж подумал, а жена сделала.* Однако такое семейное равновесие возможно только в случае правильного подхода к выбору невесты. Как показал анализ паремий, возрастная разница между мужем и

женой имеет очень большое значение: *Невеста родится, а жених на коня садится; Невеста в пеленках, а жених на лошаденках.*

Хорошая жена, как и муж, является главным семейным богатством: *Муж без жены – что конь без узды, а жена без мужа – что речка без берегов.*

Народная мудрость гласит, что в отношении мужа и жены не должен вмешиваться никто посторонний: *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся.* В ПФРЯ важное место занимают паремии, которые отражают единство и неразрывную связь мужа и жены, ответственность мужа за свою жену: *Муж – за гуж, жена – за другой; Жена – не сапог, с ноги не скинешь <муж с ноги не скинет>.*

Гендерная оппозиция «отец» – «мать» занимает второе место по частотности в системе гендерных БО (24,71 %). Лексический маркер *мать* на уровне паремиологии является модификацией древних мифологем *земля* и *родина*, о чем свидетельствуют такие устойчивые сочетания, как *мать-земля, мать-природа, матушка Русь* и *Россия-матушка*. Отец – «глава семьи, на котором лежит ответственность за продолжение имени и рода. Только после рождения первого ребенка “молодожен” получает право называться мужчиной» [2, с. 592].

Анализируемая гендерная бинарная оппозиция фиксирует отношение русского человека к процессу воспитания детей, роли в нем отца и матери: *Детки хороши – отцу-матери венец, а детки плохи – отцу-матери конец.* Но в ПФРЯ содержатся единицы, которые отражают «разный уровень» материнской и отеческой любви. Так, паремия *Маменькин сынок – батюшкин горбок* репрезентирует идею гиперболизированной «материнской любви» и ее отрицательного влияния на будущее сына [4, с. 327]. Паремия *Мать в голову вобьет, а отец не выбьет* отражает степень влияния матери на детей.

Кроме того, для русского человека важным является присутствие в его жизни именно матери (в некоторых случаях это подчеркивается грамматически – соотношением форм числа): *Без отца – полсироты, а без матери – и вся сирота; Отцов много, а мать одна.*

Гендерная оппозиция «сын» – «дочь» составляет 15,84 % от общего количества проанализированных нами ГБО. Анализ материала картотеки показал, что именно сын (а не дочь!) более привязан к семейным традициям: *Сын глядит в дом, а дочь глядит вон.* Во многом это обусловлено тем, что именно в родительский дом сын приводил свою будущую жену. Кроме того, нередко подчеркивается, что воспитание сына принесет положительный результат в будущем: *Сына кормить – взаимы давать, а дочь кормить – в окно деньги выбрасывать.*

Это подтверждают и данные лексикографических источников. Так, в словаре «Славянские древности» подчеркивается, что понятия «сын»

и «дочь «патриархально ориентированы: женщина / девушка – нечистое начало, способна быть неверной; сын носит свою фамилию, остается в семье, дочь – становится частью другой семьи и начинает носить фамилию мужа. Процесс обрядового “перехода” для невесты более актуален, чем для жениха, поскольку ей приходится переходить на чужую сторону, в новую семью» [5, с. 381], что и актуализируется в приведенной выше паремии (*Сын глядит в дом, а дочь глядит вон*), где гендерная БО «сын – дочь» пересекается с пространственной БО «свой – чужой» (*дом – вон*).

Гендерная оппозиция «кум – кума» составляет 7,01 % от общего количества. В ней реализуются либо закрепленные в этносознании идеи о греховности связи кума и кумы (*Кум – во двор, а кума – со двора; Кум подмигивает, а кума отмахивается; Спасибо куме, что до кума добра*), дальновидности и предусмотрительности кумы (*Кум говорит наобум, а кума на ум*), религиозных традициях (*Кум к куме с мылом, а кума к куму с пряником*), либо классические примеры о взаимоотношениях мужчины и женщины (*Кума пеша – куму легче; Кума с возу, куму легче*).

Материал нашей картотеки позволил выделить группу гендерных бинарных оппозиций с непрямым объектом номинации (3 % от общего количества ГБО), в которых для актуализации гендерной семантики используются не системные лексические единицы, а компоненты других БО, формирующих контекстуальные оппозиции: *Не будь овцой, а то волки съедят; Волос длинный, а ум короткий*. Именно ассоциативные и логико-предметные связи, которые устанавливаются между объектами номинации, по мнению Л. В. Гриченко, «способствуют целостному представлению концепта» [6, с. 33].

Выводы:

1. Идея антропоцентричности последовательно реализуется в ПФРЯ, о чем свидетельствуют гендерные бинарные оппозиции, формирующие его семантическое пространство.

2. ГБО можно ранжировать следующим образом: двучленные оппозиции с регулярными членами, имеющими статус узусуальных, и БО, построенные с учетом набора ассоциативных компонентов.

Список использованных источников

1. Карасик, В. И. Антология концептов / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – М. : Гнозис, 2007.
2. Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 3. – 704 с.
3. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. – СПб. : Диля, 2011. – 428 с.
4. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1999. – Т. 2. – 688 с.

5. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – 575 с.

6. Гриченко, Л. В. Концептуальная оппозиция «богатство-бедность» в пословичной картине мира русского народа / Л. В. Гриченко // Балтийс. гуманитар. журн. – 2016. – Т. 5, № 3 (16). – С. 31–35.

7. Калугина, Е. Н. Метафорические наименования мужчины и женщины в субстандарте английского языка / Е. Н. Калугина // Вестн. Балтийс. Федер. ун-та. – Калуга, 2012. – Вып. 2. – С. 44–51.

8. Якутин, Ю. В. Народная мудрость. Сборник русских пословиц / Ю. В. Якутин. – М. : Экономическая газета, 2013. – 320 с.

The article analyzes gender oppositions as one of the basic elements of the paremiological fund of the Russian language. The author focuses on the characterization of both binomial oppositions with regular members and their derivatives, which have the status of conventional ones, and on the description of binary oppositions built taking into account a set of associative components.

Keywords: paremiological fund of the Russian language, paremia, anthropocentrism, binary opposition, gender aspect.

УДК 811.161.1'373:398.9:8

Н. И. Лапицкая, У Цзюнь

**РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ЯЗЫК,
ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОТСУТСТВИЕ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье рассматривается тематическая группа фразеологических единиц с компонентом-соматизмом «язык». Названные соматические фразеологические единицы выражают эмоции человека и его отношение к окружающей среде, отражают традиционную символику, связанную с частями тела.

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматизм, значение фразеологизма, тематическая группа.

Как известно, соматическую фразеологию образуют фразеологические единицы, один из компонентов которых – название части тела человека или животного. Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы представляют собой один из древнейших слоев

в лексике различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка.

Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов – очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп фразеологических единиц. Совпадение образности соматических фразеологизмов в разных языках объясняется не только заимствованием, но и общими закономерностями, которые приводят к возникновению близких фразеологических единиц, демонстрирующих универсальный характер переноса в соматических лексемах, их функционально-семантическую динамику в составе фразеологических единиц [1, с. 53].

Части тела «задействованы» в самых разных культурах с древнейших времен – от мифов и сказок до произведений художественной литературы, от наскальных изображений до авторской живописи и социальных эмблем. Вероятно, это тоже связано с тем, что как древним людям, так и нашим современникам понятнее всего собственное тело и его части [2, с. 247].

Почему же названия частей тела так продуктивно используются в качестве метафорических универсалий? Дело в том, что при назывании нового объекта у человека возникает ассоциация прежде всего с тем, что ему хорошо знакомо, что постоянно находится при нем. В первую очередь человек сравнивает окружающие предметы с самим собой, с частями своего тела. «Благодаря тому, что части тела постоянно находятся перед глазами, они и становятся своеобразными эталонами для сравнения», – делает вывод Т. Н. Чайко [3, с. 104].

Используя названия частей тела в переносном значении как сравнения, метафоры в идиомах, пословицах люди стараются полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление от сказанного [4, с. 200]. Носители языка прибегают к помощи слов, называющих их органы, для описания самых разных сфер действительности, включая эмоции, потому что ни в чем они не имеют таких глубоких и хороших познаний, как в собственном теле.

Однако при создании метафор названия частей тела в разной степени продуктивны: одни используются очень редко (*плечо, подмышка*), а другие – наоборот, очень часто (*голова, глаз, нос, рот, язык, шея, нога, хвост*). Эти последние Т. Н. Чайко называет словами с «широким смыслом», способными передавать многочисленные значения, так как «перенос наименования не только создает наглядность, но и абстрагирует» [3, с. 105]. Наиболее продуктивными оказываются лексемы-соматизмы, называющие части тела и органы,

функции которых в организме человека наиболее ясны, с этим же связана легкость их переосмысления.

Человек познает окружающий мир через ощущения при помощи различных органов (*ухо, глаз, язык, нос*), осуществляет разнообразные действия при помощи рук, ног, головы, плеч. Соматические фразеологические единицы выражают эмоции человека и его отношение к окружающей среде, отражают традиционную символику, связанную с частями тела, зачастую оказываясь или описаниями характерных состояний, или продуктом полного переосмысления описаний различных ситуаций.

Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц (далее – ФЕ) в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Соматизмы, концентрируя вокруг себя другие лексемы и сочетаясь с ними, формируют значения фразеологизмов. Каждое из значений может формировать отдельную тематическую группу.

Заслуживающей внимания лингвистов является группа фразеологизмов с компонентами-соматизмами, обозначающими органы речи (*рот, язык*).

Язык – это, с одной стороны, орудие, средство общения; с другой стороны, это система знаков, выражающих понятия, средство познания мира, накопления и передачи знаний.

Языковой материал, рассмотренный в данной статье, позволяет выделить следующие группы ФЕ по значению:

- 1) фразеологические единицы, характеризующие речевую деятельность;
- 2) фразеологические единицы, обозначающие отсутствие речевой деятельности;
- 3) фразеологические единицы, характеризующие человека по отношению к речевой деятельности.

Самую малочисленную группу составляют ФЕ со значением отсутствия речевой деятельности. Указанные ФЕ выражают мысль о пользе молчания, так как язык человека иногда выступает как его враг; из этого следует необходимость быть осторожным в высказываниях:

держат язык на привязи – ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях’: *Скажи от меня Жуковскому, чтоб он помолчал о происшествиях ему известных. Я решительно не хочу выносить сору из Михайловской избы – и ты, душа, держи язык на привязи* (Пушкин, Письмо Л. С. Пушкину, 1–10 ноября 1824) [5];

держат язык за зубами – ‘молчать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях’: *Аристарх Федорович ясно увидел,*

что купцы, подрядчики и официанты, которым строго предписано было **держать язык за зубами**, не сдержали своего обещания и протрубили о его бале по всему Черноряжску (Григорович, «Проселочные дороги») [5];

(при)закусить язык – ‘замолчать; воздержаться от высказывания’: Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и **закусил язык** (Пушкин, «Капитанская дочка») [5];

(по)придержат язык – ‘поменьше болтать, говорить, рассуждать; помалкивать’: – Ты, Маркуша, **придерживай язык**. Я те врать не позволю! (Горький, «Жизнь Матвея Кожемякина») [5];

проглотить язык, как будто язык проглотил – ‘замолчать, перестать говорить, болтать’: Он решил **проглотить язык** и молчал до самой больницы (Паустовский, «Колхида») [5];

язык не поворачивается у кого – ‘кто-либо не решается, боится, стесняется сказать, спросить и т. д.’: Я хотел было сказать, что не хочу ехать, но **язык не поворотился** (Аксаков, «Детские годы Багрова внука») [5].

Кроме того, к этой группе можно отнести следующие фразеологизмы: *слова не идут с языка; держи язык короче; держи язык на привязи; держи язык за замком*.

Среди фразеологизмов рассматриваемой группы целесообразно выделить ФЕ с каузативной семантикой ‘заставить молчать’:

наступить (наступать) на язык (прост.) – ‘заставлять молчать’: [Васса (строго, тихо):] Людка! Молчи... что ты? [Прохор:] Идите вы все в болото! [Людмила:] Замахнулись, так бейте! [Прохор (уходя):] Подождите же! Я вам **наступлю на языки!** (Горький, «Васса Железнова») [5];

укоротить язык (прост.) – 1) ‘заставить кого-либо поменьше болтать, разговаривать, быть менее дерзким’: Шаховский впился было в меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность **укоротили** его немолкаемый язык (Аксаков, Литературные и театральные воспоминания); 2) только в форме *укороти язык* – ‘замолчи’. – Да что это такое? Поест спокойно не дадут! С утра до поздней ночи бегаешь, бегаешь – и все мало!.. – Ну-ну, **укороти язык!** – прикрикнул Юзеф (Островский, «Рожденные бурей») [5];

связать язык кому – ‘заставлять молчать или не давать возможности свободно, без стеснения, непринужденно говорить, высказываться, объясняться и т. д.’: [Казарин:] Бывало, нам ничто **язык не свяжет**: Врут, хоть сердись, хоть не сердись, зато и доврались (Лермонтов, «Маскарад») [5].

В рамках группы фразеологизмов, объединенных общим значением ‘молчать’, выделяют ряд ФЕ со значением ‘замолчать по причине определенного эмоционального состояния’:

язык отнялся у кого – ‘кто-либо замолчал от неожиданности, удивления, страха и т. д.; кто-либо потерял вдруг способность говорить’: – *Так и так, братец, и на смертном одре нет покоя, зануждался совсем! – Как так? Меня тут и краска прошибла, и язык отнялся.* – *Да так, братец, из своих пришлось в казну приплатить* (Достоевский, «Ползунков») [5];

язык прилип, *язык присох* – ‘кто-либо замолчал от неожиданности, удивления, страха; кто-либо потерял вдруг способность говорить’: *И вдруг Ксения Афанасьевна обратилась к нему с неожиданной просьбой: помочь ей похоронить ребеночка... Тут у старика язык присох к гортани* (Федин, «Первые радости») [5].

Таким образом, фразеологизмы с компонентом *язык* со значением отсутствия речевой деятельности представляют собой достаточно обширную группу, выражают различные значения, связанные не только с мыслительной, но и с физической и эмоционально-психологической сферой человека.

Список использованных источников

1. Куницкая, Н. В. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц / Н. В. Куницкая, В. Ф. Мельник, Б. С. Данилов // Дериватология и динамика в романских и германских языках. – Кишинёв, 1989. – С. 48–55.
2. Карасик, В. И. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
3. Чайко, Т. Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной ономастической лексике / Т. Н. Чайко // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1974. – № 8–9. – С. 98–106.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
5. Войнова, Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. – М. : «Советская энциклопедия», 1967. – 543 с.

The article examines one thematic group of phraseological units with a component-somatism language. The named somatic phraseological units express human emotions and his attitude to the environment, reflect the traditional symbolism associated with body parts.

Keywords: phraseological units, somatisms, the meaning of phraseological units, thematic group.

А. В. Лобанович

**УПОТРЕБЛЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ
В НАЗВАНИЯХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ ГОМЕЛЯ**

В статье исследуются особенности употребления и функционирования фразеологизмов и паремий, компоненты которых используются в названиях торговых объектов Гомеля. Рассматриваются структура, семантика и коммуникативно-прагматическая составляющая указанных эмпоронимов, взаимосвязь использованных компонентов фразеологизмов или паремий с функциональным предназначением объекта.

Ключевые слова: эмпороним, название, фразеологизм, компонент.

Компоненты фразеологизмов или паремий в названиях торговых объектов встречаются не так часто, как, например, имена героев древнегреческих или славянских мифов. На наш взгляд, это обусловлено глубиной мифологических представлений людей, лаконичностью образованных эмпоронимов, прямо указывающих на характер реализуемой продукции. Если же мы имеем дело с названиями торговых объектов, в составе которых присутствуют компоненты фразеологизмов или паремий, то, как правило, это многословные эмпоронимы, создание которых требует от владельцев развитой фантазии, широкого кругозора и высокого уровня владения языком.

Под эмпоронимами в современной ономастике понимаются наименования торговых объектов (термин *эмпороним* образован сложением греческих компонентов, означающих «торговля» + «имя») [1].

В процессе исследования эмпоронимов города Гомеля нами были зафиксированы 4 единицы, содержащие отсылки к известным фразеологизмам или паремиям. Рассмотрим структуру, семантику и коммуникативно-прагматическую составляющую указанных наименований, а также исследуем особенности употребления и функционирования в языке положенных в их основу фразеологических единиц.

Основной ассортимент магазина «Два гуся» – продукты питания, алкогольные и безалкогольные напитки, табачные изделия и т. п.

Эмпороним *Два гуся* представляет собой синтаксически несвободное количественно-именное словосочетание со связью управления.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова приводятся следующие фразеологизмы со словом *гусь*:

гусь лапчатый – прост. ‘пройдоха, плут; хитрый, пронырливый человек’;

гусь порядочный (хороший) – прост. ‘неодобрительная характеристика человека, допускающего предосудительные поступки, нерасторопность, недалёковидность, заносчивость и т. п.’: [Глумов]: *Вас Курчаев подослал?* [Голутвин]: *Нет, мы с ним поругались, он тоже гусь порядочный, вроде вас* (А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты); *И я тоже гусь хороший, нет чтобы честно все рассказать и покаяться, давай ее дальше дразнить да разыгрывать* (В. Астафьев. Звездапад).

хорош гусь – прост. ирон. ‘о неожиданно проявившихся предосудительных или отрицательных качествах кого-либо’: «*С нами сила крестная! – говорила Акулина Памфиловна. – Промчи Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иванович; нечего сказать: хорош гусь!*» (Пушкин. Капитанская дочка) [2].

Таким образом, можно сделать вывод об отрицательной коннотации слова *гусь* применительно к человеку.

В пословице *Гусь да баба – торг; два гуся, две бабы – ярмарка* речь идет о шумности и болтливости женщин. Аналогичный смысл у пословицы *Где баба, там рынок; где две, там базар*.

В советском мультфильме «Два веселых гуся» (1970 г., режиссер Леонид Носырев) впервые прозвучала ставшая широко известной песня «Жили у бабуси // Два веселых гуся». Текст песни был написан поэтессой Марией Клоковой около 1927 года по мотивам украинской народной песни. После ареста мужа Мария Петровна стала «женой врага народа», стихотворение перестало быть веселым и ее авторство было «забыто». Позже появилась версия, что это украинская народная песня. На музыку стихотворение положил Михаил Красев [3].

Анализ вывески в коммуникативно-прагматическом аспекте подтверждает предположение о том, что речь идет именно о «бабушкиных» гусях. На ней изображены два гуся – белый и серый. На белом желтая жилетка и красная кепочка, на сером – красный галстук, напоминающий платок. Птицы находятся в центре желтого круга, который вызывает ассоциации с солнцем или яичным желтком.

Интересно отметить, что каждая буква основного наименования размещена под разным углом и выдается над поверхностью неодинаково. Такое графическое оформление соотносится с веселым, беззаботным характером гусей, призвано внушить потенциальному покупателю чувство безопасности и спокойствия, настроить на позитивное восприятие торгового объекта.

Можно предположить, что использование в наименовании продуктового магазина синтаксически несвободного словосочетания *два гуся* представляет собой отсылку к известной песне и призвано формировать у покупателей позитивное восприятие данного торгового объекта.

В кафе «**За обе щеки**» можно заказать на дом или попробовать в самом заведении шаурму, картофель фри, охлажденные напитки, некоторые блюда американской и кавказской кухни.

Название кафе представляет собой фразеологизм *за обе щеки*, имеющий значение 'есть что-либо с огромным аппетитом, с жадностью': *Угощала она их огурцами, помидорами, а главное – картошкой с огорода. От этой картошки шел домашний, деревенский парной дух. Вика сроду такую не ела и теперь уплетала за обе щеки* (Н. Евдокимов. Сестры); *Пока Сабуров, которому хотелось есть и некогда было объясняться, уплетал за обе щеки картошку, Петя стоял над ним в позе заботливой матери* (К. Симонов. Дни и ночи) [2].

Полный вариант фразеологизма – *уплетать (уписывать) за обе щеки*. В словарях дается с пометой «прост. / разг., экспресс.», что означает его употребление преимущественно в разговорной речи.

Для получения более подробной информации о сфере функционирования и особенностям употребления фразеологизма *за обе щеки* обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Оформив в строке поиска точных форм запрос *за обе щеки*, получаем 164 вхождения в 143 документах.

После анализа всех контекстов выбираем те, которые имеют отношение к еде. Остается 144 вхождения. Особый интерес представляют глаголы, которые сочетаются с фразеологизмом *за обе щеки*. Так, по материалам НКРЯ, чаще всего употребляются лексемы *уплетать* (62 вхождения) и *уписывать* (39 вхождений) *за обе щеки*, например: *Заглянул на кухню – а там сидит его мамаша, выловила из борща лучшие куски мяса, полную тарелку себе наложив и уплетает за обе щеки* (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)); *Те бедняги ловят, дуют, обжигаясь, перекатывают картофелину в руках и уписывают как миленькие за обе щеки...* (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)). Реже представлены другие глаголы:

1) *есть* (9 вхождений): *Еще вчера мы пахнет ели за обе щеки, а сейчас вдруг говорим, что я его ненавижу* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005));

2) *убирать* (7 вхождений): *Я убирал за обе щеки, а тетенька, смотря на меня, тихо радовалась* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889));

3) *уминать* / *наминать* (7 вхождений): *Официантка принесла булочки, так он, не дожидаясь остального, кинулся их маслом намазывать и уминать за обе щеки* (Дина Рубина. Монологи (2000)); *И все тянутся к хлебу, наминают за обе щеки* (Федор Абрамов. Братья и сестры (1958));

4) *набивать* (5 вхождений): *Сели за стол. Буратино набивал еду за обе щеки* (А. Н. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино (1936));

5) *трескать* (4 вхождения): *Заблестеть губами и трескать за обе щеки* (Сергей Шаргунов. Ура! (2003));

6) *запихивать* (4 вхождения): *Наскоро отведали нехитрой крестьянской снеди, запихивая за обе щеки, полакомились ароматной мамалыгой с овечьим сыром и, извинившись, двинули в обратный* (Павел Сиркес. Труба исхода (1990–1999));

7) *вкушать* / *кушать* (2 вхождения): *Четыре дня я за обе щеки вкушал уже подзабытые горячие яства с семейного стола, сильно сокращая расходы на питание товарищу и Любимой* (В. В. Глейзер. Любовь и морковь // «Волга», 2009); *Неаполитанские мамы садились обыкновенно в угол занимаемого компанией кабинета, кушали за обе щеки все, что им подавали, и не мешали ни в чем, разговаривая между собою самым благодушным образом и не обращая никакого внимания на своих дочерей и их кавалеров* (Н. Э. Гейнце. Герой конца века (1898));

8) *наворачивать* (2 вхождения): *Я наворачиваю эту вкуснятину за обе щеки* (П. В. Потапова. Дочь. Пять глав о главном // «Уральская новь», 2003).

Единичными случаями представлены контексты с глаголами *молотить* (*Может я и не права, но мне кажется пройдет год - другой, и дети в период созревания будут молотить за обе щеки все, что попало* (Наши дети: Подростки (2004))), *жрать* (*Почему он буквально жрет их труд, вечером придет ест, утром опять ест, в выходные садится как все за стол и жрет за обе щеки, а стирка стирай с него, вода газ электричество квартплата, на детей опять мы пашем, приехали* (Людмила Петрушевская. Пчелка (1998–1999))) и *охминачивать* (*Отрезав из-под нежного подкрылка свежий, соком истекаю-*

щий кус, дежурный артельщик иссекал его на полне в кубики, раздавал мальцам вместо сладости, и те *охминачивали за обе щеки* свежую рыбу так быстро и жадно, что на губы их выдавливался прозрачный жир (Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)) [4].

Приведенные языковые факты свидетельствуют о широком употреблении данного фразеологизма со второй половины 19 века. Разговорную окраску выражению придают просторечные глаголы *уписывать, улетать, убирать, уминать* и т. п., а стилистически нейтральный глагол *есть* не позволяет в полной мере передать экспрессивную окраску фразеологизма.

Использование фразеологизма *за обе щеки* в качестве названия кафе мотивируется тем, что предлагаемые блюда и напитки якобы настолько вкусные, что посетитель будет есть их с большим аппетитом, что называется, за обе щеки.

В чебуречной «**Чебуреки с пылу, с жару**», как видно из названия, можно заказать свежие чебуреки, сытный куш, шаурму и т. п.

В основу эмпоронима положен фразеологизм *с пылу, с жару*, имеющий разговорную, экспрессивную окраску, для которого во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова приводятся следующие значения: 1. ‘о свежее испеченном, только что поджаренном, сваренном’: *Лишь была б она с наваром, Да была бы с пылу, с жару – Подобрей, погорячей* (А. Твардовский. Василий Теркин); 2. шутол. ‘о только что появившемся, недавнем по времени возникновении’: – *Скажу вам, ребяташки, весточку горяченькую, только что с пылу, с жару... Скоро у нас поход будет* (И. Лажечников. Последний Новик) [2].

Дискуссионным остается вопрос о знаках препинания либо их отсутствии в указанном фразеологизме. Как видно из контекстов, приведенных в словаре А. И. Федорова, в художественной литературе авторы чаще всего ставят запятую между компонентами *с пылу, с жару*. На портале Грамота.ру указывается, что знак препинания здесь не нужен [5].

Для получения более подробной информации о сфере функционирования и особенностях употребления фразеологизма *с пылу с жару* обратимся к материалам НКРЯ. Оформи в строке поиска точных форм запрос *с пылу с жару*, получаем 72 вхождения в 68 документах. Среди них вариантов с запятой – 35 (*Они с удовольствием полакомятся горячими кусочками мяса только что с пылу, с жару* (Советы хозяйке // «Даша», 2004)), без запятой – 36 (*На поставце появились свежие, с пылу с жару, пироги и большой жбан с ярко-желтым медом* (Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)) [4].

Встречаются в НКРЯ примеры употребления фразеологизма *с пылу с жару* и во втором значении – ‘о только что появившемся, недавнем по времени возникновении’: *Холмогоров очнулся и начал сдавать по одной вещичке на радость начмеду. Тот подхватывал их с пылу с жару да всучивал санитарке, чтоб тут же наряжала другого* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001); *Да, где бы что ни происходило, есть шанс, что рядом окажется хоть кто-нибудь с телефоном, кто заснимет и*

выложит в сеть чистой-шую правду с пылу с жару (Александр Привалов. Об информационной гигиене // «Эксперт», 2014) [4].

Графическое оформление вывески наводит на мысль о чебуреках и вкусной выпечке. Так, основное наименование *Чебуреки* выполнено большими красными буквами стандартного начертания на желтом фоне и издали привлекает внимание посетителей. Справа на красном фоне меньшего размера расположена часть *с пылу, с жару*, выполненная желтыми буквами. Цветовая гамма и форма вывески в полной мере выполняют рекламную и информационную функцию.

Таким образом, использование фразеологизма *с пылу с жару* в наименовании чебуречной мотивированно, служит для привлечения внимания потенциальных покупателей благодаря актуализации в сознании значения фразеологизма – ‘свежая, только что испеченная продукция’.

Кафе-бар «**Seven Fridays**» – это самое лучшее из Нью-Йорка в центре Гомеля! Изысканные коктейли и стильный интерьер позволят окунуться в обстановку непринужденной элегантности! [6].

Как видно из приведенного в официальной группе заведения в социальных сетях высказывания, а также внутреннего оформления кафе-бара, он ориентирован преимущественно на американскую культуру. Об этом же говорит и отрывок из интервью с владельцами: «**Seven Fridays** – это закономерное продолжение «Семи пятниц». Я не могу сказать, что в нашем баре Америка выражена полностью. Таких баров в Америке не найдешь <...> Мы взяли за основу факт рождения коктейля в Америке, плюс американская кухня» [7].

Почему же за основу наименования сети кафе-баров взят фрагмент фразеологизма *семь пятниц на неделе*?

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В. Н. Телия дан следующий культурологический коммента-

рий: «Образ фразеологизма соотносится с языческим культом древних славян, связанным с почитанием женского божества Мокоши – богини плодородия, покровительницы материнства, воды и дождя.

В день празднования в честь этого божества запрещалось прясть, купать детей, начинать какое-либо дело. Непосредственным продолжением образа Мокоши после принятия христианства стала Параскева Пятница.

Обычай не работать в этот день сохранился и нашел отражение в следующих пословицах: *Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться; По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут.* Поскольку в пятницу не занимались обычным трудом, то в этот день устраивали базары, торговали и заключали торговые сделки. На пятницу назначались сроки исполнения торговых и долговых обязательств. По мнению А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, тот, кто в этот день не возвращал своего долга и просил подождать до другого дня или до следующей пятницы, считался человеком ненадежным, необязательным.

Образ фразеологизма восходит к издревле сложившемуся представлению об упорядоченности бытия человека как об идеале мироустройства. Нарушение порядка запечатлено в нарушении недельного временного кода, т. е. в замене совокупности имен (понедельник, вторник и т. п.), обозначающих членение времени на отрезки – дни недели, одним именем – пятница. Фразеологизм выступает в роли стереотипного представления о человеке, которому свойственны необязательность, непостоянство, склонность часто и непредсказуемо менять свои планы» [8].

Следовательно, применительно к кафе-бару можно говорить о значении пятницы как дня отдыха, в который запрещалось работать. А поскольку бар работает каждый день, то и отдыхать в нем можно ежедневно, тем самым превращая любой трудовой день на неделе в пятницу. Такая трактовка эмпоронима полностью соответствует характеру объекта, а фиксация латиницей указывает на американский стиль кафе-бара.

Таким образом, компоненты фразеологизмов и паремий чаще всего употребляются применительно к магазинам и заведениям, в которых можно приобрести продукты питания или напитки. Употребление компонентов фразеологизмов и паремий в данном случае призвано экспрессивно указать на качество, свежесть и потрясающий вкус реализуемой продукции, выполняет информативную и рекламную функции.

Список использованных источников

1. Использование эмпоронимов на территории города Арзамаса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://school-science.ru/2/10/30262>. – Дата доступа : 05.03.2019.
2. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Федоров – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru/>. – Дата доступа : 14.10.2020.
3. Два веселых гуся [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cutt.ly/RgOjeP4>. – Дата доступа : 20.10.2020.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа : 22.10.2020.
5. Грамота.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cutt.ly/rgOjktE>. – Дата доступа : 22.10.2020.
6. Seven Fridays | 7Fridays [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vk.com/7fridays_gomel. – Дата доступа: 22.10.2020.
7. Интервью владельцев гомельского бара «Seven Fridays» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gomel.today/2012/07/25/56264.html>. – Дата доступа : 22.10.2020.
8. Брилева, И. С. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, И. В. Зыкова, С. В. Кабакова, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. Н. Телия. – М. : Аст-пресс книга, 2006. – 784 с.

The article explores the use and functioning of phraseology and paremias, the components of which are used in the names of Gomel's trade objects. The structure, semantics and communicative-pragmatic component of the specified emporonyms, the relationship of the used components of phraseology or paremia to the functional purpose of the object are considered.

Keywords: emporonym, title, phraseology, component.

УДК 811.161.1'373:398.91:177.6

А. О. Лушковская

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И АНТИПОСЛОВИЦЫ СО СЛОВОМ-КОМПОНЕНТОМ ЛЮБОВЬ

Рассматриваются традиционные русские пословицы, включающие в свой состав слово-компонент «любовь», а также так называемые антипословицы, образованные на основе исходных паремий. Являясь ключевой номинацией в рассматриваемых оборотах, слово «любовь» вступа-

ет в различные – синтагматические и парадигматические – отношения с другими лексемами в пределах пословиц и антипословиц.

Ключевые слова: любовь, пословицы, антипословицы, семантика, трансформации.

Среди русских паремий встречается немалое количество устойчивых сочетаний, включающих в свой состав слово *любовь* в значении ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.’ [1, с. 509]. Рассмотрим общеупотребительные пословицы и поговорки, а также трансформации наиболее известных пословиц, которые представлены в сборнике «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [2].

В традиционных пословицах любовь изображается как истинная ценность, возвышенное и наиболее важное для человека чувство. Так, в пословице *Любовь – что зеркало: разобьешь – не склеишь* любовь сопоставляется с хрупким объектом, который способен разбиться. Это проявляется не только в сравнении с существительным *зеркало*, но и с глаголом *разбить*, который принимает значение ‘разрушить, уничтожить’ [1, с. 1060]. Очевидно, что слово *склеить* в данном случае употребляется как в прямом значении – ‘скрепить клеем’, так и в переносном смысле – ‘вновь соединить что-либо разрушенное, восстановить прежние отношения’ [1, с. 1196].

Нередко встречаются пословицы, в которых любовь не сравнивается с какими-либо конкретными предметами и отвлеченными понятиями, а, наоборот, противопоставляется им: *Любовь не пожар, а загорится – не потушишь*. Любовь здесь наделяется свойством огня, что находит свое отражение в представлениях о любви как о страсти и пылком чувстве, способном гореть и сгорать. На основании ряда пословиц можно выстроить определенную модель – «любовь + не + сущ.» и выявить ряд соответствующих пословиц в русской культурной среде: *Любовь не тюрьма, а сводит с ума; Любовь не картошка – не выбросишь в окошко; Любовь не милостыня: ее каждому не подашь*.

В некоторых пословицах и поговорках слово *любовь* находится в паре с каким-либо существительным, образуя при этом однородный ряд: *Где любовь да совет, там и горя нет; Где любовь да доброта, там и красота; Любовь да лад – не надобен и клад* и т. д. В данных пословицах любовь тесно связана с такими понятиями, как «совет», «доброта», «красота», «лад».

При этом нужно отметить, что любовь в пословицах представляется не только посредством наделения её позитивными качествами: выявляется ряд пословиц и поговорок, где рассматриваемое слово выступает совместно с существительными, которые несут в себе отрицательную коннотацию (*напасть, крапива, мука, свары*): *Любовь хоть и мука, а без нее скука; Любовь – крапива стрекучая; Где любовь, там и напасть*. Приведенные примеры позволяют утверждать, что любовь в народном представлении воспринимается как противоречивое и неоднозначное чувство.

Целый ряд пословиц включают различные определения, относящиеся к слову *любовь*: *Верная любовь ни в огне не горит, ни в воде не тонет; Старая любовь помнится; Любовь зла – полюбишь и козла*. Употребленные прилагательные придают понятию «любовь» определенную характеристику. Так, прилагательное *верный* имеет несколько значений, которые реализуются в данной пословице: ‘не вызывающий сомнения в своей надежности, несомненный, очевидный’; ‘такой, который не предаст, не подведёт, не изменит’ [1, с. 119]. Прилагательное *старый* употреблено в переносном значении ‘давно известный’ [1, с. 1262] (в таком значении используются словосочетания *старый друг, старая обида*). Слово *злой* имеет значение ‘причиняющий боль, вред; жестокий’ [1, с. 366]. Прилагательное в составе пословицы *Любовь зла – полюбишь и козла* употреблено в краткой форме, что указывает на непостоянный признак, а следовательно, на двойственный и переменчивый характер.

Трансформации современной языковой картины мира выражают ироничность по отношению к любви и ее объектам. Можно выделить осмеивание любви, которое часто выражается в сочетании с пренебрежением к нормам приличия.

Среди пословиц, активно подвергающихся трансформации, выделяется устойчивая конструкция *Любовь зла – полюбишь и козла*. Данная русская пословица указывает на всеильность любви над человеком, на невозможность управлять этим чувством. В бранно-просторечном употреблении слово *козел* в русском языке имеет значение ‘человек, вызывающий неприязнь, раздражение’ [1, с. 437]. Приведенная пословица находит наибольшее количество изменений в структурном и семантическом плане.

Рассмотрим примеры трансформаций пословицы *Любовь зла – полюбишь и козла*, представленные в сборнике «Антипословицы русского народа»:

1. *Любовь зла – но не так, как на это надеется козел.* В данном случае происходит расширение лексического состава «исходной» паремии за счет присоединения придаточной части, при этом конкретизируется целостная семантика пословицы.

2. *Любовь зла – не всякого козла полюбишь.* Как и в предыдущем случае, трансформация заключается в расширении лексического состава; кроме того, здесь изменяется порядок следования компонентов: нахождение глагольной формы *полюбишь* в «сильной позиции» – в конце пословицы – усиливает его смысловую нагрузку. Эта антипословица является иллюстрацией представления о том, что любовь господствует над волей и желаниями человека.

3. *Любовь зла, а козлы этим пользуются.* В данном трансформе из-за употребления глагола *пользоваться* расширяется смысловая нагрузка, характерная для слова *козел*, наиболее полно раскрывается сущность этого негативно маркированного слова в представлении носителей русского языка.

4. *Любовь зла, любит и козел.* Во второй части антипословицы произошло изменение грамматической формы обоих компонентов, в результате чего слово *козел* приобретает статус субъекта действия, и семантику этого выражения можно представить в следующем виде: ‘любовь – противоречивое чувство, имеющее яркую индивидуальную окраску, поэтому любовь может испытывать недостойный, непорочный человек’.

5. *Любовь зла, уснул и уползла.* Трансформация в данном случае заключается в полном изменении второй части пословицы за счет использования глаголов *уснуть* и *уползти* для описания негативно оцениваемой ситуации.

6. *Береги честь смолоду – полюбишь и козла!* Особенность приведенной антипословицы заключается в неожиданном «столкновении» двух самостоятельных пословиц: *Любовь зла – полюбишь и козла* и *Береги честь смолоду*. Ироничный смысл этой антипословицы может быть понят следующим образом: ‘даже в том случае, если девушка будет беречь свою честь в молодом возрасте, она не «застрахована» от того, что в дальнейшем может полюбить недостойного человека’.

7. Особое место среди антипословиц со словом *любовь* занимает конструкция, в начале которой приводится «исходная» пословица, а далее следует еще одно сложное предложение, неожиданно «развивающее» первоначальную семантику. При этом указывается на переходящий характер любви и вероятность ситуации, при которой жен-

щина может находиться рядом с недостойным человеком: *Любовь зла, полюбишь и козла. Любовь пройдёт, козёл останется.*

Структурно-семантическим изменениям подвергается и такая известная фразеологическая единица, как *От любви до ненависти – один шаг*, однако трансформаций данной пословицы в книге «Анти-пословицы русского народа» наблюдается значительно меньше:

1. *Если от любви до ненависти один шаг, то в обратную сторону значительно больше.* Расширение состава пословицы осуществляется за счет присоединения придаточной части, в результате чего конкретизируется, уточняется семантика «производящего» оборота.

2. *От ГАИ до ненависти – один шаг.* В этом случае замена ключевого слова *любовь* на аббревиатуру *ГАИ* кардинально изменяет общую семантику антипословицы: философское, глубокомысленное значение исходной пословицы заменено «приземленным» ироничным смыслом.

Анализ пословиц и трансформированных на их основе выражений, содержащих слово-компонент *любовь*, позволяет сделать вывод о широком и многообразном использовании этого в слова в паремиях. Проанализированные конструкции выражают как положительную, так и отрицательную семантику, что позволяет характеризовать *любовь* как многоплановое и противоречивое чувство.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : НОРИНТ, 2000. – 1535 с.
2. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.

The article considers traditional Russian proverbs, which include the word-component “love”, as well as the so-called anti-proverbs, formed on the basis of the original pararemiat. Being the key nomination in the considered turns, the word “love” enters into various – syntagmatic and paradigmatic – relationships with other lexemes within proverbs and anti-proverbs.

Keywords: love, proverbs, anti-proverbs, semantics, transformations.

Т. В. Пімінёнкава

ПРЫКАЗКІ І ПРЫМАЎКІ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

Артыкул прысвечаны аналізу тэматычных груп прыказак і прымавак, рэгіёнам бытавання якіх з'яўляецца Гомельшчына. На аўтэнтычным матэрыяле разгледжаны спецыфіка функцыянавання, семантыка прыказак і прымавак, іх мясцовы каларыт і асаблівасці светаўспрымання жыхароў Гомельскай вобласці.

Ключавыя словы: прыказкі, прымаўкі, рэфрэймінг, рыфма, парэміяграфія.

Прыказкі і прымаўкі як фальклорныя жанры ўтрымліваюць ацэнку паводзін чалавека, дэманструюць мясцовы каларыт жыхароў пэўнай тэрыторыі, адлюстроўваюць асаблівасці іх светаўспрымання. Прыказкі і прымаўкі з'яўляюцца самымі кароткімі па форме і, бадай, самымі шматлікімі народнымі творамі [1, с.165]. Варта адзначыць, што яны займаюць важнае месца ў сістэме вусна-паэтычнай творчасці Гомельскай вобласці. Як вядома, “Гомельшчына – рэгіён даўніх беларуска-ўкраінскіх, беларуска-рускіх, а ў паўднёва-ўсходняй частцы і беларуска-рускіх-ўкраінскіх культурных і моўных кантрактаў. Гэта знайшло свой адбітак як цалкам у вусна-паэтычнай творчасці насельніцтва краю, так і ў асобных яе жанрах, у тым ліку – парэміяграфіі” [1, с.166].

У парэміях Гомельшчыны знайшлі адлюстраванне шматлікія моманты жыцця чалавека. Гэта і матэрыяльны быт, што адлюстроўваецца, напрыклад, у наступных устойлівых выразах: *Краса хаты не вугламі, а пірагамі* [1, с. 167], *Золата і ў гразі відна* (запісана ў в. Чамярысы Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Кудранок Анастасіі Рыгораўны, 1927 г.н., студэнткай Краўчанка Н.). Гэта і гаспадарчая дзейнасць: *Летам адзін год корміць* (запісана ў в. Чамярысы Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Кудранок Анастасіі Рыгораўны, 1927 г.н., студэнткай Краўчанка Н.), *Жнівень сее, жне і косіць, на сталах багацце досыць* (запісана ў в. Лубенікі Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Гайдук Ганны Севасцьянаўны, 1922 г.н., студэнткай Хвост І.).

Вялікую тэматычную групу прыказак і прымавак утвараюць сямейныя адносіны. Напрыклад, у асобных парэміях гучыць матыў

добрых стасункаў паміж мужам і жонкай: *Жывуць між сабою, як рыба з вадою, Не патрэбны і клад, калі ў чалавека з жонкаю лад* [1, с. 168], закранаецца вечная тэма бацькоў і дзяцей: *Таму, хто ў дзяцінстве не шанаваў бацьку і маці, не дзядзеца пазнаць пачёту ад свайго дзіцяці, Дзе сыноў лава, там бацьку слава, дзе дачок лава, там матцы слава* [1, с. 169], закранаецца і праблема ўзаемаадносін паміж сваякамі: *Штоб тое знаць, што ў кума піць, то сам пайшоў бы да дзяцей пабраў, Свой – сечысь, рубайсь, а чужы не мешайсь* [1, с.169].

Акрамя з’яў матэрыяльнага свету, гаспадарчай дзейнасці, сямейнага быту, многія парэміі адлюстроўваюць і духоўнае жыццё чалавека. Напрыклад, слова асэнсоўваецца як багацце, якім павінен валодаць кожны чалавек: *Найшоў слова – беражы, а няма – шукай* [1, с. 169], пры гэтым, народная мудрасць раіць удумліва адносіцца да выкарыстання слоў у камунікацыях, бо іншы раз можна і пакрыўдзіць чалавека: *Рана загаіцца, а злое слова ніколі* [1, с. 169], *Слова не верабей, паляціць – не дагоніш* (запісана ў в. Буркі Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Марчанка Ніны Андрэеўны, 1931 г.н., студэнткамі Семянчук Н., Кулай В.).

Прыказкі – гэта павучанні, якія складаюць вялікую групу. Я. Ф. Карскі ў працы “Беларусы” падкрэслівае дыдактычны характар функцыянальнасці прыказак: “Прыказкамі старыя навучаюць моладзь добрай маральнасці, прыказкамі яны праследуюць загану і слабасці, да іх звяртаюцца яны пры суцяшэнні ў няшчасці і смутку” [2, с. 389]. Вельмі важна было навучыць моладзь жыць мудра, нічога не рабіць дрэннага, нікога не крыўдзіць: “Ад добрага не ўцякай і ліхога не рабі” [1, с.170], імкнуцца да філасофскага ўспрымання жыццёвых з’яў, звязаных з успрыманнем сумных падзей: “Адна бяда ніколі не ходзіць, усёгда з сабою другую водзіць” [1, с. 172].

Адметную сістэму надвор’язнаўства і аграрнаміі складаюць прыказкі і прымаўкі, звязаныя з народным календаром. Здаўна людзі назіралі за з’явамі прыроды і прадказвалі надвор’е. У народным календары, які быў вызначальным у працоўнай дзейнасці землеўраб, арганічна суіснавалі не толькі прыкметы і павер’і, заснаваныя як на рэальных з’явах, так і на фантазіі чалавека, але і шматлікія парэміі, таксама цесна звязаныя з каляндарнымі цыкламі: *Ілля лета канчае – жніво пачынае* (запісана ў в. Лубенікі Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Гайдук Г. С., 1922 г.н., студэнткай Хвост І.). У прыведзеным прыкладзе выразна адлюстраваны пераход да жніва, якое сапраўды часцей за ўсё пачынаецца пасля свята «Ілля», што знайшло адлюстраванне ў форме прыказкі.

Падкрэслім, што народныя спосабы прадказання надвор'я надзвычай яскрава ўвасоблены ў прыкметах і павер'ях: “Большасць народных прыкмет звязана з мясцовымі адзнакамі надвор'я. Вельмі характэрыя з'явы папярэднічаюць, напрыклад, мясцовым ветрам... З пэўнымі атмасфернымі аб'ектамі звязана форма воблакаў. Людзі прыкмячалі ў прыродзе гэтыя заканамернасці. Мы з павагай ставімся да народных прыкмет і нярэдка імі карыстаемся” [3, с. 29]. Невыпадкова гэтыя фальклорныя жанры з'явіліся надзейнай крыніцай утварэння прыказак і прымавак, пераважная большасць якіх прысвечана гаспадарцы. Яны не толькі ілюструюць цяжкую працу селяніна, але і вучаць, як трэба дбайна клапаціцца пра хатні дабрабыт: *Гатоў сані летам, а калёсы ўзімку* (запісана ў в. Буркі Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Раманюк Тамары Васільеўны, 1941 г.н., студэнткамі Семянчук Н., Кулай В.).

Беражліва ў народзе адносіліся да прадуктаў харчавання, асноўным з якіх быў хлеб. Нездарма з ім звязана вялікая колькасць прыказак і прымавак: *Хлеб – усяму галава* (запісана ў в. Аляксееўка Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Рудабелец Таццяны Васільеўны, 1957 г.н.); *Не тот багаты, хто мае сrebro і золoto, а тот, хто хлеб мае* (запісана ў в. Аляксееўка Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Пімінёнкавай Паліны Міхайлаўны, 1981 г.н.); *Калі есць хлеб і вада, то не бяда* (запісана ў в. Аляксееўка Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Дземідок Марыі Іванаўны, 1941 г.н.).

У некаторых прыказках і прымаўках важнае месца адводзілася хаце селяніна, пра якую добры гаспадар заўсёды клапаціўся. Свой будынак лічыўся вышынёй матэрыяльнага дабрабыту. Менавіта таму шмат прыказак і прымавак прысвечана хаце як роднаму куточку: *На сваёй лаўцы і намерці добра, Дома і салома ядома, а на чужыне і гарачы тук стыне* [1, с. 167]; *У роднай хаці і вуглы памагаюць* (запісана ў в. Чамярысы ад Кудранок Анастасіі Рыгораўны, 1927 г.н., студэнткай Краўчанка Н.).

Асобную групу парэмій займаюць прыказкі-рэфрэймінгі. Сутнасць гэтай з'явы заключаецца ў тым, што чалавеку прапануецца паназіраць за сітуацыяй з розных бакоў. Прыказкі і прымаўкі гэтай тэматычнай групы дапамагаюць чалавеку прымірыцца з сітуацыяй, на якую ён не мае ніякага ўплыву, прыняць яе. У выразе *Усякі пра праўду трубіць, ды не ўсякі яе любіць* [1, с. 170] паказваецца чалавечая рыса характару, да якой патрэбна прыглядзецца і зразумець, што гэта за чалавек і ці варта працягваць з ім зносіны.

Для стварэння больш моцнага ўздзеяння на чалавека нашы продкі выкарыстоўвалі розныя вобразна-выяўленчыя сродкі (метафары, параўнанні, паралелізмы і інш.), што дапамагала стварыць яркія вобразы, дасягнуць найбольшай канцэнтрацыі і выразнасці думкі, зразумець сутнасць прыказак і прымавак. Часцей за ўсё з гэтай жа мэтай акцэнтавалі ўвагу на пэўных рэальных сітуацыях: *Не тады сабак кормяць, як на ахоту ідуць* (запісана ў в. Чамярысы Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Кудранок А. Р., 1927 г.н., студэнткай Краўчанка Н.); *Панам сеюць, жнуць і косяць, а сабе хлеба просяць* [1, с. 168]. Парэміі маюць сціслую форму, што дапамагае чалавеку хутка ўспрыняць сэнс і зразумець іх. Эканомія слова – адна з асноўных рыс паэтыкі прыказак і прымавак. Гэту дзівосную якасць малых фальклорных жанраў, што “выдатна вучаць эканоміі слова, гутарковай сцісласці і яркай вобразнасці” [3, с. 45], асабліва высока цаніў А. М. Горкі.

Самае каштоўнае, што ёсць у парэміях, – духоўная напоўненасць, мова, якая грае рознымі фарбамі і надае яшчэ большую эмацыянальнасць, выразнасць дыдактычнай скіраванасці. Наяўнасць архаізмаў у прыказках і прымаўках, якія ўстойліва захоўваюцца ў памяці сучаснага пакалення, указвае на мінулыя часы ў гістарычным развіцці грамадства. Напрыклад, словы *войт, стрыечны, хрышчэнік* і інш. не ўжываюцца ў сучаснай мове, але яны захаваліся ў прыказках і прымаўках.

Звычайна ў прыказках прысутнічае рыфма. Пры гэтым яна вельмі разнастайная: і жаночая, і мужчынская, і дактылічная. Сустракаюцца такія прыклады, у якіх мае месца складаная рыфма, і таму цяжка зразумець, да якога тыпу яна адносіцца. Засяродзім увагу на некалькіх прыкладах рознай рыфмы ў парэміях: *Адна бяда ніколі не ходзіць, вусігда з сабою другую водзіць* [1, с.172], *Святое Вялічка – з красным яічкам* (запісана ў в. Лубенікі Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Гайдук Ганны Севасцьянаўны, 1922 г.н., студэнткай Хвост І.), *На Юр’я будзя сена і ў дурня* (Запісана ў в. Чамярысы, Брагінскага р-на, Гомельскай вобл. ад Кудранок Анастасіі Рыгораўны, 1927 г.н., студэнткай Краўчанка Н.). Сустракаюцца ў некаторых прыказках і прымаўках дзве і больш рыфмаў: *У маго татка даўно спяць, а ў свякратка сядзяць* [3, с. 47]. Каб выразіць падабенства рыфмы, часта выкарыстоўваюцца падабенствы слоў: *Бяда па бядзе едзе і бядой паганяе* [1, с. 168].

Кампазіцыя прыказак і прымавак надзвычай простая. З вышэйпрыведзеных парэмій вынікае, што большасць з іх

складаецца з дзвюх частак, якія могуць тлумачыць адна адну, параўноўвацца і г. д. Нягледзячы на гэту абставіну, сустракаюцца і такія тэксты, якія складаюцца з адной часткі. Яны поўныя і не патрабуюць тлумачэння другой часткай. Часцей за ўсё гэта прыказкі-сцвяржэнні: *Піліп дзяцей надзявае* (запісана ў в. Буркі Брагінскага р-на Гомельскай вобл. ад Раманюк Тамары Васільеўны, 1941 г.н., студэнткамі Семянчук Н., Кулай В.).

Парэміі Гомельшчыны ўвасабляюць прыгажосць народнай мудрасці, паэтычны скарб нашай краіны. Прыказкі і прымаўкі дапамагаюць чалавеку знайсці выхад з любой сітуацыі, духоўна ўзбагаціцца. Яны служаць арыенцірам моладзі ў дарослым жыцці, выводзяць тыя галоўныя правілы маралі, якія павінен засвоіць і якімі павінен кіравацца ў жыцці кожны чалавек. Гэтыя жанры павучаюць жыць згодна з высокімі маральна-этычнымі прынцыпамі, ніколі не рабіць дрэннага, бо ўсё вяртаецца. Прыказкі і прымаўкі прайшлі вялікі шлях развіцця і праз стагоддзі паўсталі перад намі ў самым лепшым выглядзе. Гэта тыя даяменты народнай мудрасці, якія нельга страціць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыц. жанры: Гомел. вобл. / уклад. В. А. Захарава і інш.; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

2. Карский, Е. Ф. Белорусы. Очерки словесности белорусского племени. – Т. 3. Кн. 1. Народная поэзия / Е. Ф. Карский. – М.: Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1916. – 557 с.

3. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, Кн. 1 / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: «Навука і тэхніка», 1976. – 560 с.

The article is devoted to the analysis of thematic groups of Proverbs and sayings whose region of residence is Gomel region. Using authentic material, the author considers the specifics of functioning, semantics of Proverbs and sayings, their local color and features of the world perception of the residents of the Gomel region.

Keywords: proverbs, sayings, reframing, rhyme, paremiography.

А. В. Разумная

РОССИЙСКИЕ СЛОВАРИ КРЫЛАТОЛОГИИ И АФОРИСТИКИ XXI ВЕКА

В статье предпринята попытка составить представление о состоянии современной крылатологии и афористики по итогам изучения словарей афоризмов и крылатых выражений, изданных в XXI веке.

Ключевые слова: афоризмы, крылатые выражения, словари.

Мысли древних актуальны и в наши дни. Афористика – достаточно популярный вид словесного творчества. В известных выражениях отражена тысячелетняя мудрость человечества.

Вместе с крылатыми выражениями, фразеологизмами, паремиями афоризмы являются частью концептосферы народов и фиксируют морально-нравственные и этические аспекты культуры. Тем не менее, между первым и вторым понятием есть существенные различия.

А. В. Королькова называет самым существенным признаком афоризмов слова-концепты, входящие в их состав. В том случае, если в высказывании нельзя определить слово-концепт, «перед нами любое явление языка и речи, но не афоризм» [1, с. 28]. В подтверждение этому при составлении «Словаря афоризмов русских писателей» [1] совместно с соавторами она опиралась на так называемые ключевые слова.

Ещё один важный признак афоризмов – наличие автора. Когда афоризм становится общеизвестным и широкоупотребительным, превращаясь в крылатое выражение, авторство теряет свою значимость [1, с. 31].

Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольская в монографии «Афористика» [2] утверждают, что «крылатое слово не имеет завершеного умозаключения. Это, скорее, понятие, а не суждение», в то же время «крылатое слово как бы не имеет своего самостоятельного значения, оно всегда ассоциируется с той ситуацией, в которой оно возникло» [2, с. 38]. Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольская указывают на существенное различие между афоризмами и крылатыми словами: последние «действуют на сознание лишь в тесном союзе со своей родословной», но могут перейти в афоризмы, если получают завершённый

смысл и не будут ассоциироваться с первоначальным источником возникновения [2, с. 40].

Крылатология – одно из самых молодых научных направлений фразеологии, получившее свое развитие в XX в. Как отмечает С. Г. Шулежкова, эта дисциплина «отражает почти полуторавековой путь ее “вызревания” в рамках лексикографии» [3, с. 66].

Первый справочник цитат и афоризмов «Крылатое слово» опубликовал С. Г. Займовский. Работа над книгой началась в 1910 г. и продолжалась 20 лет. В 1955 году последователи Займовского, литературоведы М. Г. и Н. С. Ашукины издали «Крылатые слова», впоследствии книга неоднократно переиздавалась.

Долгое время ученые не придавали большого значения исследованию крылатых единиц, а сборники крылатизмов начали именоваться словарями только к концу XX в.

Вместе с тем, интерес к этому направлению фразеологии проявился с новой силой в начале XXI в.: начали издаваться словари, которые охватывают не только крылатые выражения литераторов-классиков, философов и других деятелей, но и современные варианты, появившиеся на стыке культуры и музыки, утвердившиеся в произведениях современных авторов.

Условно такие словари можно подразделить на научные и бытовые: первые предназначены для филологов, учителей и всех, кто углубленно интересуется афористикой и крылатологией (или крылатикой), в них содержатся более детальные описания и подробности. Второй тип словарей можно встретить на полках книжных магазинов и в электронных библиотеках, они предназначены для школьников и обычных читателей, содержат более простое описание.

В нашей статье приведено описание нескольких словарей крылатологии, опубликованных с начала XXI в. по наши дни, многие из них специализируются только на одном писателе или поэте (А. С. Пушкине, А. П. Чехове), другие же представляют обширное собрание крылатых единиц России и мира.

Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н. Словарь афоризмов русских писателей, 2004 г. [1]

Словарь носит научный характер, но, по словам составителей, может «служить справочным пособием для филологов, работников радио и телевидения, журналистов, студентов, педагогов – всех, кто нуждается в мудрых советах и интересуется изречениями русских писателей и поэтов».

В словаре собраны афоризмы и афористические высказывания русских писателей, поэтов, драматургов, литературных критиков и философов от В. К. Тредиаковского до современных авторов.

Каждому автору отводится отдельная словарная статья, начинающаяся со справки о нем. В ней приводятся афоризмы с выделенными в них ключевыми словами, по которым составляются тематические группы и семантические поля – жизнь, смерть, страх, любовь и др.

Словарь имеет указатель имен авторов с биографической и библиографической справкой, а также указатель основных ключевых слов.

БЕК АЛЕКСАНДР АЛЬФРЕДОВИЧ

Александр Альфредович Бек (1903–1972). Русский писатель. Начал творческую деятельность с очерков, заметок, рецензий. Перу Бека принадлежат повести «Курако», «События одной ночи», «Влас Луговик»; цикл «Волоколамское шоссе» («Панфиловцы на первом рубеже», «Волоколамское шоссе», «Несколько дней», «Резерв генерала Панфилова»); сборник «Доменщики». В 1968 году опубликована «Почтовая проза». После смерти вышла последняя книга «На своем веку. Роман-записки» и повесть «Новое назначение» [1, с. 10].

На войне, в бою, рождается самая сильная любовь и самая сильная ненависть.

**** Равенства трудно достичь потому, что мы стремимся стать равными только с теми, кто выше нас.*

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина, 2005 г. [4]

В 2005 году издательство «Нева» переиздало «Словарь крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко, впервые опубликованный в 1999 году издательством «Фолио-Пресс».

Эта книга – первая в отечественной лексикографии попытка дать максимально полные сведения о крылатых выражениях, восходящих к произведениям великого поэта. Ученые провели большое исследование и собрали специальную картотеку выборок из художественной, публицистической, научно-популярной литературы, из прессы за период 30-х гг. XIX в. – конца 90-х гг. XX в.

Словарь содержит около 1900 выражений, упорядоченных по алфавиту. Каждое из них сопровождается источником упоминания, приводится пример использования у Пушкина и в последующем – у разных авторов, употребляющих это крылатое выражение.

ЖЕНКА МОЯ ПРЕЛЕСТЬ

Письмо П. А. Плетневу, 26 марта 1831 г.

Не хвалюсь и не жалуюсь – ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать.

О жене поэта, Н. Пушкиной, Как заголовок.

«Женка моя прелесть» [Подзагол.:] 185 лет назад родилась Наталья Николаевна Пушкина. (Н. Скатов // СПб. ведомости. 1997. 6 дек.) [4, с. 201].

В. М. Мокиенко подробно описал и разделил на подкатегории крылатые выражения Пушкина. По его мнению, к ним можно отнести «выражения (слова или сверхсловные единства), получившие употребление за рамками собственно пушкинского текста» [4, с. 16]. Это:

- пушкинские цитаты («Была ужасная пора, об ней свежо вспоминанье», «Медный всадник»),
- пушкинские крылатые фразы-афоризмы («гений и злодейство – две вещи несовместные», «Моцарт и Сальери»),
- пушкинские выражения полуфразеологического типа («все флаги в гости будут к нам», «Медный всадник»),
- пушкинские обороты фразео-перифрастического характера («болдинская осень» – период в жизни А. С. Пушкина, отмеченный особым творческим подъемом),
- пушкинские крылатые выражения-фразеологизмы («души прекрасные порывы», «К Чаадаеву»),
- пушкинские слова-образы, слова-символы (Онегин, Татьяна, «Евгений Онегин»).

Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2005 г. [5]

«Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» – это одно из самых полных собраний крылатых слов (более 4000 словарных статей), бытующих как в классической русской литературе, так и в современной речи. Здесь же представлены слова иностранного происхождения, ассимилировавшиеся в русской культуре.

Каждое крылатое слово сопровождается историей его появления, справкой об авторе (при наличии), точным толкованием и примерами употребления в литературе и устной речи. Словарь предназначен для широкого круга читателей и написан простым, доступным языком.

В предисловии В. Серов объясняет отличие крылатых слов от фразеологизмов: «...за каждым словом или высказыванием стоит его автор (вполне определенный человек – философ, поэт, исторический деятель и т. д.) или какой-либо конкретный источник, например Библия. Это и отличает собственно крылатые слова от устойчивых фразеологических оборотов («кричать во всю Ивановскую», «верста ко-

ломенская» и т. д.), которые имеют анонимное или фольклорное происхождение» [5, с. 3].

А все-таки в ней кое-что было!

С французского: Il y avait quelque chose là!

Слова французского поэта-романтика Андре Мари Шенье (1762 – 1794), которые он произнес 7 термидора (25 июля) 1794 г., взойдя на эшафот по приговору революционного суда и указывая на свою голову. Он был приговорен к смертной казни за свои обличения якобинского террора.

Иносказательно: оценка собственного интеллектуального, творческого потенциала. А. С. Пушкин (из письма к П. А. Вяземскому, написанного в ноябре 1825 г.): «Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: «Il y avait quelque chose là...» [5, с. 7].

Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений, 2010 г. [6]

В словарь включены 13 300 цитат и крылатых выражений из области литературы, истории, политики, науки, религии, философии и популярной культуры. Каждая сопровождается источником, датировкой, точным текстом и ссылкой на книжную публикацию.

Книга состоит из двух основных разделов: авторского и анонимного. В первом статьи следуют по алфавиту – на основе фамилий авторов афоризмов. Во втором разделе «Словаря...» собраны политические и рекламные лозунги, девизы и слоганы, популярные строки из «анонимных» песен, а также «безымянные» цитаты и крылатые выражения.

Издание предназначено филологам, историкам, журналистам, а также широкому кругу читателей.

АГРАНОВИЧ, Александр Ильич

(р. 1926), журналист, литератор

79 Трое суток шагать, / Трое суток не спать

Ради нескольких строчек в газете.

«Песня журналистов» (1962), муз. В. Мурадели. Текст песни опубликовался под псевд. «А. Левиков» [6, с. 5].

Бесперстных А. П. Словарь афоризмов Чехова, 2014 г. [7]

Словарь афоризмов Чехова – это собрание изречений и литературных цитат известного писателя, выпущенный к 155-летию со дня рождения Антона Павловича. В него вошли также образные выражения из произведений.

А. П. Бесперстных – белорусский литератор и филолог, автор-составитель ряда словарей русских фразеологизмов, эпитетов, посло-

виц и афоризмов, изданных в России и Беларуси. Многие издания публикуются в онлайн-библиотеках и находятся в открытом доступе.

В чеховском сборнике он использовал собственную картотеку литературных цитат. В словаре в алфавитном порядке располагаются лексемы, к каждой из них приводятся соответствующие афоризмы и крылатые выражения, а также источник употребления.

Книга рассчитана не только на почитателей творчества писателя, но и просто на любознательных людей.

БАНЯ

Баня – это место, где царствуют свобода, равенство и братство. (Мысли и отрывки)

БЕЗДЕНЕЖЬЕ

Карманный дифтерит. (Осколки московской жизни) [7].

Шулежкова С. Г. и коллектив российско-немецких авторов. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии, 2016 г. [8]

Российско-германский коллектив исследователей собрал обширную коллекцию лозунгов, призывов, здравиц, девизов, активно используемых в современном коммуникативном пространстве различными политическими партиями и общественными движениями России и Германии.

Издание носит научный характер, но, по словам авторов, адресовано филологам, журналистам, социологам, а также всем, кто интересуется проблемами политической лингвистики.

В предисловии филологи поясняют, почему лозунги можно отнести к объектам фразеологии: они имеют выраженную идею и направленность на адресата, обладают чертами устойчивых словесных комплексов. Значительная часть из них представляет собой крылатые выражения, поскольку их значения «отягощены генетической памятью о породившем их источнике» [8, с. 3].

В книгу вошло около 250 устойчивых словесных комплексов: 200 российских лозунгов, имеющих место в политической жизни, около 50 германских. Они располагаются в алфавитном порядке. В обеих частях есть перекрестные ссылки друг на друга при выявлении лозунгов-аналогов.

Статья к каждому лозунгу имеет исходную форму высказывания с перечислением его вариативных форм; информацию о происхождении лозунга и обстоятельствах его распространения; характеристику его значения и отношение, которое он вызывает. В словаре приводятся примеры употребления и образцы использова-

ния в трансформированном виде; есть также ссылки на фразеологические, этимологические, паремиологические и цитатные справочники.

ГОЛОСУЙ ЗА РЕАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ – ЗА КППРФ!

Предвыборный лозунг КППРФ. Фраза отсылает к Программе коммунистов, в которой постулируются основные положения реформ, направленных на улучшение социально-экономической политики (Программа партии: <http>).

► *Призыв к электорату проголосовать за программу реформ коммунистов.*

Голосуй за реальные изменения – за КППРФ! Агитационные материалы для выборов главы Удмуртской республики // Газета КППРФ «Вестник организационно-партийной и кадровой работы». Вып. 17 (237), октябрь 2014. [8, с. 20].

Тарасова Л. Е. Словарь крылатых слов и выражений, 2020 [9]

Это один из самых последних словарей крылатологии. Л. Е. Тарасова исследует историю возникновения известных крылатых выражений.

«Крылатые фразы в полном смысле слова “прилетели” в русский язык, но у каждой есть свой автор, за каждой стоит конкретное историческое событие или лицо. Конечно же, со временем какие-то слова могли измениться, и это правильно, поскольку язык – живой поток слов, развивающийся, не стоящий на месте. Мы же предлагаем изначальный вариант крылатого выражения», – говорится в аннотации [9, с. 2].

В издании в алфавитном порядке приводятся крылатые выражения, при наличии указывается автор, произведение и дата первого упоминания.

А воз и ныне там!

О неэффективной работе, о не решаемой со временем задаче

Крылов И. А. (1769–1844)

«Лебедь, Щука и Рак», 1816 г. [9, с. 3].

Проанализировав ряд словарей, мы можем отметить, что количество изданий не влияет на качественный результат. Большинство бумажных и онлайн-изданий носит познавательно-популярный характер и не сопровождается глубокими научными наблюдениями. Часто в таких словарях не указаны источники, поэтому происхождение афоризмов остается неизвестным.

К изданиям с научным описанием можно отнести «Словарь крылатых выражений А. С. Пушкина», составленный В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко; «Словарь афоризмов русских писателей», подготовленный А. В. Корольковой, А. Г. Ломовым, А. Н. Тихоновым; «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и

Германии», написанный С. Г. Шулежковой, А. А. Осиповой, О. Е. Черновой, Н. В. Поздняковой, А. Н. Михиным, Х. Вальтером, О. В. Михиной.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что крылатология и афористика имеют большой потенциал для научного изучения.

Список использованных источников

1. Королькова, А. В. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык. – Медиа, 2004. – 636 с.
2. Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
3. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы / С. Г. Шулежкова, А. С. Макарова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 65–73.
4. Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 752 с.
5. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2004. – 877 с.
6. Душенко, К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений / К. В. Душенко. – М. : Эксмо, 2010. – 1215 с.
7. Бесперстых, А. П. Словарь афоризмов Чехова [Электронный ресурс] / А. П. Бесперстых. – Режим доступа : <https://proza.ru/2014/04/02/2425>. – Дата доступа : 29.09.2020.
8. Шулежкова, С. Г. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова, О. Е. Чернова, Н. В. Позднякова, А. Н. Михин, Х. Вальтер, О. В. Михина / Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С. Г. Шулежковой (гл. ред.), А. А. Осиповой. – Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.
9. Тарасова, Л. Е. Словарь крылатых слов и выражений / Л. Е. Тарасова. – М. : 5 за знания, 2020. – 272 с.

The article deals with the results of the research of dictionaries of aphorisms and popular expressions which were published in XXI century and shows the situation with modern phraseology and krylatology.

Keywords: aphorism, popular expression, dictionary.

Е. В. Романаускас

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОСТАВЕ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИЙ

Объектом данного исследования являются белорусскоязычные паремии с компонентом «имя собственное»; цель исследования – проанализировать имена собственные в составе паремий такого типа, отобранные на основе сплошной выборки из идиоматических словарей белорусского языка; задача – упорядочить полученные результаты в виде статистических данных.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, имя собственное.

Современные лингвисты по-разному определяют понятие «имя собственное». В лингвистическом энциклопедическом словаре данное понятие определяется следующим образом: «Собственное имя (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [1, с. 358]. В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии» дается схожее определение понятия: «имя собственное – существительное (субстантиват), называющее предмет, лицо или явление как единичное, индивидуальное, безотносительно к признакам, служащим для выделения класса предметов». К этому классу относятся имена личные, фамилии, названия разнообразных географических и астрономических объектов, индивидуальные наименования транспортных средств, произведений литературы и искусства и т. п., сравн.: *Татьяна, Сидоров, Москва, Волга, Малая Медведица, «Адмирал Нахимов», «Униженные и оскорблённые», «Патетическая»* [2, с. 17].

Многими исследователями признается сложность, диалектичность значения имен собственных как единиц языка (чаще всего слов). В современной теории слова признается, что значение слова – это то его содержание, которое приблизительно одинаково понимается и говорящим, и слушающим и включает в свой состав три типа отношений:

- денотативное – отношение слова к предмету;
- сигнификативное – отношение к понятию;
- структурное – отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка [3, с. 32].

Имя собственное, будучи единицей языка – словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает всеми названными типами отношений – денотативным, сигнификативным и структурно-языковым, однако их качество в собственном имени несколько своеобразно по сравнению с соответствующими компонентами значения нарицательных слов, что и обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику.

Подводя итог рассмотрения имени собственного как языково-речевой категории, можно констатировать следующее: собственные имена – это единицы языка, речи, служащие для подчеркнутого конкретного называния отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и функционировании. Назначение имени собственного – называть определенный предмет, соотнося его с классом однотипных или родственных предметов.

В современной русской ономастике наиболее признанной является классификация имен собственных А. В. Суперанской. Прежде всего, она разграничивает ряд классификаций в зависимости от критерия, положенного в их основу. В данной статье мы воспользуемся классификацией имен в связи с именуемыми объектами [4, с. 66]:

а) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:

В зависимости от именуемого объекта она выделяет антропонимы – личные имена людей; зоонимы – клички животных; мифонимы – имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах;

б) наименования неодушевленных предметов: топонимы – наименования населенных пунктов; космонимы и астронимы – наименования космических объектов; фитонимы – наименования растений; названия средств передвижения; сортовые и фирменные названия;

в) имена собственные комплексных объектов: названия предприятий, учреждений; хрононимы – имя исторически значимого отрезка времени; названия праздников, торжеств; названия мероприятий, войн; названия произведений литературы; документонимы; названия стихийных бедствий; фалеронимы – имена собственные ордена, медали.

В данной статье мы рассмотрим многообразие имен собственных как компонентов белорусскоязычных паремий.

По определению Г. Л. Пермякова, «паремиология – это наука, изучающая пословицы и поговорки». Название происходит от греческого слова *παροιμία*, что значит «изречение», «притча» [5, с. 11]. Ав-

тор подчеркивает, что к паремиям причисляют клише трех видов грамматической завершенности:

А) отдельные сочетания слов типа *Оставил корову сторожить сено*;

Б) самостоятельные предложения вроде *Сорванное яблоко обратно не прирастает*;

В) целые рассказы или сценки наподобие следующей: *Верблюду сказали: – Поздравляем, тебя сам царь вызвал! – Знаю, ответил тот, – или в Кохб за солью пошлёт, или в Шарур за рисом.*

Клише первого типа (А) принято именовать поговорками. Клише второго типа (Б) – пословицами. А клише третьего типа (В) удобнее всего называть побасенками [5, с. 17]. Резюмируя вышесказанное, Г. Л. Пермяков дает следующие определения понятиям:

- поговорка – незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста;

- пословица – замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов;

- побасенка – сверхфразовое единство (сценка) [5, с. 18].

Авторы книги «Фразеология и паремиология» Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко также занимались вопросом разграничения пословиц и поговорок. Они подчеркивали, что «пословицы имеют ряд существенных различий в содержании, структуре и семантике» [6, с. 245]. Авторы дают следующие определения понятиям «пословица» и «поговорка»: пословицы – это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и «безобразную» структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста; поговорками считаются устойчивые выражения, не эквивалентные суждению. Поговорки не обладают семантической независимостью от внешнего контекста, и их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь [6, с. 249].

В результате сплошной выборки из словаря «Прыказкі і прымаўкі» [7] было отобрано 205 паремий с компонентом «имя собственное». Что касается семантики имен собственных в составе паремий, в исследуемом материале отмечены три основных вида имен собственных: антропонимы, топонимы, названия праздников и торжеств.

Антропонимы представлены именами (149 паремий, напр.: *якая Агатка, такая і хатка; там ў Саўкі печкі і лаўкі; у Саўкі смаляныя лаўкі; галоднаму Фядоту і шчаўе ў ахвоту*), фамилиями (8 паремий, напр.: *не проста пані, а пані Стоцкая; што пан Бараноўскі, то не пан*

Казлоўскі; шляхціц ты Кабылінскі: адна нага ў гобаце, а другая ў лапці), отчеством (паремія *ты не Несцяроўна – мне не роўня*), кличкой животного (3 паремии: *як Лыску кормяць, так яна брэша; Ласкаю будзеш Падласкаю: і пакормяць, і падоцяць; падой Лыску – ды ў міску*).

Топонимы представлены названиями стран (3 паремии: *разбагацеў у Амерыцы, ухваціў шылам патакі; на Беларусі пчолы як гусі, а гусі як волы, а паны – як голы, так голы; на Белай Русі пчолы, як гусі, рэзгіямі мёд носяць*), городов (12 паремий, напр.: *язык і Варшавы дапытае; як бог у Адэсе, на цёплым месце; не адразу Вільня будавалася*), населенных пунктов (паремія *як у Грыцках не абдзяруць, у Грыевічах не абкрадуць, а ў Грыцэвічах не заб'юць, то нідзе чэрі не вазьмуць*), рек (5 паремий: *заішлі / паехаў за Дунай – і двару не думай; калі з'ехаў за Дунай, то да хаты не думай; чым за морам віно піць, ляпш з Нёмана вадзіцу; добра на Дану, а лепш удаму; как ні харашо на Дану, да не так, як у сваім даму*).

Кроме того, среди отобранных паремий встречаются единицы, включающие названия праздников и торжеств (23 паремии, напр.: *Новы год ясна, будзе ў гумне цясна; святое Васілля – людзям красілля; на Новы рок прыбудзе дня на зайчын скок; паршывае парасё і ў Пятроўкі мерзне*).

Таким образом, в отобранных паремиях с компонентом «имя собственное» антропонимы составляют 79%, топонимы – 10%, а группа названий праздников и торжеств – 11%.

Помимо фамилий, отчеств и кличек животных, антропонимы представлены мужскими (62 единицы, 70%) и женскими (27 единиц, 30%) именами. Самыми популярными именами являются *Іван* – 13 паремий; *Саўка* – 8 паремий; *Мікіта* – 6 паремий; *Фома* – 6 паремий; *Кузьма* – 5 паремий; *Юра* – 5 паремий; *Кацярына* – 4 паремии; *Агата* – 3 паремии.

Имена используются как в полной форме (*Андрэй, Гэрман, Іван, Казімір, Міколай, Мсціслаў, Філімон, Тадэуш; Кацярына, Крысціна* и др.), так и в просторечной форме (*Ванька, Грышка, Кузьма, Саўка, Фомка, Федзька; Зося, Маруся, Машка, Люця, Мар'янка, Надзёжа* и др.).

Большинство личных имен используется для рифмы: *І Халімон танцуець, калі яму шанцуець; Не кожная Надзёжа з твару прыгожа; Любі Якава, ды не ўсякага; Міла табе Маруся, дык сам з ёю і цалуйся; Казала Клара, што будзе пара; Няма Саўкі – няма спраўкі; Вінавата хата, што радзіла Ігната*.

Основными целями употребления паремий с личными именами являются: высмеивание недостатков человека (*наш Антон не тужыць на том; вышла ў Хадоры два бліна*), оценка его социального проис-

хождения и / или статуса (*прыйшлі і мы да Хамы, а той сам бядны; багат Цімошка: сабака да кошка*), оценка его интеллектуальных способностей (*а наш Андрэй за ўсіх мудрэй; па вобразу Ілля, а па ўму свіння*), физических качеств и/или состояний (*відна Ваньку па паходцы; ідзець Іван, вельмі п'ян, за ім Якаў паўзе ракам – той не п'яны*).

Паремии, включающие в себя топонимы и названия праздников, отражают историко-культурный облик белорусского народа: *На Беларусі пчолы як гусі, а гусі як волы, а паны – як голы, так голы; Чым за морам віно піць, ляш з Нёмана вадзіцу; Як у Грыцках не абдзяруць, у Грыевічах не абкрадуць, а ў Грыцэвічах не заб'юць, то нідзе чэрці не вазьмуць; На Новы рок прыбудзе дня на зайчын скок; На Новы год ясна, будзе ў гумне цясна; Святое Васілля – людзям красілля.*

Паремии с компонентом «имя собственное» являются ценным источником информации об исторических событиях, этнографии быта и мировоззрения народа; они всегда будут украшать речь остроумием и своей способностью метко и точно характеризовать все многообразные явления жизни [8, с. 36]. Изучение дискурсивной специфики употребления единиц такого типа позволит установить их актуальность в современном белорусском языке.

Список использованных источников

1. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : «Советская Энциклопедия», 1990. – 709 с.
2. Варбот, Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. – Российская академия наук : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. – 54 с. – Режим доступа : http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf. – Дата доступа : 09.11.2020.
3. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
5. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
7. Прыказкі і прымаўкі : у 2-х кн. – Кн. 2 / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.
8. Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.

This article is dedicated to Belarusian proverbs and sayings with proper names. The author discusses the concept of proverbs and sayings and their place in phraseology. The author analyses the usage of proper names in Belarusian proverbs and sayings.

Keywords: phraseology, proverb, saying, proper noun.

УДК 811.161.1'42:398.91

О. А. Симончук

**ЛУЧШЕ СИНИЦА В РУКЕ, ЧЕМ ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ
(функциональный аспект)**

В статье описывается функционирование пословицы «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» в художественных и публицистических текстах. Выявляются структурно-семантические и семантические трансформации пословицы, которым она подвергается при употреблении в речи. Определяются коммуникативные намерения пользователей паремии.

Ключевые слова: пословица, паремиологическая единица, предпочтение, контекст, трансформация, ключевой компонент.

Пословица *Лучше синица в руках / в руки, чем журавль в небе* относится к массиву общих суждений о предпочтительности, которые, как отмечает в своем труде «Язык и мир человека» Н. Д. Арутюнова, предназначены для того, чтобы указать выход из жизненных затруднений и помочь в разрешении сомнения [1, с. 246]. В таких суждениях сопоставляются «конфликтующие» ситуации и содержится рекомендация выбора [Там же].

В основе рассматриваемой нами пословицы лежит выбор, осуществляемый по принципу предпочтения реального потенциальному. «Есть» лучше, чем «нет», иметь хоть что-нибудь лучше, чем не иметь ничего – вот исходный принцип выбора, который, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «в некотором роде отражает стремление к заполнению вакуума, продиктованное страхом перед пустотой и нищетой» [1, с. 258]. Иметь синицу – птицу, которая, помимо малого, олицетворяет еще и близкое, реальное, доступное, наличное, гарантированное, – лучше, чем иметь журавля – птицу, олицетворяющую нечто весомое, привлекательное, желаемое, манящее, но вместе с тем недоступное.

Предпочтение малого большому, реального иллюзорному в житейских мудростях свойственно не только русскому народу, но и многим другим народам. В книге венгерского паремиолога Джулы Паджолая «Европейские пословицы: на 55 языках с эквивалентами на арабском, персидском, санскрите, китайском и японском языках» мы находим пословицы еще на 50 языках, которые по смыслу идентичны русской [2, с. 194–202]. В образе малого в разноязычных пословицах-аналогах выступают воробей, сорока, голубь, куропатка, заяц и др. Возможность обладания, как правило, ассоциируется с нахождением предпочитаемого малого «в руке». Для обозначения большего, недоступного используются образы того же журавля, голубя, глухаря, дикого гуся, павлина, сокола и др. Большая птица, множество птиц изображаются как находящиеся вне достижимости – на крыше, в небе, в лесу, в полете и т. п.

Такая широкая география распространения провербиальных единиц, аналогичных русской пословице *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, подвигла нас к мысли о том, что, вероятно, и степень востребованности данной пословицы носителями каждой конкретной лингвистической культуры будет высока.

Для проверки нашего предположения мы обратились к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) [3]. Предположение оказалось верным, общее количество вхождений пословицы в Основной корпус НКРЯ – 287 единиц. Такое значительное количество вхождений свидетельствует о большой востребованности пословицы в русской лингвокультуре, в частности востребованности у создателей художественных и публицистических текстов. Правда, варианты, в которых пословица употребляется в текстах, поразили своим разнообразием.

Словарными, или каноническими, признаются варианты, различающиеся порядком слов и падежной формой компонента *руки*: *Лучше синица в руках / в руки, чем журавль в небе* и *Синица в руках лучше, чем журавль в небе* [4, с. 810]. Наблюдения показали, что из 287 только в 35 случаях пословица используется в своих канонических вариантах. К числу таких употреблений относятся, к примеру, следующие случаи: а) использование пословицы в речи интервьюируемого журналистом человека для обозначения предпочитаемого и объяснения совершенного выбора: – *Нам удалось переломить ход поединка и сравнять счет, но определенная усталость и боязнь пропустить результативный выпад быстрых нападающих гостей и уступить Уфе второе место сыграло свою роль. **Лучше синица в руках, чем журавль в небе*** (П. Юрьев. Победа Уренгоя. // Советский спорт, 2007)

[3]; б) использование пословицы в речи автора художественного текста для обозначения мотивов предпочтения и отношения к этому предпочтению (в приведенном ниже контексте – с оттенком горькой иронии): *Чистюли-меньшевики брюзжали, что – грабеж и террор, противоречит марксизму. Ах, как издевался над ними Коба, ах, гонял их как тараканов, ...– эксы – грабеж, а революция – нэ грабеж? Ах, лакированные чистоплюи. Откуда же брать деньги на партию, откуда же – на самих революционеров? **Синица в руке лучше журавля в небе*** (А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый мир», 1990) [3]; в) использование пословицы в речи персонажа художественного произведения для обозначения причин предпочтения и выражения неодобрения предпочтения, избираемого адресатом речи: – *Да, это правда, – отвечал молодой человек с негодованием, – предпочтение ваше имеет законные причины... **Синица в руках лучше журавля в небе...*** (А. Ф. Вельтман. Эротика (1835)) [3]; г) использование пословицы в речи персонажа художественного произведения для сообщения о предпочитаемом в сложившихся обстоятельствах (здесь – с оттенком обреченности): – *А потому что я знаю, на что способен, и не обольщаюсь наивными надеждами. **Лучше синица в руке, чем журавль в небе.** – И ты не тоскуешь по журавлю? – Тоскую иногда* (Г. Алексеев. Зеленые берега (1984)) [3].

Наблюдения также показали, что в своих канонических вариантах пословица употребляется не только автономно (1), но и в составе сложных предложений (2): (1) *Ты мне тут все сказки рассказываешь, а я и уши развесил. **Лучше синица в руке, чем журавль в небе.** Соберись!* (В. Г. Короленко. Судный день (1890)); (2) *Правда, куски были разные, кто-то отхватил завод, порт или телеканал, а кто-то всего лишь «приватизировал» свою же комнату в коммуналке, но и тот ощутил себя «собственником». Да, большинство недовольно бурчало, но и помнило, что **синица в руках лучше журавля в небе*** (М. Попов, Писатель: мы не богатые и не бедные, мы русские // Труд–7, 2005) [3].

Многие исследователи отмечают, что пословицам и при их автономном употреблении, и в составе сложного предложения зачастую свойственна аргументативная функция [5; 6 и др.]. Пользователь паремии, ссылаясь на авторитет народной мудрости, придает таким образом своей аргументации весомость, хотя это не освобождает реципиента от необходимости самому принимать решение: *Но ведь он может и на скамейку присесть. **Лучше синица в руках, чем журавль в небе,** не зря есть такая поговорка. Ведь можно и вообще остаться у разбитого корыта. **Ему, конечно, решать, у человека всегда есть***

выбор (В. Усачев. «Мы можем потерять Кокорина» // Советский спорт, 2013) [3].

В большинстве случаев употребления исследуемая нами пословица подвергается трансформациям, причем чаще всего это комплексные трансформации, под которыми понимают совмещение различных модификационных приемов. Трансформации позволяют автору в максимальной степени «приспособить» пословицу к потребностям данного контекста [7, с. 109].

Одним из наиболее распространенных видов структурно-семантических трансформаций является расширение компонентного состава. Зачастую расширителями пословицы являются атрибутивные словоформы, употребляемые при ключевых компонентах пословицы и служащие для интенсификации оценочных значений: *Так что, почти не рискуя, можно предположить, что сильные команды будут предпочитать **эффективную** синицу **эффектному** журавлю* (Верните Платини! / lenta.ru, 2017); *Но не спешите что-нибудь менять под влиянием этих событий: велика вероятность, что вашей птицей удачи в ближайшие дни станет **ручная синица**, а вовсе не **мутный заоблачный журавль*** (Л. Саванская. Календарь любви и личных отношений // «Комсомольская правда», 2005) [3]. С ключевым компонентом *синица* употребляются, например, такие прилагательные и причастия, которые подчеркивают выгоду от выбора «синицы»: *солидная, жирная, большая, надежная, мирная*; свидетельствуют о ее доступности: *ручная, доступная, давшаяся в руки: Лучшие иметь **трудолюбую, но жирную** синицу в руках, чем тощего журавля фантазий в небе, – вот девиз, который планомерно начинает воплощать в жизнь поколение XXI* (Г. Ильичев. Отцы хотят, а дети не могут // Труд–7, 2008) [3]. И лишь в некоторых контекстах атрибутивные распространители придают пейоративную окраску образу *синицы*: *бедная, забитая, дохлая*. С ключевым компонентом *журавль* используются распространители для указания на недоступность, ирреальность желаемого: *иллюзорный, призрачный, заоблачный, мутный, дальний, туманный*: *«Помилуйте, – восклицает критик «Свободных мыслей», – над живыми всходами настоящего самозванные (это и есть самое страшное!) попы кадят могильным ладаном из своих кадил... во имя **туманного, словесного журавля** в невидимом бутафорском небе пустых фраз и отнимают то единственное, чем мы горды и богаты сейчас, то единственное революционное, что есть русская литература, и бунт ее сердец, и пламя, и гнев ее души и умов»* (В. В. Воровский. О «буржуазности» модернистов (1908)) [3]. В редких случаях определения при слове *журавль* используются для под-

черкивания заманчивости или удачности выбора журавля: *прекрасный, жирный: Зоя с лицом, напоминающим старую куртку из «жато-того» дерматина, столь модного лет двадцать назад, эдакая Зоя поймала жирного журавля в небе* (Д. Симонова. Половецкие пляски (2002)) [3].

Расширители пословицы могут быть и субстантивными, как правило, они используются для детализации обозначаемой паремиологической единицей ситуации: *А для коммерсантов синица в руках лучше журавля в небе* (Во всем мире // «Знание – сила», 2005) [3]. Часто конкретизация связывается с расшифровкой того или иного ключевого образа: *Лучше иметь синицу в руках, то есть депутатский статус, приличную зарплату и минимум напряжения, чем журавля в небе* (Д. Жуйков, О. Соколик. Украинские чиновники бегут с тонущего корабля // РБК Daily, 2006) [3].

В трансформах рассматриваемой нами пословицы наблюдается и замена компонентов. Например, компаратив *лучше* заменяется на близкие по значению компаративы *дороже, вернее, милее, надежнее*. Иногда замене на окказиональный вариант подвергается один из ключевых компонентов: *По мнению экспертов, южноуральская молодежь дистанцировалась от политики, взяв себе на вооружение принцип: лучше синица в руке, чем политик в небе* (Итоговый выпуск. Челябинск // Новый регион 2, 2005) [3]. Мы наблюдаем также случаи замены обоих ключевых компонентов пословицы при сохранении ее структуры и абстрагированной от образных репрезентаций семантики. Чешский фразеолог М. Доброва говорит в этом случае об особом приеме трансформации – образовании окказионального фразеологизма по модели узуального [7, с. 88]: – *Лучше несколько «Золотых Овнов» в руке, чем один «Оскар» в небе, – пошутил президент телеканала ТВЦ Олег Попцов...* (Л. Павлючик, Победный полет «Кукушки»// Труд–7, 2002) [3].

Еще одним приемом креативного использования пословичных единиц является перефразирование. Пользователь паремии намеренно разрушает ее синтаксическую структуру, в более или менее полном объеме передавая ее содержание [8]. Это делается для достижения различных стилистических эффектов: выражения значения неожиданности, придания контексту комичности, для передачи разного рода чувств и отношений пользователя паремии к ситуации выбора: *Радует не журавль в небе, а синица в руках* (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)); *Не гонись за журавлем в небе, а бери синицу – только в руки* (Л. И. Шестов. Достоевский и Ницше (1903)); *Не стоит упускать синицу, которую уже держите в руках, ради призрачного*

журавля в небе (Позаботьтесь о хорошей компании // Известия, 2004) [3]. Иногда разрушается и перефразируется только одна часть паремиологической единицы. В результате перефразирования пословица из рекомендации, совета может превратиться, например, в определение, служащее для авторской характеристики человека и его отношения к определенному положению вещей: *Как видишь, Джесси, делается это весьма просто и, надо думать, не за дорогую цену, так как русские корреспонденты, по крайней мере те из них, которые не гонятся за журавлем в небе, довольны и синицей в руках* (К. М. Станюкович. Письма «Знатного иностранца» (1897)) [3].

К структурно-семантическим преобразованиям относится и усечение одной из структурных частей пословицы при неизменности другой части. Опускается, как правило, постпозитивная часть, вследствие ее меньшей семантической значимости: *Но в ответ на предложение создать, к примеру, унитарное торгово-закупочное предприятие для торговли с северными городами ... глава администрации резонно замечает, что нынешняя система финансирования к этому не стимулирует, поскольку на сумму заработанных в бюджет денег будет урезана величина дотации. Лучшие уж синица в руке* (Л. Иванов. Медвежий угол // Труд – 7, 2002) [3]. Из 14 случаев только в одном наблюдается редукция препозитивной части паремиологической единицы: – *Скажи, какая королева!.. Чем журавль в небе... слыхала? А это еще слыхала: хоть из глинки, да мужчинка? А чем не парень?* (Ф. Абрамов. Братья и сестры (1958)) [3].

Одним из частых приемов преобразования рассматриваемой нами пословицы является сокращение ее состава до отдельного компонента / компонентов. Специфика функционирования пословичных знаков, редуцированных до ключевого слова / слов становилась уже предметом исследования во многих работах [8; 9; 10; 11; 12 и др.].

Вычлененные из состава пословицы компоненты при употреблении в речи могут сопровождаться различными метаоператорами – сигналами присутствия паремиологической единицы в тексте [11, с. 54]: *поговорка о, вариации на тему, это как, классический случай* и др.: «*Это классический случай синицы в руках, журавля в небе, – считает аналитик Forrester Research Джули Аск. – Snapchat, должно быть, верит, что журавль в небе – лучше*» (В. Павлов. Snapchat испугалась, что задешево продается Facebook // РБК Дейли, 2013); *Он сразу, вспомнив поговорку о синице в руках и журавле в небе, заявил, что мы, конечно, вправе вести «поисковые» работы, какими бы фантастическими они ни были, но только – без какого-либо*

ущерба для классического изделия (А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)) [3].

Рассматриваемая нами поговорка при редукции представлена, как правило, двумя ключевыми компонентами – синица и журавль, используемыми для обозначения альтернатив: *Таким образом можно вычислить, какие у тебя, в общем-то, жизненные предпочтения. Либо ты стремишься достичь чего-то большего – высматриваешь журавля в небе, либо тебе хорошо с синичкой в руках, когда все тихо, спокойно и уютно.* (А. Вовк. Про миллион желаний и одну мечту // Комсомольская правда, 2013) [3]. При редукции значение ключевых компонентов не меняется, но может меняться отношение человека к ценности, передаваемой ключевым компонентом. Отношение человека к выбору в пользу синицы (=реального, малого) может быть передано при помощи глагола *предпочитать* (25 случаев): *Отстававший от лидера на пол-очка Виши не стал испытывать судьбу и ставить на попа свое турнирное положение, и победному журавлю в небе предпочел мирную синицу в руках* (Я. Дамский. Победы чужим оружием. // Советский спорт, 2005) [3]. Употребляются также такие глаголы и выражения, как *требовать, больше ценить, (резонно) решить, редкий (человек) откажется от, выбирать (для себя), решить остановиться на, рассудить, посчитать, исходить из того, что, руководствоваться принципом, предпочесть не рисковать и получить, хотеть, довольствоваться*. Эти языковые единицы используются для выражения разной степени уверенности в принятии решения и разного отношения к выбору. Иногда выбор в пользу синицы в руке сродни обреченности, согласию плыть по течению и уже ничего не менять в сложившихся обстоятельствах: *Подсознательно человек уверен, что он уже всего в этой жизни добился, и на сегодняшний день ограничивает свой уровень притязаний, довольствуясь синицей в руке* (квадраты Вартегга // «Психология на каждый день», 2011) [3].

В некоторых контекстах мы находим описание того, как человек приходит к решению выбрать именно синицу в руке, а не журавля в небе: *От этого сообщения голова Вайнгартена В. А. пошла кругом, и он тем не менее сообразил, что такое директорство, во-первых, пока еще журавль в небе, а когда и если превратится в синицу в руках, то, во-вторых, вышибет Вайнгартена В. А. из творческой работы по крайней мере года на полтора, а то и на два. В то время как нобелевка, отцы, это нобелевка* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974)); *«Дается» карьера – грех не «взять», а если «не дается», то может быть, это к лучшему? Журавль в небе – птица, конечно, красивая. Но прокормит и оденет*

вас не он, а маленькая синичка в руках (А. Шубин. Путь к благополучию (2000)) [3]. Как видим, и в таких окказиональных вариантах использования пословицы реализуется ее значение – ‘реальная польза важнее, чем абстрактный престиж’ [13, с. 40].

Есть и такие контексты, в которых не выражается категорический отказ от журавля (= бóльших амбиций), правда, при подчеркнутой уверенности в том, что синица (= настоящее положение дел, сложившаяся на сегодняшний день более или менее стабильная ситуация) останется в руках (= не поменяется в худшую сторону): *Иными словами, сторонники этого направления были не против журавля в небе и даже не против того, чтобы его поймать. Но выпустить синицу из рук категорически не хотели, боялись* (А. Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)) [3]. С другой стороны, если синица уже точно в руках, можно допустить и возможность попытки поймать журавля, т. е. осуществить какое-то желание, исполнение которого казалось таким далеким и нереальным делом: *Считайте, синицу мы уже поймали, она у нас в руках, вернее, мы ее уже посадили в клетку. И она никуда не улетит. Так почему бы нам не попробовать поймать журавля?* (Д. Цаплин. С. Светлов: «Атлант» очень хорошо играет против СКА // Советский спорт, 2013) [3]. *Журавль* порой олицетворяет что-то более выгодное, что лучше не терять, или мечту, отказ от которой равноценен если не предательству самого себя, то признаку неудачника: *Так и умрут с синицей в руках и никогда не увидят ни журавлей, ни небес, ибо дважды – согласно предвечному закону Судьбы – «награда» не дается, а права первородства они променяли при жизни на синицу* (Л. Шестов. На весах Иова (1929)) [3].

Среди приемов трансформаций исследуемой нами пословицы встречается и контаминация – это объединение в тексте структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного тождества или функциональной и семантической близости. Это прием, по мнению Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, «соответствует духу нашего времени – духу смешения стилей» [7, с. 83]. Такое объединение не только повышает экспрессивность, но и создает некоторую карнавальность: *А премьерство – это солидная жирная синица в руках, способная в текущем режиме нести небольшие, но довольно-таки золотые яйца* (Михаил Леонтьев. От редакции // «Однако», 2010) [3].

Итак, анализ материалов НКРЯ показал, что пословица *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* характеризуется высокой степенью востребованности как в художественных, так и публицистических текстах. В большинстве случаев она употребляется в трансформированном виде. Пользователи пословицы активно обращаются к следующим приемам

трансформирования: расширение компонентного состава, замена компонентов, перефразирование, редукция, контаминация. Нередки комплексные трансформации паремиологической единицы.

В основе пословицы *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* лежит предпочтение реального потенциальному, однако отношение к такому предпочтению у носителей русской культуры вариативно. Стремление освободиться от бремени обыденности, осуществить мечту, добиться более высоких результатов так же свойственно человеку, как и желание предпочесть реальное потенциальному. Вместе с тем несогласие с содержанием паремии *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* наблюдается значительно реже, чем согласие.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Язык русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Paszolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paszolay. – Hobart, Tasmania : De Proverbio.com, 2002. – 527 p.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 17.10.2020.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
5. Белецкая, А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Ю. Белецкая. – Самара, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/poslovitsa-kak-pretседentnaya-edinitisa-v-argumentativnom-diskurse>. – Дата доступа : 20.10.2020.
6. Аверина, С. Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. Н. Аверина ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 159 с.
7. Доброва, М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект / М. Доброва. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. – 282 с.
8. Наймушина, Т. А. Пословицы и поговорки в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Наймушина; Ленинг. Орд. Лен. и Орд. Красн.Знам. ун.-т им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/poslovitsy-i-pogovorki-v-khudozhestvennom-tekste>. – Дата доступа : 21.10.2020.
9. Мелерович, А. М. Фразеологизмы русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : «Русские словари», 1997. – 864 с.
10. Nováková, M. All that glitters on the newspapers is not proverb. Worked on the basis of the material from the Czech National Corpus / M. Nováková // Europhras'97. Phraseology and Paremiology. – Bratislava : Akademia PZ, 1998. – С. 250–256.

11. Гомонова, И. Г. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий / И. Г. Гомонова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1(106). – С. 54–58.

12. Ничипорчик, Е. В. Воспроизводимое и вариативное в текстовых реализациях паремий / Е. В. Ничипорчик // *Frazeologia a Reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej. Problemy – Metody – Opis. Volume six.* – Białystok : University of Białystok publishing house, 2020. – С. 65–87.

13. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст); под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : «Наука», 1978. – С. 35–53.

This paper deals with the use of the proverb “A bird in the hand is worth two in the bush” in literary and non-fictional texts. The focus of analysis is on semantic and structural transformations of the proverb in connection to the speech purposes.

Keywords: proverb, paremiologicitem, preference, context, transformation, key element.

УДК 811.161.1'42'373:398.91(=161.1)

А. Н. Скалаух, И. С. Лотова

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДУРАК»: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ПАРЕМИЙ К АНТИПОСЛОВИЦАМ

В данной статье рассматривается популярный для русской культуры концепт «дурак». Выделяются характерные особенности концептуально-го поля слова, их связь с менталитетом русского народа и русской языковой картиной мира. Выявляется трансформация традиционного восприятия концепта в антипословицах.

Ключевые слова: концепт, дурак, паремии, антипословицы, менталитет, абсурд, трансформация.

Понятие «дурак» весьма распространено как в современной языковой картине мира, так и в древних памятниках литературы. Однако исследователи [1] отмечают, что популярность оно обрело начиная с XVII века. Если обратиться к этимологии данного слова, то, согласно словарю Г. А. Крылова, оно образовано от древнерусского прилагательного *дурый* – ‘глупый’, которое является словом индоевропейской природы (в греческом *thouros* – ‘дикий’, в древнепрусском

durai – ‘дико’) [2]. Параллельно с ним функционировало слово *глупец*, которое связано со словом *глумиться* (‘пустословить’). И если слово *глупец* было, скорее, связано с тематикой скоморошества, шутовства, то слово *дурак* входит в лексическое поле «сумасшествие, отсутствие ума». После XVII века эти понятия становятся синонимичными. Именно эта амбивалентная природа слова формирует различные реализации концепта «Дурак» в лингвофольклорных единицах, таких как паремии (в традиционной культуре) и антипословицы (в современной языковой картине мира).

«Концептуальную заряженность» [3] слова *дурак* исследовали разные авторы. Е. В. Бусурина отмечает его неразрывную связь с национальной русской культурой и считает значимой лингвокультуремой, в основе содержания которой лежит «значение отступления от нормы» [4]. Такое же смысловое ядро (‘несоответствующий норме’) выявляет М. Н. Черкасова. Она же подчеркивает многослойность концепта при рассмотрении с обыденной, мифологической и научной точек зрения и его способность к трансформации – «дурак-перевертыш» [3]. Этот феномен подробно описал А. Д. Синявский, отметив, что в начале любой сказки «дурак занимает самую нижнюю ступень на социальной и, вообще, на оценочно-человеческой лестнице», с середины повествования «ему вдруг начинает крупно везти, и он становится необыкновенно удачливым человеком <...> потому, что продолжает совершать самые дурацкие поступки». Более того, Синявский видит сходство «философии» дурака чуть ли не с Сократовским «Я знаю, что ничего не знаю», но подчеркивает, что никакой философии у Дурака нет – это своеобразная «восприимчивая пассивность <...> в ожидании, когда истина придет и объявится сама собою, без усилий» [5, с. 37–48]. В. А. Маслова рассматривает лексему *дурак* с точки зрения когнитивной лингвистики и выделяет ее типовые культурно-национальные интерпретации: «ситуативно выгодная роль», «ситуативно невыгодная роль», «нестандартный человек», «эталон глупости», «препятствие к достижению цели» [6].

Как отмечено выше, концептуальное поле слова *дурак* сложилось на основе разных тематических пластов, его психологического, культурологического и нравственного осмысления русским народом, поэтому выступает в различных функциях в пословицах и антипословицах.

Если говорить о слове *дурак* в прямом значении, как о человеке неумном, сумасшедшем (функция глупца, невезучего человека), то здесь наиболее полно воплощается связь этого концепта с концептом «Ум»: *отпетый дурак, круглый дурак, дурак набитый, беспросветный дурак, валять дурака* и т. д. В русском менталитете популярна

библейская мысль о том, что «во многом знании много печали», человек же, не обремененный интеллектом, живет легче и получает многие вещи случайно и без усилий, то есть чудом (функция везучего человека). Такую парадигму мы наблюдаем в первую очередь в русских народных сказках, где Иванушка-дурачок – «наивный, непрактичный, крайне доверчивый, но справедливый <...> и выходит победителем из своих злоключений благодаря доброму сердцу» [7, с. 273]. Большинство паремий отражает именно это объяснение концепта: *Дуракам всегда везет, Дураку везде счастье, Бог дураков любит, Везет дуракам и пьяницам, Дуракам закон не писан* [8].

Еще одна функция дурака – шутовство, дуракаваляние – в культуре разных стран связывается со свободой, импульсивностью, творчеством. Если вспомнить традиционные карты таро, то в колоде можно обнаружить карту «Дурак» (или «Шут»), которая сочетает в себе как положительные черты (любопытность, мудрость, свободу от предрассудков), так и отрицательные (ненадежность, безответственность, легкомыслие). И в фольклорной, и в литературной традиции дурак, шут выступает как носитель правды, не боящийся её высказать, порой в абсурдном виде. Ю. С. Степанов в книге «Константы: словарь русской культуры» дает такое определение: «Абсурд – нелепость, бессмыслица, имеющая место в голове, в сознании». Однако абсурд, по Ю. С. Степанову, – это некая «превращенная форма смысла», порой эвфемизм [9, с. 938]. Дурак в своих внешне бессмысленных, эвфемистических суждениях, тем не менее, всегда говорит правду, что иногда приводит его в немилость, но порой и дает чуть ли не безграничное влияние на господина; сравн. пословицы: *Глупый да малый всегда говорят правду; Дурацкий смех – не смех, а плач; В дураке и царь не волен*; в антипословицах – *«Говоришь несерьезно о серьезных вещах – и люди считают тебя дураком, Дураки учатся на своих ошибках, а умные – на чужих. Выходит, умные учатся у дураков?»* [10].

Подобную роль «шуттов» исполняли в культуре России поэты-«правдорубы». В строчке Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять» мы встречаем ещё одну реализацию «дурацкого» – абсурдность существования всей страны, государства. Когда дурак оказывается при власти, возникает целая «страна дураков» – «образная характеристика государства, в котором установлены абсурдные, противоречащие здравому смыслу порядки, действуют глупые законы» [7, с. 668]. В русском менталитете подобное нарушение порядка, противоречие здравому смыслу в жизненных реалиях воспринимается как само собой разумеющееся: *С дураком поневоле согрешишь; Свалка – дураков простор*. К тому же это явление становится заразным, возникновение

одного дурака где-либо тянет за собой появление других: *Дурак дурака видит издалека; Дурак дурака и хвалит; Дурак дураку рад*. Подобная социальная ориентация концепта активнее реализуется в антипословицах: *Дурь – это особая форма материи, которая не возникает ниоткуда и не исчезает никуда, а лишь переходит из одной головы в другую; На дорогах у нас не одни дураки, но еще и не дураки выпить; Ученье – свет, а неучёных тьма*.

В отличие от традиционных паремий, жанр антипословицы представляет собой некую трансформацию лингвокультурных клише, своеобразную интертекстуальную языковую игру. С точки зрения формы, А. В. Батулина выделяет два основных типа трансформации «классических» пословиц: изменение лексического состава компонентов и «скрещивание» двух или трёх паремий [11]. С точки зрения содержания, сочинители антипословиц доводят до абсурда веками складывавшиеся представления о разных вещах. В частности, функция глупца (в том числе во власти) в антипословицах модифицируется в функцию разрушителя. Обладая «особой силой» благодаря своей «невписанности в человеческий стандарт», в существующий порядок [6], дурак способен наносить значительный ущерб: *Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет; Заставь дурака богу молиться, он и бога зашибет; Вот пошлешь дурака за бутылкой, так он дурак, одну и принесет; Услужливый дурак опаснее врага; Инициативный дурак хуже вредителя; Кто опаснее дурака? Дурак с инициативой; Страшнее дурака дурак с инициативой; Дурак услужливый*.

Следует отметить, что авторы антипословиц, репрезентирующих концепт «Дурак», используя традиционные паремии как отправную точку для словотворчества, по большей части экспериментируют с формой, трансформируют привычную структуру, добиваясь комического эффекта. При этом содержательная сторона, как правило, не меняется. Традиционное понимание дурака как глупца, шута, везучего/невезучего человека, разрушителя и бездельника прослеживается и в пословицах, и в антипословицах.

Таким образом, функционирование концепта «Дурак» в паремиях и антипословицах демонстрирует устойчивость его осмысления сквозь призму русского менталитета и нравственных ценностей русского народа на протяжении многих веков. «Дурацкая» действительность оставляет широкий простор для деятельности дураков – людей, не желающих вписываться в общепринятые рамки. Да и постоянное сомнение в истинности окружающей действительности заставляет задуматься: а кто из нас не дурак? Как говорится, век живи, век учись – дураком помрешь.

Список использованных источников

1. Смагина, С. Явление Дурака : О дураках в русской культуре (историко-психологический анализ) [Электронный ресурс] / С. Смагина. – Режим доступа : <https://gald.livejournal.com/715.html>. – Дата доступа : 19.10.2020.
2. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост. Г. А. Крылов. – СПб. : Виктория плюс, 2004. – 432 с. – Режим доступа : <https://krylov.academic.ru/1031>. – Дата доступа : 19.10.2020.
3. Черкасова, М. Н. Дурак фольклорный vs. «дурак полный» : к интерпретации оскорбления [Электронный ресурс] / М. Н. Черкасова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – С. 98–108. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/durak-folklornyy-vs-durak-polnyy-k-interpretatsii-oskorbleniya>. – Дата доступа : 19.10.2020.
4. Бусурина, Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Е. В. Бусурина ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 22 с. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/lingvokulturema-durak-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira>. – Дата доступа : 19.10.2020.
5. Синявский, А. Д. Иван-дурак : Очерк рус. нар. веры / А. Д. Синявский. – М. : Аграф, 2001. – 463 с.
6. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – С. 154–163.
7. Шулежкова, С. Г. И жизнь, и слёзы, и любовь... : происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка / С. Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 846 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. – М. : Цитадель, 1998. – Т. 1. – С. 457–458.
9. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2 изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2001. – С. 937–947.
10. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа : словарь / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – С. 205–208.
11. Батулина, А. В. О лексикографическом представлении антипословиц в «Прикольном словаре» В. М. Мокиенко, Х. Вальтера [Электронный ресурс] / А. В. Батулина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – С. 214–217. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-leksikograficheskom-predstavlenii-antiposlovits-v-prikolnom-slovare-v-m-mokienko-h-valtera/viewer>. – Дата доступа : 19.10.2020.

This article discusses the popular concept of “fool” in Russian culture. Identifies typical features of the conceptual fields of this word, their relations with the Russian mentality and the Russian language picture of the world. Detects the transformation of the traditional perception of the concept in anti-proverbs.

Keywords: concept, fool, paroemias, anti-proverbs, mentality, absurdity, transformation.

В. Р. Слівец

**АНАМАСТЫЧНАЯ ПЕРЫФРАЗА
ЯК АДЗІНКА ДРУГАСНАЙ НАМІНАЦЫІ
(на моўным матэрыяле беларускай
мастацка-біяграфічнай прозы)**

У артыкуле на матэрыяле мовы беларускай мастацка-біяграфічнай прозы разглядаюцца анамастычныя перыфразы ў якасці асобых адзінак другаснай намінацыі. Вызначаецца роля прэцэдэнтных імёнаў як кампанентаў перыфразы ў адлюстраванні іх культуралагічнага патэнцыялу і этнамаркіраванай спецыфікі, што рэалізуюцца ў кантэксце літаратурна-мастацкіх твораў.

Ключавыя словы: анамастычная перыфраза, антрапонім, апелятыў, канатацыя, намінацыя, онім, прэцэдэнтнае імя.

Перыфраза як асобы тып устойлівых спалучэнняў здаўна прыцягвае ўвагу вучоных. Аднак і сёння гэта моўная (маўленчая) з'ява не мае ў лінгвістычнай навуцы адназначнага разумення. Яе вызначаюць і як апісальны выраз (Т. Быцева, Г. Малажай, В. Масквін, Л. Гукава, Л. Фаміна, К. Фядотава), і як мастацкі троп (В. Грыгор'еў, В. Калінкін, М. Фокіна), часам атаясамліваюць з фразеалагічнымі адзінкамі, метафарай і інш. Перыфраза характарызуецца разнастайнасцю ў сваіх семантычных, структурных і функцыянальных якасцях, а таму, відаць, і не існуе ў навукоўцаў адзінага погляду на яе прыроду, сутнасць і нават тэрміналагічнае вызначэнне: “функцыянальна яна збліжаецца з ампліфікацыяй (пашырэннем сінанімічнага раду намінацый), генетычна – з метафарай, метаніміяй, сінекдахай і г. д., іншымі словамі, з любой формай іншасказання” [1, с. 107].

Ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве як асобная лінгвістычная адзінка перыфраза стала разглядацца ў сярэдзіне ХХ ст. (дысертацыйнае даследаванне І. Ільіной “Перифраз и его стилистические функции в произведениях английской художественной литературы” (1954), навуковыя працы В. Уткінай і інш.). Значна ўзрасла навуковая цікавасць да гэтай з'явы ў 70-я гг. 20-га ст. Так, упершыню В. Грыгор'евым перыфраза пачынае даследавацца як лінгвістычная праблема – спосаб арганізацыі паэтычнага маўлення ў кантэксце адносін “слова – вобраз – дэнатат” [2]. Перыфразу як

“функцыянальна-семантычную адзінку маўлення”, якая займае прамежкавае становішча паміж словам, фразеалагічнай адзінкай і сінтаксічнай адзінкай, разглядала Л. Сінельнікава [3, с. 255–256] – аўтар кандыдацкай дысертацыі “Именная перифраза в языке современной советской поэзии (структурно-семантическая и стилистическая характеристика)” (1975).

Яшчэ раней – у 1971 г. – у айчыннай лінгвістыцы Г. Малажай было падрыхтавана і абаронена дысертацыйнае даследаванне “Перифраза ў беларускай літаратурнай мове: структурна-семантычная і стылістычная характарыстыка”, а ў 1974 г. выдадзены ўнікальны слоўнік “Беларуская перифраза”, у якім былі змешчаны індывідуальна-аўтарскія і ўжо стаўшыя традыцыйнымі апісальныя выразы, адабраныя аўтарам з твораў беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі. Працягам навукова-даследчай працы Г. Малажай па гэтай праблеме сталі таксама яе манаграфіі “Сучасная беларуская мова. Перифраза” (1980), “Сучасная беларуская мова: Слова. Перифраза. Фразеалагізм” (1992), прыхільна сустрэтыя многімі навукоўцамі (Н. Гаўрош, М. Каламіец, І. Лепешаў, Р. Шкраба, В. Шур і інш.). Увогуле, як адзначыла Л. Яўдошына, “многія з падрыхтаваных і выдадзеных даследчыцай кніг не маюць аналагаў у беларускім мовазнаўстве ці выдаваліся як першыя працы, што запаўнялі ў свой час (ды і цяпер таксама) пэўны вакуум у справе выкладання філалагічных дысцыплін” [4, с. 28]. Распрацаваныя Г. Малажай навуковы кірунак, падыходы і метады аналізу перыфраз, як заўважае В. Шур, “былі творча ўспрынятымі ўкраінскімі і расійскімі лінгвістамі, у прыватнасці, яны развіты і ўзбагачаны Данецкай лінгвістычнай школай”, атрымалі працяг у працах Ю. Бельчыкава, Ю. Караулава, В. Грыгор’ева, Я. Оціна, В. Калінкіна і інш. [5, с. 30]. А лексікаграфічнае апісанне перыфраз працягнулі М. Каламіец і Е. Рагушэўскі (“Краткий словарь перифраз” (Кіеў, 1985)), А. Новікаў (“Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)” (Масква, 2004)), В. Салаўёва (“Словарь именных перифраз (на материале языка средств массовой информации)” (Масква, 2014)). У навуковай манаграфіі Т. Быцэвай “Очерки по русской перифрастике” (Масква, 2004) таксама прадстаўлены пералік сучасных перыфрастычных спалучэнняў, які ўключае каля 1500 адзінак, найбольш ужывальных у публіцыстычным маўленні.

Паводле вызначэння Г. Малажай, перифраза – гэта “семантычна непадзельнае словазлучэнне (радзей сказ), якое ў працэсе маўлення называе прадметы, прыметы, дзеянні і адначасова характарызуе іх” [6, с. 10]. Параўн.: *Беларусь – ардэнаносная дачка многаплямённая сям’і; зямля Заслонава, Купалы; край блакітных азёр; радзіма*

Скарыны; сінявокая радзіма; Купала Я. – вялікіх песень маг і сэрцаў валадар; песнапеўца вялікіх часін пералому [7]. Большасць даследчыкаў вызначаюць перыфразу як адзінку *другаснай намінацыі* і сярод асноўных яе прыкмет вылучаюць *устойлівасць і семантычную непадзельнасць канструкцыі, узнаўляльнасць і экспрэсіўна-ацэначны характар*. Аднак некаторыя лінгвісты (В. Грыгор’еў, В. Калінкін і інш.) абавязковай таксама лічаць наяўнасць у перыфрастычных зваротах *іншасказальнасці і вобразнасці* [1, с. 111; 8, с. 190], што дазваляе такія апісальныя выразы, стаўшыя вынікам аўтарскага, індывідуальна-мастацкага бачання свету, разглядаць як “вобразныя сінонімы слова” [6, с. 21], “адзін з высока каштоўных паэтычных тропаў, якія ўзбагачаюць мову твора”, “надзвычай прывабны, асабліва ў паэзіі, сродак вобразнасці” [1, с. 107–109]. Таму, натуральна, што стылістычныя магчымасці і вобразна-выяўленчы патэнцыял перыфраз не былі абдызены ўвагай даследчыкаў. Так, перыфразы аналізаваліся ў творчасці Якуба Коласа (С. Махонь), Пімена Панчанкі (В. Барысенка), Максіма Танка (М. Каско), Уладзіміра Верамейчыка (В. Шур), анамастычныя перыфразы ў творах Францішка Багушэвіча і Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча разглядала Г. Юдзянкова.

Аднак, нягледзячы на тое, што ў сучаснай філалогіі ўжо існуе нямала прац, прысвечаных гэтай праблеме, лінгвістычны аналіз перыфрастычных спалучэнняў застаецца актуальным. Так, актыўна распрацоўваецца тэорыя *анамастычнай (онімнай) перыфразы*, у вытокаў якой, як лічыцца, стаіць В. Калінкін (Данецкая аномастычная школа), хаця да аналізу гэтых адзінак у розныя часы звярталіся і іншыя навукоўцы (С. Макарава, М. Марозаў, К. Фядотава). Паводле поглядаў гэтага лінгвіста, *анамастычнымі з’яўляюцца перыфразы, тым ці іншым чынам звязаныя з уласнымі імёнамі, а галоўная іх асаблівасць – намінацыйная накіраванасць*. На думку навукоўца, да іх можна адносіць толькі такі спосаб намінацыі (асобы, аб’екта, з’явы і г. д.), калі ўнутры выказвання прамая форма намінацыі адсутнічае, а намінатыўная канструкцыя, якая яе замяняе, уяўляе сабою мастацкі троп альбо з’яўляецца іншасказальнай, хаця б мінімальна [1, с. 109–111].

Аднак гэта сцвярджэнне не ўсе вучоныя-лінгвісты лічаць бяспрэчным. Напрыклад, К. Фядотава, аналізуючы онімныя перыфразы, прытрымліваецца больш шырокага іх разумення, падзяляючы такія адзінкі (з улікам адсутнасці ці наяўнасці аб’екта намінацыі) на самастойныя і залежныя (паводле класіфікацыі В. Масквіна) [9]. Беручы пад увагу спецыфіку тапанімічнай перыфразы, якая выступае гіпонімам у адносінах да аномастычнай, Л. Гукава і Л. Фаміна таксама не пагаджаюцца з прапанаваным

В. Калінкіным падыходам, паводле якога спалучэнні тыпу *Балтыйскія хвалі* – ‘Балтыйскае мора’, *Кагульскія воды* – ‘Кагул’ па сутнасці не з’яўляюцца перыфразамі, бо ў іх адмаўляецца магчымасць удзелу элементаў зыходнай намінацыі [10, с. 74].

І. Ратнікава падобныя апісальныя выразы, у структуры якіх вылучаюцца ўласныя (прэцэдэнтныя) імёны (*Моцарт у свеце фізікі* (аб Л. Ландау), *Асеція – гэта каўказская Еўропа*), кваліфікуе як анамастычную *метафару*, падкрэсліваючы спецыфічную здольнасць прэцэдэнтных онімаў выступаць у “непрамых”, канатацыйных значэннях [11]. Г. Юдзянкова (услед за Г. Малажай і І. Лепешавым) да перыфраз адносіць “назоўнікавыя словазлучэнні, якія з’яўляюцца кантэкстуальнымі сінонімамі агульнапрынятай назвы асобы, прадмета, з’явы і агульны сэнс якіх перадаецца адным словам (параўн.: *горад над Нёманам* – Гродна, *край Купалы* – Беларусь)” [12, с. 67]. У выпадку, калі сэнс падобнага выказвання можна перадаць толькі словазлучэннем, такую форму іншасказання варта разглядаць як разгорнутую метафару.

Адзначым, што ў нашым даследаванні да анамастычнай перыфразы мы адносім апісальныя выразы з прадметным значэннем, звязаныя з уласным імем і дыстантна размешчаныя ў адносінах да зыходнай намінацыі і асобы, аб’екта ці з’явы. Асноўнымі прыкметамі, якія дазваляюць адмежаваць анамастычныя перыфразы ад метафар, лічым праяўленне кантэкстуальнай сінаніміі і магчымасць дакладнай ідэнтыфікацыі аб’екта перыфрастычнай намінацыі. Заўважым, што ў слоўніку Г. Малажай “Беларуская перыфраза” больш за 11 % ад усіх прыведзеных апісальных выказаў можна кваліфікаваць як анамастычную перыфразу.

Згодна з агульнапрызнанай тыпалогіяй онімаў, прапанаванай Н. Падольскай (“Словарь русской ономастической терминологии”, 1978, 1988), ажыццёўлена і тыпалогія анамастычных перыфраз. У сувязі з тым, што ў большасці моў свету асноўнае месца ў анамастыконе належыць антрапонімам і тапонімам, найбольш распаўсюджанымі адпаведна з’яўляюцца атрапанімічныя і тапанімічныя перыфрастычныя спалучэнні.

Адабраныя намі з твораў мастацка-біяграфічнай, гісторыка-мастацкай і эсэістычнай прозы В. Карамазава, А. Лойкі, А. Мальдзіса і інш. аўтараў анамастычныя перыфразы, у склад якіх уваходзяць прэцэдэнтныя антрапонімы ці якія скіроўваюць да прэцэдэнтных імёнаў, з улікам канструктыўна-семантычнага ўдзелу онімаў і апеллятываў у іх фарміраванні былі аб’яднаны ў наступныя групы:

1) перыфразы, якія складаюцца з апеллятыва і бібліёніма і скіроўваюць да прэцэдэнтнага антрапоніма: *аўтар неўміручага*

“Вянка” – ‘Максім Багдановіч’, аўтар “Палескай хронікі” – ‘Іван Мележ’: *Аднак свая загадка не ў аднаго аўтара неўміручага “Вянка”* [13, с. 179]; *Пасля, калі ў Мінску расказаў я Івану Паўлавічу пра добрыя ўражанні, перадаваў яму прывітанні ад знаёмых і дарагіх людзей, ажно маладзеў аўтар “Палескай хронікі”:* *здаецца, у гэты міг ён быў сам зноў у родным Палессі* [14, с. 109]. Да гэтай групы адносім і перыфразу пясняр пяці лыжак заціркі – ‘Змітрок Бядуля’, нягледзячы на тое, што бібліёнём ў дадзеным кантэксте падаецца алюзійна: – *Пясняр пяці лыжак заціркі, проша, – сказаў ён Бядулю, маючы на ўвазе яго слаўтае дарэвалюцыйнае апавяданне “Пяць лыжак заціркі”* [15, с. 338];

2) перыфразы, якія не маюць у сваім складзе ўласных імёнаў, але скіроўваюць да прэцэдэнтнага антрапоніма: *вясковы лірнік, літоўскі лірнік, літоўскі салавей* – ‘Уладзіслаў Сыракомля’, *златавусты / златавуст найпершы сярод славянаў* – ‘Кірыла Тураўскі’, *пясняр беларускага сейбіта і ратая* – ‘Янка Купала’, *вялікі пралетарскі пісьменнік* – ‘Максім Горкі’: ...*У 1912 годзе Уладзіслаў Каратынскі, сын Вінцэся, апублікаваў гэты верш у газеце “Кур’ер Літэвскі” ў сувязі з 50-годдзем з дня смерці вясковага лірніка* [16, с. 477]; *Пясняр беларускага сейбіта і ратая не мог не спалучыць стальное і сейбіцка-сялянскае* [15, с. 472];

3) перыфразы, якія маюць у сваім складзе прэцэдэнтны антрапонім, але скіроўваюць да агульнага імя: *чалавек Маісеева веравызнання* – ‘яўрэй’: *Сёння ты ўжо другі чалавек Маісеева веравызнання, якога я нехаця абразіў* [16, с. 333];

4) перыфразы, якія складаюцца са спалучэння антрапоніма з агульным назоўнікам і скіроўваюць да пэўнага гістарычна і культурна значымага адрэзка часу, прадстаўніком якога з’яўляецца носьбіт прэцэдэнтнага імя: *часы Вітаўта, часы Ефрасінні Полацкай, час Скарыны, часы Івана Грознага, часы Асізскага*. Дадатковыя канатацыі, якія ўзнаўляюцца за кошт фонавых ведаў чытача, дазваляюць праз суаднясенне прэцэдэнтнага імя з пэўным храналагічным перыядам не толькі дакладна вызначыць яго часавыя межы, але і вылучыць спецыфічныя рысы – сацыяльна-палітычныя ўмовы, узровень культурнага развіцця і інш.

Напрыклад, *часы Вітаўта* – XIV ст. – ‘перыяд росквіту Вялікага Княства Літоўскага’ (параўн.: радкі з “Песні пра зубра” М. Гусоўскага: *Княжанне Вітаўта лічаць усе летапісцы / Росквітам княства Літоўскага, нашага краю, / І называюць той век залатым...*): *З часоў Вітаўта іх [мусульман] тут многа, палонных, асела* [16, с. 373]. Вітаўт – вялікі князь літоўскі (1392–1430 гг.). У выніку яго знешняй палітыкі, ваенных паходаў на Дон і Крым у 1397 і

1398 г., у прыватнасці, на тэрыторыі ВКЛ пасяліліся татары, якія цяпер з’яўляюцца асобнай этнічнай супольнасцю насельніцтва сучаснай Беларусі. *Часы Ефрасінні Полацкай* – XII ст., тут у значэнні ‘перыяд, калі кнігі перапісваліся ад рукі’: *І было тое ў часы Ефрасінні Полацкай, і было ў тры, чатыры стагоддзі пасля яе* [17, с. 31]. Паводле гістарыяграфіі жыцця Ефрасінні, асноўным кірункам яе асветніцкай дзейнасці было перапісванне і, магчыма, пераклад царкоўных кніг. *Час Скарыны* – XV – XVI стст. – ‘эпоха Адраджэння’: *Туды менавіта, дзе былі ў часе Скарыны веды, туды Скарына перш за ўсё імкнуўся, канчаючыся як чалавек сярэднявечны, пачынаючыся як адраджэнец* [17, с. 54]. Гэты перыяд, які прыйшоў на змену культуры Сярэднявечча і папярэднічаў культуры Новага часу, заснаваны на лепшых набытках антычнасці і хрысціянства. *Часы Івана Грознага* – XVI ст.: *Фердынанд паспяшаўся адчыніць дзверы: за парогам стаяў мужчына ў блішчастым футры, нібы святлом ад месяца аблітым, пад высокай, часоў Івана Грознага, шапкаю баярына з тым самым срэбным бляскам* [18, с. 82]. Высокі галаўны ўбор цыліндрычнай формы з аксамітным ці парчовым верхам быў арыбутам расійскай шляхты XV–XVII стст. *Часы Асізкага* – XIII ст. – ‘эпоха заснавання манаскага ордэна францысканцаў’: *І чуў Францішак полацкі, як пачынаючы яшчэ з часоў Асізкага, Пап Рымскіх пад знакам Яго Вялікасці Пенязя весела высмейвалі галіярдцы ў сваім Евангеллі, напісаным не ад імя евангеліста Марка, але ад Маркі Срэбнай?* [17, с. 52]. Так, святым Францыскам Асізскім (1181–1226) у 1208 г. быў заснаваны манаскі ордэн францысканцаў, асноўная мэта якога – прапаведванне ў народзе апостальскай беднасці і аскетызму;

5) перыфразы, якія складаюцца з субстантыва “мова” і прэцэдэнтнага антрапоніма і абазначаюць мову носбіта гэтага імя: *мова Купалы, мова Тараса Шаўчэнкі / мова Шаўчэнкі*. *Мова Купалы* – ‘беларуская мова’: *З’езд ішоў на мове Купалы* [15, с. 248]. Янка Купала (1882–1942) – класік беларускай літаратуры, Народны паэт БССР. *Мова Тараса Шаўчэнкі / мова Шаўчэнкі* – ‘украінская мова’: *І адразу, у той жа дзень, прысаромлены, загаварыў моваю Тараса Шаўчэнкі* [19, с. 41]; *Годзьку і я настараюся дагадзіць, вось толькі пабагацею, – гаварыў Сяргей Купалу, – і падпішу табе тады свой партрэт моваю Шаўчэнкі. Гарно будэ?* [15, с. 122]. Як вядома, Тарас Шаўчэнка (1814–1861) – украінскі пісьменнік і грамадскі дзеяч, заснавальнік новай украінскай літаратуры і нацыянальнай літаратурнай мовы;

6) перыфразы, якія маюць у сваім складзе тапонім, але скіроўваюць да прэцэдэнтнага антрапоніма: *мастацкі геній Барбізона* – ‘Каміль

Каро', найслаўнейшы вучоны муж з Полацка – 'Францыск Скарына', першы паэт Літвы – 'Уладзіслаў Сыракомля', святар слаўнага града Турава – 'Кірыла Тураўскі': *Калі, панове, дзеля пазнання мудрасці, ісціны, справядлівасці, добра і зла, то – са мной несумненна згодзіцца найслаўнейшы вучоны муж з Полацка, што гэта перад людствам, перад чалавекам – не праступак* [17, с. 104]; – *Па Сыракомлю, значыць. Зразумела, першы паэт Літвы, а мы хто?* [16, с. 326]. Як правіла, у падобных перыфразах тапонім апелюе да пэўных фактаў з біяграфіі вядомай асобы, прэцэдэнтнасць уласнага імя якой абумоўлівае зразумеласць агульнага сэнсу апісальнага выразу.

Асобную групу ўтвараюць перыфразы, якія маюць у сваім складзе агульны назоўнік і прэцэдэнтны антрапонім, але ўказваюць на тапонім (тыпу *вёска Максіма Гарэцкага, родны край Івана Мележа*). Аднак, як мы лічым, больш апраўдана разглядаць такія апісальныя выразы асобна – у шэрагу *тапанімічных перыфраз*.

Пераважная большасць анамастычных адзінак утрымлівае багаты культуралагічны патэнцыял, што асабліва выяўляецца ў прэцэдэнтных імёнах, якія нярэдка выступаюць у якасці пэўнага культурнага знака. Натуральна, што перыфразы, у склад якіх уваходзяць прэцэдэнтныя феномены, характарызуюцца наяўнасцю ўскладненай семантыкі і дадатковымі канатацыямі гісторыка-культурнага і сацыяльнага планаў і разлічаны на дасведчанага чытача, здольнага, дзякуючы сваёй багатай пазнавальнай кампетэнцыі, разгадаць апісальна-іншасказальную "загадку" аўтара. Паказальна, што сярод прааналізаваных перыфраз пераважаюць этнамаркіраваныя апісальныя выразы, зразумелыя для большасці прадстаўнікоў беларускай лінгвакультурнай супольнасці, аднак некаторыя з іх маюць індывідуальна-аўтарскі характар і могуць патрабаваць дадатковых каментарыяў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Калинин, В. М. Ономастическая перифраза как проблема поэтики собственных имён (на материале творчества А.С. Пушкина) / В. М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник: сб. науч. тр. / редкол.: Е. С. Отин (отв. ред.) [и др.]. – Донецк, 1998. – С. 107–129.
2. Григорьев, В. П. Слово – образ – денотат: К проблеме перифразы / В. П. Григорьев // Н. А. Некрасов и русская литература: тезисы докладов и сообщений межвузовской конференции. – Кострома, 1971. – С. 122–125.
3. Синельникова, Л. Н. К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы / Л. Н. Синельникова // Вопросы грамматического строя современного русского языка: сб. статей / редкол.: Н. Н. Прокопович (отв. ред.) [и др.]. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1974. – С. 255–261.

4. Яўдошына, Л. Слова пра настаўніцу: Да 80-годдзя з дня нараджэння Галіны Малажай / Л. Яўдошына // Роднае слова. – 2018. – № 3. – С. 27–29.
5. Шур, В. Імя прафесара Галіны Малажай у лінгвістыцы / В. Шур // Роднае слова. – 2018. – № 3. – С. 29–31.
6. Малажай, Г. М. Сучасная беларуская мова: Перыфраза / пад. рэд. Ф. М. Янкоўскага. – Мінск : Выш. школа, 1980. – 96 с.
7. Малажай, Г. М. Беларуская перыфраза : кароткі слоўнік / Г. М. Малажай; рэд. Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Вышэйшая школа, 1974. – 159 с.
8. Григорьев, В. П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979 – 343 с.
9. Федотова, К. С. Зависимые онимные перифразы в лирике Н. Гумилёва / К. С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11. – Ч. 1. – С. 160–162.
10. Гукова, Л. Н. Топонимическая перифраза: введение в проблему / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // Λογος όνομαστική. – 2006. – № 1. – С. 72–80.
11. Ратникова, И. Э. Ономастические единицы вне прямой референции в русском публицистическом тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / И. Э. Ратникова ; БГУ. – Минск, 2003. – 224 с.
12. Юдзянкова, Г. В. Антрапанімікон мовы твораў мастацкай літаратуры Беларусі XIX стагоддзя: функцыянальна-стылістычны аспект : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Г. В. Юдзянкова ; МДПУ імя І. П. Шамякіна, Мазыр, 2013. – 172 с.
13. Марціновіч, А. А. Брама, адчыненая ў вечнасць: дзесям пра Максіма Гарэцкага: нарысы / А. А. Марціновіч. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 206 с.
14. Барадулін, Р. Парастак радка, галінка верша : Артыкулы, эсэ / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 351 с.
15. Лойка, А. Як агонь, як вада...: Раман-эсэ пра Янку Купалу / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 486 с.
16. Мальдзіс, А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень пасярод вясны: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / А. В. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 479 с.
17. Лойка, А. Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае : Раман-эсэ / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 366 с.
18. Карамазаў, В. Пад крыжам: кніга прозы / В. Карамазаў. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 144 с.
19. Карамазаў, В. Брама : аповесць / В. Карамазаў. – Мінск : Кнігазбор, 2006. – 128 с.

The article uses the linguistic material from Belarusian art-biographical prose to consider onomastic periphrases as a special units of the secondary nomination. The role of precedent names as components of periphrasis in the reflection of their cultural potential and ethnomarked specificity, which are realized in the context of literary and artistic works, is determined.

Keywords: onomastic periphrases, anthroponym, appellation, connotation, nomination, onym, precedent name.

Е. С. Солонец

**ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЕ
СОЧЕТАНИЕ В ЮБКЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

В статье анализируются дискурсивные реализации лексикализованного предложно-падежного сочетания «в юбке». Определяются парадигматические связи лексикализованного предложно-падежного сочетания в системе языка, а также его синтагматические и прагматические характеристики в речи. Осуществляется семантическая классификация существительных, сочетающихся с лексикализованной единицей «в юбке» в художественных текстах. Выявляются окказиональные употребления лексикализованного сочетания.

Ключевые слова: лексикализованное предложно-падежное сочетание, лексикализованная единица, фразеологизм, сочетаемость, существительное, гендерный стереотип, оценка.

В современной лингвистике на первый план выходит исследование фактов языка с точки зрения их функционирования. Признана необходимость не только исследовать формальную сущность языковых единиц, синтаксических построений разного характера, но и выявлять, каково место их в системе языка, как и для чего они используются в речи.

Русская художественная литература в этом смысле – отражение подлинной русской речи, собрание ситуаций русского общения. Писатель не выдумывает свой язык, он лучшим образом использует национальный язык.

Объектом анализа в данной статье является лексикализованное предложно-падежное сочетание *в юбке*. Предмет изучения составляет функционирование этой языковой единицы в русской художественной литературе.

Статус языковых единиц, образованных путем «застывания» одной из падежных форм существительного в сочетании с предлогом, до сих пор вызывает немало споров. Исследователи М. Копотев и Т. Стексова считают, что грамматикализованные единицы (лексикализация рассматривается частным случаем грамматикализации) представляют область переходных явлений: «Общепринятыми лексическими и грамматическими единицами языка являются: слово – слово-

сочетание – предложение. Переходные единицы в данной классификации находятся на месте тире» [1, с. 3].

Переходный статус лексикализованного сочетания *в юбке* обнаруживает себя при обращении к его фиксациям в словарях. Это сочетание фиксируется и в толковых словарях (в вокабуле «юбка»), и во фразеологических словарях.

В словаре Д. Н. Ушакова значение сочетания *в юбке* определяется так: ‘в женском облике (обычно равнозначно слову «женщина» в приложении к слову, обозначающему какую-н. профессию, род занятий, из числа считавшихся в буржуазном обществе исключительной или преимущественной принадлежностью мужчины)’: *профессор в юбке (т. е. женщина-профессор)* [2].

Как видим, в толковом словаре определяется и семантика, и сочетаемость лексикализованной единицы *в юбке*. Во фразеологических словарях конкретизация сочетаемости лексикализованной единицы *в юбке* отсутствует.

А. И. Федоров определяет семантику лексикализованной единицы *в юбке* следующим образом: ‘о женщине, которая занимается каким-либо мужским делом’. – *Ты ораторствуешь, как истинный философ в юбке* (П. Невежин. Друзья детства) [3]. Аналогичное определение находим и в «Большом словаре русских поговорок» под редакцией В. М. Мокиенко: ‘о женщине, которая занимается каким-л. мужским делом, напоминает по поступкам какого-л. мужчину’ [4].

Предложно-падежное сочетание *в юбке* входит в состав фразеологических единиц *мужик в юбке*, *сатана в юбке*. Фразеологизм *мужик в юбке*, по данным словаря А. И. Федорова, реализуется в значении ‘женщина, выполняющая мужскую работу’. – *Клавдия Егоровна всю войну проработала на железной дороге... Паровозы углем грузила, эшелоны с эвакуированными заводами разгружала. Была как все. В войну-то ведь все женщины были мужиками в юбках больше, чем женщинами* (Н. Чупров. Кланяюсь до земли) [3]. Аналогично определение семантики данного сочетания и в словаре под редакцией В. М. Мокиенко. Семантика сочетания *сатана в юбке* в словаре А. И. Федорова определяется следующим образом: ‘о неприятной женщине, раздражающей непоседливостью, болтливостью и т. п.’. – *Хорошо, если жена попадетя не дьяволица, ну а ежели сатана в юбке? Ежели такая, что по целым дням стрекозит да зудит?* (А. П. Чехов. Дипломат (1884–1885)) [3].

Данные устойчивые выражения востребованы носителями русского языка и характеризуются далеко не единичными вхождением в НКРЯ. К примеру, сочетание *мужик в юбке* фиксируется в художественных

текстах НКРЯ 20 раз: *Правда, Надежда Филаретовна казалась ему не такой: она была прямая, решительная, твердая в слове, недаром же деловой мир величал ее «мужик в юбке»* (Ю. М. Нагибин. Как был куплен лес (1972–1977)) [5]; *Ведь ты сама меня с ней свела! Это же не женщина, а мужик в юбке... И чем я к ней хуже, тем она... Ну, ты понимаешь!* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)) [5]. Сочетание *сатана в юбке* встречается в четырех контекстах: *Пожалуй, и он, по примеру всемирных гениев, закабалит свою нежную, восприимчивую душу какому-нибудь сатане в юбке* (Т. Шевченко. Художник (1856)) [5]; *Какой-то сатана в юбке или – чтобы быть вежливым с дамами, так как она хоть и прирезала Ревизанова, а все же дама, – скажем: Азраил, ангел смерти, в модной шляпке под вуалем...* (А. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882–1893)) [5].

В соединении с иными именами существительными лексикализованная единица *в юбке* не образует устойчивых сочетаний. «Случайная» синтаксическая сочетаемость не отражает типичные женские образы в «не-женском» социальном и морально-этическом предназначении и не приводит к рождению нового фразеологизма. В то же время сама схема «имя лица мужского пола + *в юбке*» (с вариативностью первого субстантивного компонента) закрепились в сознании носителей языка и стала когнитивной моделью, функционирование которой связано с отражением в языке гендерных стереотипов.

Интересно выяснить, какие языковые средства, в частности имена существительные, используются для выражения оценки в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке* и всегда ли актуальным, формально выраженным является маскулинный признак в ключевом оценочном слове.

Наблюдения показали, что существительные, употребленные в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке*, могут быть как нарицательными, так и собственными.

Среди нарицательных существительных самыми многочисленными являются названия лиц по роду деятельности, профессии, занятиям, политическим убеждениям (*философ, министр торговли, секретарь, дипломат, астролог, профессор, жандарм, шпион, палач, революционер*). В сочетании с лексикализованной единицей *в юбке* данные существительные образуют комплексные номинативные единицы с отрицательной оценочной коннотацией.

К примеру, выражение *шпионы в юбке* в романе И. И. Лажечникова характеризуется негативной коннотацией, так как используется для обозначения женщин, склонных наушничать, доносить на других людей, сплетничать: *Обо всем, что делалось в ее от-*

существо, знала Четкина от своих **шпионов в юбке**, которые, с приездом ее в имение, тотчас рапортовали ей со всею подробностью... (И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие (1856)) [5].

Сарказмом наполнены слова В. В. Крестовского, называющего приятельниц одной из героинь своего романа *дипломатами в юбке*. В данном случае автор высмеивает женщин, которые считают себя влиятельными лицами в обществе, имеющими право на осуждение поступков других людей: *Около ее постели сидели т-те Шипонина со старшей грацией, сорокалетнюю девою, баронесса Дункельт и еще два-три **дипломата в юбках** – особы все веские, досточтимые, авторитетные и вообще очень компетентные в делах мира сего...* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Части 1–3 (1864)) [5].

Герой романа А. П. Чехова «Медведь» невысокого мнения об интеллектуальных способностях женщин в целом и отзывается о них следующим образом: *Я не говорю о присутствующих, но все женщины, от мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вот этой штуки (хлопает себя по лбу), то, извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед!* (А. П. Чехов. Медведь (1888)) [5].

Райский, герой романа «Обрыв», испытывая мучительное чувство любви к Вере, называет ее *палачом в юбке*. Данное выражение адресовано женщине очень жестокой и используется для интенсификации признака, названного в мотивирующей основе: – *Не подозревает, какое злое дело делает она со мной! **Палач в юбке!** – сквозь зубы шипел он* (И. А. Гончаров. Обрыв (1869)) [5].

Среди нарицательных существительных, фиксируемых в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке*, встречаются также наименования воинских званий: *фельдфебель, гренадер*. В этой группе следует рассматривать и сочетание *солдафон в юбке*. Так, женщину, которая любит дисциплину и держит окружающих в ежовых рукавицах, А. В. Амфитеатров называет *фельдфебелем в юбке*: *Между тем, Марья Ивановна не только на собственном опыте, но и по общей приглядке не замедлила убедиться, что экономка, по существу, баба совсем не злая, а лишь очень исполнительный и старательный **фельдфебель в юбке**. Приняла присягу муштровать команду в дисциплине ежовых рукавиц...* (А. В. Амфитеатров. Марья Лусьева (1903–1927)) [5].

К. М. Станюкевич, указывая на физические особенности героини Вареньки, называет ее *гренадером в юбке*, а герой В. М. Шукшина Солодовников за практичный склад ума называет главврача Анну Афанасьевну *солдафоном в юбке*: «*О двух он головах, что ли!*» – подумала Варенька и, взбешенная, явилась в кабинет и задала мужу настоящий «бенефис», как называл Андрей Михайлович особенно бурные сцены, участвовавшие по мере того, как профессор старел, а профессорша, несмотря на свои сорок пять лет, еще молодилась и, похожая на *гренадера в юбке*, здоровая и монументальная, хотела осень своей жизни превратить в весну (К. М. Станюкович. Жрецы (1897)) [5]; *Поэтому и опоздал.* – Солодовников обиделся на главврача: *солдафон в юбке, одно листовое железо в голове* (Василий Шукшин. Шире шаг, маэстро! (1970)) [5].

Весьма обширную группу нарицательных существительных составляют наименования лица как носителя тех или иных качественно характеризующих свойств, а также наименования лица по статусу в межличностных отношениях: *злодей, шут гороховый, мудрец, изверг, сорвиголова, товарищ, друг, крестный отец.*

Сложно определить, является ли выражение *злодей в юбке* в романе «Коронованный рыцарь» отрицательно маркированным или нет, потому что персонаж, которому эта характеристика принадлежит, отрицательный – и тем не менее у автора этих слов данный персонаж вызывает симпатию: *И странное дело, очаровательная женственность этого «злодея в юбке», как называл ее сам граф Свенторжецкий еще после визита, во время которого она с таким дьявольским спокойствием подписала смертный приговор Зинаиды Владимировны Похвисневой, смягчала ужас ее преступности, облекала самое задуманное ею злодеяние в почти привлекательную форму* (Н. Э. Гейнце. Коронованный рыцарь (1898)) [5].

Совсем иной смысл, нежели в романе Ю. М. Нагибина «Моя золотая теща», имеет образ шута в романе М. Агеева «Роман с кокаином». Если в романе Ю. М. Нагибина образ героини, играющей в обществе роль шута, является комическим, то в произведении «Роман с кокаином» – это совсем иной, трагический образ. Главный герой, мальчик Вадим, стыдится своей матери, смеется над нею вместе со своими одноклассниками: *На дворе, где ко мне подошли несколько товарищей и один спросил, – что это за шут гороховый в юбке, с которым я только что беседовал, – я, весело смеясь, ответил, что это обнищавшая гувернантка, что пришла она ко мне с письменными рекомендациями и что если угодно, то я с ней познакомлю:*

они смогут за ней не без успеха поухаживать (М. Агеев. Роман с кокаином (1934)) [5].

Главный герой романа «На рубеже двух столетий» называет Анну Павловну *крестным отцом в юбке*, замечая во внешности, поведении героини черты, присущие ее супругу Усову: *И такую же крупной, умной, шумной, массивной, всегда независимой казалась жена его, Анна Павловна, которая по смерти моего крестного отца унаследовала его функции; я крепко потом привязался к крестному отцу в юбке...* (Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)) [5].

Имена собственные, которые фиксируются в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке*, являются, как правило, именами персонажей других художественных произведений, именами реальных исторических лиц, употребленных в нарицательном значении. Среди имен художественных персонажей встретились следующие: *король Лир, Фамусов, Отелло, Дон Хуан, Печорин, Карло, Раскольников, Гобсек, Нат Пинкертон*.

Отождествляя женщину с персонажем художественного произведения, автор стремится подчеркнуть ту или иную, чаще отрицательную, доминантную черту в характере героини: властность, глупость, любвеобильность, жадность и др.

Характеризуя свою героиню как женщину, «любящую разбивать сердца», Ю. Домбровский называет ее *Печориным в юбке: Вот Ренева хвастается, что она любит разбивать сердца и жизни, – скажи, откуда это у нее? Что это за Печорин в юбке?* (Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951–1956)) [5].

В женщине «широкого размаха» А. Белый видит Раскольникова: *Петровский мне шепчет: «Наташа – смотри: удивительная по размаху; Раскольников в юбке!»* (А. Белый. Начало века (1930)) [5].

Женщину жадную Александра Маринина называет *Гобсеком в юбке*, а женщину, которая любит выводить на чистую воду того, кто обманывает, – *Натом Пинкертоном в юбке: Жадная она – спасу нет. Прямо Гобсек в юбке*. (А. Маринина. Не мешайте палачу (1996)) [5]; – *Да что вы можете рассказать, Нат Пинкертон в юбке! Чем вы мне угрожаете? Думаете, я вас боюсь?* (А. Маринина. Иллюзия греха (1996)) [5].

В сочетании с лексикализованной единицей *в юбке* зафиксированы такие имена реальных лиц: *Соломон, Святослав, Омар Хайям, Пугачев, Трибуле, Мильтон, Ричард Третий, Чемберлен, Бердяев*.

Соломоном в юбке А. С. Грин называет девушку умную и расчетливую: *Когда оба – Род и Кист – пришли прощаться, она подумала, что вернуться и снова повторить объяснение должен самый сильный*

и стойкий в чувстве своем. Так, может быть, немного жестоко рассуждал восемнадцатилетний **Соломон в юбке** (А. С. Грин. Четырнадцать футов (1925)) [5].

Женщину, готовую добиться своей цели любыми способами, Ю. М. Нагибин называет *Ричардом Третьим в юбке*: – Я предлагаю тебе одиночество вдвоем. – Ты что, импровизируешь водевиль: «**Ричард Третий в юбке**» – соблазнение над могилой? – Ну, соблазнила-то я тебя значительно раньше. – (Ю. М. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана (1972–1979)) [5].

Герой романа Ю. Н. Нагибина «Моя золотая теща» называет тетю Галю *Трибуле в юбке*. Трибуле – это прозвище придворного шута королей Людовика XII и Франциска I. Тем самым автор подчеркивает в поведении героини такие черты, как развязность, шутовство: *Как я вскоре понял, тетя Дуся была на ампула дурочки, шутихи. Это, пожалуй, наиболее интересная разновидность бедных родственников. Приняв на себя добровольно роль домашнего **Трибуле в юбке**, тетя Дуся выиграла куда большую свободу, нежели все остальные приживалы* (Ю. М. Нагибин. Моя золотая теща (1994)) [5].

Встречающиеся в художественных текстах сочетания *черт в юбке*, *демон в юбке*, *бес (бесенок) в юбке*, по-видимому, следует квалифицировать как варианты реализации узуального сочетания *сатана в юбке*. Все эти сочетания, за исключением сочетания *бесенок в юбке* (оно употребляется с оттенком умиления), используются для характеристики женщин со скверным характером: *Умирает от чахотки или болезней печени. Женщина-холерик – **черт в юбке**, крокодил* (А. П. Чехов. Темпераменты (1881)) [5]; *Он отбрасывал ее тотчас же, вспоминая разговор с этим «**демоном в юбке**», как тогда он мысленно назвал и теперь продолжал называть Ирену* (Н. Э. Гейнце. Коронованный рыцарь (1898)) [5]; *Этакая, одним словом, несноснейшая шалунья, неугомонный **бесенок в юбке**...* (Сергей Шикера. Стень (1998) // «Волга», 2009) [5].

Как окказиональные воплощения когнитивной структуры «злое мифическое существо + в юбке» следует рассматривать и сочетания *цербер в юбке*, *леший (лесовик) в юбке* и *дракон в юбке*: *В 6 часов – обед с церемониалом; мои тетки, или, вернее, **церберы в юбке**, выползают на свет божий...* (Г. И. Успенский. Живые цифры (1888)) [5]; *В консульстве под видом чиновниц сидели **драконы в юбках**. Они не открывали визу ни за жар-птицу, ни за молодильные яблоки. Отказались даже от долларов* (Слава Сэ. Ева (2010)) [5].

Окказиональными являются сочетания лексикализованной единицы *в юбке* с зоонимами *крокодил* и *моль*. Сочетание *крокодил в юбке*

ке является примером контаминации, т. е. возникновения нового выражения путем объединения элементов двух выражений. Лексема *крокодил* характеризуется фиксированным словарным значением 'очень некрасивый человек' [6]. Используя сочетание *крокодил в юбке*, главный герой подчеркивает внешнюю непривлекательность женщины: *Ты посмотри на себя в зеркало, ты, крокодил в юбке?!* (Николай Коляда. «Мы едем, едем, едем в далёкие края...» (1995)) [5].

Любопытен контекст, в котором М. А. Шолохов употребляет выражение *моль в юбке*. Данное сочетание используется на фоне астеизма (употребления бранного слова с целью похвалы) и потому в общем контексте служит реализации положительной оценки. Герой романа Мелехов в мыслях называет *молью в юбке* свою сваху в тот момент, когда восхищается ее умением вести беседу и склонять людей на свою сторону: *Слушал старик Мелехов и думал, восхищаясь: «Эк чудет, дьявол, языкастая! Скажи, как чулок вяжет... Ишь ты, моль в юбке!»* – любовался он свахой, пластавшейся в похвалах невесте и невестинной родне, начиная с пятого колена. (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)) [5].

Встречаются и другие случаи окказионального употребления лексикализованной единицы *в юбке*: *ветер (вихрь) в юбке*, *солнце в юбке*, *слюни в юбке*. Такие сочетания, как и сочетания с зоонимами, согласно терминологии Л. Н. Шадрина, необходимо относить к случаям нарушения предметно-логической дистрибуции фразеологизма [7, с. 167], так как нормативным мыслится сочетание лексикализованной единицы *в юбке* с наименованиями лиц.

Девушку кокетливую, еще не ставшую женщиной, герой М. А. Шолохова называет *ветер в юбке*. А женщина очень энергичная в романе «Две силы» названа *вихрем в юбке*. В обоих случаях, как видим, нет сугубо негативной оценочной коннотации: *Пока девка только зубы скалит да глазами играет – она ишо не девка, а ветер в юбке* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)) [5]; *Кого-то там вешали или расстреливали, приходили и уходили кризисы, подписывались и выбрасывались в мусорный ящик мирные договоры, но ни Степаныча, ни Ваньки, ни Васьки все это никак не касалось, пока в эту идиллию, как вихрь в юбке, не ворвалась бестолковая энергия Серафимы Павловны* (И. Л. Солоневич. Две силы (1953)) [5].

Сочетание *слюни в юбке* М. А. Шолохов употребляет для характеристики девушки скромной, женственной, которой, по мнению говорящего, чужда революционная настроенность: *Разве это комсомолка? Слюни в юбке!»* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)) [5].

Реализация сочетания *в юбке* в художественных текстах НКРЯ не охватывает всего разнообразия использования данной лексикализованной единицы в речи. Тем не менее проведенный анализ позволяет прийти к некоторым выводам.

1. Лексикализованное предложно-падежное сочетание *в юбке* встречается в текстах художественной литературы в качестве автономной единицы либо в составе фразеологических единиц. Автономность употребления лексикализованного сочетания *в юбке* относительна, так как присущее лексикализованной единице гендерно-маркированное оценочное значение 'о женщине, которая занимается каким-либо мужским делом', зафиксированное в словарях, реализуется только в рамках структурной модели «имя лица мужского пола + *в юбке*».

2. Для выражения оценочных значений (в большинстве случаев – отрицательных) в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке* в художественных текстах используются как нарицательные, так и собственные имена существительные. Наричательные существительные, употребленные в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке*, являются наименованиями лиц по профессии, роду деятельности, воинскому званию, политическим убеждениям, статусу в межличностных отношениях либо качественно-характеризующими наименованиями лиц. Качественно-характеризующие имена существительные в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке* выступают с ослабленным маскулинным признаком, так как используются для обозначения качеств характера, внешних качеств женщин, не связываемых непременно с маскулинностью. То же можно сказать и о некоторых существительных, обозначающих отдельные виды деятельности человека. Имена собственные, зафиксированные в сочетании с лексикализованной единицей *в юбке*, называют реальных исторических лиц либо персонажей художественных произведений и употребляются в значении нарицательных.

3. В художественных текстах отмечаются и окказиональные употребления лексикализованной единицы *в юбке*. Окказиональными являются сочетания с существительными, которые не являются наименованиями лиц.

Список использованных источников

1. Копотев, М. В. Исключение как правило : Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стеклова. – М. : Языки славянской культуры : Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 168 с.

2. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа : 19.10.2020.

3. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Федоров. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>. – Дата доступа : 15.10.2020.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorgo.ru. – Дата доступа : 18.10.2020.

6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа : https://www.efremova.info/word/v_sbore. – Дата доступа : 19.10.2020.

7. Шадрин, Н. Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Н. Л. Шадрин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 221с.

The article analyzes discursive implementations of the lexicalized propositional and reliable combination “in a skirt”. Paradigmatic relations of the lexicalized combination in the language system are defined, as well as its syntagmatic and pragmatic characteristics in speech. The semantic classification of nouns used in evaluation structures with the component “in a skirt” in fiction texts is carried out. Occasional uses of the lexicalized combination are detected.

Keywords: lexicalized suggestion and reliable combination, lexicalized unit, phraseology, compatibility, noun, gender stereotype, evaluation.

УДК 811.161.1'42:398.92:821.161.1-1*Сола Монова

А. П. Степаненко

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОЛЫ МОНОВОЙ

В данной статье охарактеризована специфика значения русских фразеологизмов; обозначены основные области применения идиом; рассмотрены устойчивые выражения в произведениях Сола Моновой, поэтессы XXI века.

Ключевые слова: фразеология, Сола Монова, идиома, поэзия, ирония.

Осмысление, систематизация и научное описание устойчивых выражений как особой разновидности сочетаний слов в языке нача-

лось задолго до возникновения фразеологической науки и фразеогрaфии. Изучением устойчивых сочетаний слов занимались такие авторы, как М. В. Ломоносов, Е. Э. Биржакова, В. В. Виноградов, А. И. Ефремов, С. И. Ожегов, Н. М. Шанский.

Уже с конца XVIII века устойчивые сочетания объяснялись в специальных сборниках и толковых словарях под различными названиями (афоризмы, крылатые выражения, пословицы, идиомы и поговорки) [1, с. 2].

Так, Е. Э. Биржакова отмечает, что в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) описываются следующие группы устойчивых сочетаний: 1) пословицы, поговорки, присловицы; 2) терминологические сочетания; 3) фразеологические выражения, идиоматика [2, с. 253]. «Специфика устойчивых выражений виделась в том, что они, в отличие от обычных сочетаний слов, требовали особого толкования, поэтому в САР устойчивые сочетания (за единичными исключениями) снабжались толкованиями» [3, с. 2].

В разные времена фразеологизмы классифицировали по разным критериям. В настоящее время данные языковые единицы классифицируются с точки зрения их семантической слитности и с точки зрения их исторического формирования. Большое количество устойчивых выражений берет свое начало в литературных произведениях русских писателей. Многие из них взяты из басен И. А. Крылова; некоторые фразеологические единицы своим рождением обязаны А. С. Пушкину; среди фразеологизмов есть и афоризмы Н. В. Гоголя. С точки зрения экспрессивно-стилистических свойств фразеологизмы делятся на межстилевые, разговорно-бытовые и книжные.

Так чем же являются в настоящее время устойчивые выражения? Согласно мнению лингвиста Н. М. Шанского, понимающего фразеологию в широком смысле, фразеологический оборот представлен как «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная, то есть постоянная по своему значению, составу и структуре» [4, с. 160].

В настоящее время фразеология и все сопутствующие дисциплины продолжают активно развиваться. Но по праву весомым считается вклад в создание базы для изучения устойчивых сочетаний слов в современном русском языке, сделанный В. В. Виноградовым. Он дал классификацию фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности [5].

Однако до сих пор среди исследователей нет единого мнения в вопросе определения фразеологизмов в современном языкознании.

Изучение истоков тех или иных устойчивых выражений очень важно в современном мире, так как «незнание источника фразеологических единиц русского языка приводит к искаженному и неуместному употреблению устойчивых словосочетаний, что является показателем низкой языковой культуры» [1, с. 2].

Стоит отметить, что именно фразеология отражает мир образов, чувств, оценок того или иного народа, она самым непосредственным образом связана с культурой речепроизводства.

Фразеологические единицы в современном мире активно используются в различных сферах человеческой деятельности, там, где есть язык, всегда будет место и для фразеологизмов. Их мы можем встретить в названии магазинов, так как емкие, но меткие выражения привлекают внимание покупателя; в названиях книг. Порой многие выдающиеся актеры остаются в нашей памяти потому, что по сценарию в их речи звучали интересные идиомы или режиссер сам создавал новые, культовые фразы («*Ну ты это... Заходи, если что...*» из всеми любимого советского мультфильма «Жил-был пёс»; «*Какая гадость эта ваша заливная рыба!*» из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!»).

Наш научный интерес направлен на определение значимости фразеологии в творчестве современных авторов-писателей. В данной статье мы рассмотрим самые яркие примеры стихотворений современной поэтессы Сола Моновой, в которых автор посредством фразеологизмов выражает свое отношение к окружающей её действительности.

Перед тем как мы приступим к анализу фразеологизмов в творчестве поэтессы, охарактеризуем в целом ее творчество.

Юлия Соломонова (известная под псевдонимом Сола Монова) – одна из наиболее эпатажных и читаемых поэтесс Рунета. Современная сетевая поэзия стала приятным открытием для многих читателей в лице Юлии Соломоновой, см. подробнее [6]. За время своего литературного творчества Сола Монова написала и выпустила несколько сборников стихотворений: «Стихи про мужиков», «Розовая книга», «Левая книга» и «Правая книга», «Телефонная книга». В ее стихах читается ироничный сарказм. Сола Монова дает хлесткую пощечину тем ситуациям, которые отражены в ее стихах. Ее произведения невольно запоминаются и цитируются в повседневной жизни.

Как мы ранее отметили, наличие и уместное использование фразеологизмов придает произведениям неповторимое своеобразие, меткость, образность. Образами наполнены стихотворения Сола Моно-

вой, именно посредством фразеологии эти образы раскрываются в полной мере.

Так, в стихотворении «Король» поэтесса с иронией рассказывает о девушке Марине, которая мечтает о «короле». И он появляется в ее жизни, вот только живет на широкую ногу, не знает горя, разбивает сердца, он не знает, что такое труд, и всё в его жизни устроено достаточно просто, он беспечен как дитя. И такая идиома, как *видеть розовые сны*, ставит акцент на всех перечисленных «заслугах» «короля».

Первоисточником данного фразеологизма стоит считать произведение В. Г. Короленко «В дурном обществе» 1885 года [7], что позволяет нам отнести выражение к книжным фразеологизмам.

В данном стихотворении сочетание *видеть розовые сны* выражает определенную эмоциональную оценку происходящего. Отметим, что с точки зрения оценочности фразеологизмы можно разделить на две группы: фразеологизмы с положительной оценкой (эмоциональная одобрительность, почтительное уважение и восхищение) и фразеологизмы с отрицательной оценкой (эмоциональная ироничность, пренебрежение) [3, с. 4].

В нашем случае идиома выражает иронию, сарказм по отношению к таким мужчинам. Сола Монова не без сожаления указывает на эту злободневную проблему [8].

В другом произведении Сола Моновой мы можем заметить совершенно иную эмоциональную нагрузку идиомы. Стихотворение «Заварка» примечательно тем, что, читая его, испытываешь чувство спокойствия, умиротворения [9].

Поэтесса будто обращается к читателю, говорит ему: «Постой, не спеши, не торопись, расслабься и отдохни»:

Не рвись, не паникуй, сиди и пей –

Все планы отложили в долгий ящик...

В данном контексте выражение *отложить в долгий ящик* обладает положительной, одобрительной эмоциональной оценкой. Однако если исследовать происхождение фразеологизма, то мы придем к противоположному. Выражение *отложить в долгий ящик* связывают с обычаем, заведенным царем Алексеем Михайловичем (отцом Петра I) в его резиденции. Перед царским дворцом был установлен длинный ящик, куда опускали свои просьбы и прошения все, кто хотел. Эти прошения рассматривались очень долго, поэтому длинный ящик стал называться *долгим* [10].

Таким образом, уместно и грамотно оперируя фразеологизмами в литературных произведениях, писатели используют их образность, метафоричность, экспрессивно-эмоциональную окраску. Благодаря

фразеологизмам текст становится краше, а поэт предстает перед читателями эрудированным человеком, знающим историю своего языка.

Список использованных источников

1. Происхождение фразеологических единиц русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-frazeologicheskikh-edinit-russkogo-yazyka>. – Дата доступа : 15.10.2020.
2. Биржакова, Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. / Е. Э. Биржакова // Русская лексикография XVIII века / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 144–162.
3. Хуснутдинов, А. А. У истоков русской фразеологии и фразеологии [Электронный ресурс] / А. А. Хуснутдинов. – Режим доступа : http://lib.ivanovo.ac.ru:81/elib/dl/philology/nauka/husnutdinov_2016.htm/view. – Дата доступа : 23.10.2020.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
6. Викшнякина, Е. В. Видеопоэзия Сола Моновой: жизнетворчество и репрезентация женскости в эпоху «Инстаграм» / Е. В. Викшнякина, А. В. Петров // Мировая литература глазами современной молодежи : сб. материалов III междунар. студенч. науч.-практ. конф. / Магнитогорск. гос. техн. ун-т ; науч. ред. С. В. Рудакова. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2017. – С. 10–16.
7. Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kartaslov.ru>– Дата доступа : 24.10.2020.
8. Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stihi.ru/2020/10/16/2461>. – Дата доступа : 24.10.2020.
9. Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stihi.ru/2020/04/03/1252>. – Дата доступа : 24.10.2020.
10. Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М. : АСТ, 1998. – 289 с.

This article describes the specificity of the meaning of Russian phraseological units; the main areas of application of idioms are indicated; fixed expressions in the works of Sola Monova, the poetess of the XXI century, are considered.

Keywords: phraseology, Sola Monova, idiom, poetry, irony.

А. Н. Столярова

**КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И НЕОФРАЗЕОЛОГИЯ
(на материале русского и белорусского языков)**

Психологический тип современного человека является важным экстралингвистическим фактором, влияющим на появление новой фразеологии. В статье рассматриваются особенности клипового мышления как отличительной характеристики представителей нового цифрового общества, анализируется воздействие клиповости на образование неопразем.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, неопразеология, клиповое мышление.

Развитие языка находится в прямой зависимости от ряда условий внутреннего и внешнего порядка. Если внутренние законы развития языка отличаются определенной степенью стабильности, то экстралингвистические условия весьма изменчивы, поскольку разные периоды развития общества отличаются разными доминантами и ориентирами. Социальные, политические, экономические условия неизменно влияют на образование новой лексики и фразеологии, однако в наше время следует учитывать, по мнению Н. С. Валгиной [1, с. 12], еще один фактор, оказывающий влияние на языковые процессы, – это психологический тип представителя нового общества. Поскольку современное общество существует на новом, информационном, этапе развития, это неизбежно приводит к изменению людей, живущих в условиях глобальной информатизации. На них ежедневно обрушиваются потоки информации, чему способствует повсеместное использование сети интернет; «...ввиду фрагментарности подачи информации и разнесению связанных событий по времени, мозг просто не может осознавать и постигать связи между событиями <...> он (человек) имеет в своей голове набор разрозненных фактов, которые практически невозможно объединить в общие цепочки событий и связать между собой» [2, с. 2]. В таких условиях формируется новый тип мышления – клиповое. Данное понятие ввел российский культуролог Ф. И. Гиренок [3, с. 7–8], противопоставляя клиповость, обрывочность, нелинейность традиционному понятийному, линейному мышлению. Т. В. Семеновских определяет клиповое мышление как «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью ин-

формационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [2, с. 5]. Автором выделяются следующие основные характеристики клипового мышления:

- конкретность мышления;
- фрагментарность;
- ориентация на понятия меньшей степени общности;
- алогичность;
- лабильность.

Клиповое мышление порождается, по мнению К. Г. Фрумкина [4], рядом факторов, среди которых:

1) ускорение темпов жизни и напрямую связанное с ним возрастание объема информационного потока, что порождает проблематику отбора и сокращения информации, выделения главного и фильтрации лишнего;

2) потребность в большей актуальности информации и скорости ее поступления;

3) увеличение разнообразия поступающей информации;

4) увеличение количества дел, которыми один человек занимается одновременно;

5) рост демократии и диалогичности на разных уровнях социальной системы.

В результате воздействия перечисленных факторов развитие клипового мышления становится своего рода защитным механизмом от информационных и психологических перегрузок [5, с. 376; 6, с. 315].

Описанные выше особенности мышления современного человека неизбежно влияют на его способность к общению: оно стремительно переходит из реальности в виртуальность, где обычно сводится к кратким фразам, эмоджонам, мемам, хэштегам. Предпочтение в коммуникации отдается ярким зрительным образам в ущерб языковым средствам. Современными исследователями влияние клиповости на язык видится «в примитивизации языка и, соответственно, картины мира, которые проявляются в минимализации языковых средств в письменной коммуникации. Это связано с тем, что клиповое мышление предъявляет к человеческому мышлению требование “быстрее, еще быстрее”, оно не оставляет времени для сосредоточения и раздумий» [7, с. 2]. На снижение роли языковых средств обращает внимание и Ф.И. Гиренок: «Быстроте мысли мешает увальень-язык. Клиповое мышление старается избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие. Поэтому первый признак клипового мышле-

ния – это языковой минимализм. Мгновенное схватывание сути дела происходит в образе или наглядной схеме. Клиповое мышление интересуется не способ связывания одного суждения с другим, а наглядное изображение мысли в целом» [3, с. 18]. Об уменьшении роли речи в качестве средства объективизации мышления пишет и В. Л. Лозицкий [5, с. 378].

Таким образом, изменение сознания человека ведет к изменению использования им языковых средств. Востребованными оказываются единицы, сочетающие высокую информативность наряду с образностью, позволяющие кратко и наглядно обрисовать ситуацию, соответствующие требованию «быстро думать и быстро понимать, сокращать объем словесного выражения относительно объема информации» [7, с. 2]. Как нам представляется, неологизмы – именно те единицы, которые отвечают данным условиям, среди которых основными будем считать языковой минимализм и образность, наглядность.

В качестве примера слов-клипов Г. Д. Колдасов [8] приводит следующие: *маунтинбайкер, ситименеджер, догкиллер, бодибилдер, аквабайкер*. Все эти слова представляют собой варваризмы, беспереводные заимствования. Существуют их русские аналоги, однако заимствованные варианты используются гораздо шире, что, видимо, обусловлено и изменяющимся сознанием говорящих, и языковой модой, и стремлением к сокращению языковых усилий (закон языковой экономии).

К словам, порожденным клиповостью, можно отнести и слова-кентавры, как их называет Л. П. Крысин [9, с.173]. Они состоят из двух частей – русской и иноязычной: *web-сайт, www-страница, PIN-код, WEB-адрес* и др. По аналогии со словами-кентаврами, можно говорить и о существовании неологизм-кентавров. Использование иноязычной части способствует экономии языковых средств и позволяет избежать употребления громоздких объяснительных конструкций:

- *поколение SN (social network)* – люди, активно пользующиеся социальными сетями;
- *поколение Ni-Ni (los que ni estudian ni trabajan)* – о людях, которые не учатся и не работают, объясняя это поиском себя;
- *поколение RESET* – о людях, которые в трудной ситуации не ищут решения проблемы, а бросают все и начинают заново (по аналогии с кнопкой Reset («сброс»));
- *SOS-дзіцячая вёска* (здесь *SOS* – общепринятый сигнал бедствия и аббревиатура *social support* ‘социальная поддержка’);
- *Эфект CNN (CNN effect)* – *Спад эканомікі падчас надзвычайных падзей у свеце, да якога прыводзіць масавае сядзенне перад*

тэлевiзарамi i прагляд навінаў, якія датычаць гэтай падзеi (НН, 16.12.2011).

• *пакаленне text* – о людях, которые общаются короткими сообщениями, написанными упрощенным языком. В значении данной неофраземы, по нашему мнению, отражены важнейшие сущностные характеристики клиповости мышления (нелинейность, скорость передачи информации, общение посредством гаджетов, простота, примитивизация языка): *Не аднойчы, я ўпэўнена, вы чулі пра пакаленне text, а што наконт пакалення text? Гэта не толькі пра спосаб зносін з дапамогай кароткіх навідак, але і пра новую інтэрнацыянальную мову. Яе асноўныя рысы – прастата, свабодныя адносіны да нормаў і традыцыяў, эмацыйнасць* (ВебСМІ, 19.07.2018).

Пример еще одной неофраземы, которая отражает суть клипового мышления и последствия этого явления, – *эффект Гугл* (бел.). В результате доступности информационных технологий и возможности в любое время выйти в интернет и найти необходимую информацию, многие люди не стремятся запоминать что-либо, анализировать, сопоставлять, а оперируют лишь разрозненными фактами, готовыми мыслями. Отмечается отсутствие необходимости в мыслительных операциях, поскольку готовая информация всегда может быть найдена по поисковому запросу: *Але сёння педагогі і псіхологі кажуць ужо пра «эфэкт Гугл» – калі запамінаецца не змест, а месца знаходжаньня інфармацыі, шлях да яе. Заўважана, што сярэдняя працягласць канцэнтрацыі ўвагі ў сучасных дзяцей значна меншая, чым была раней, у пакалення «гугл» знікае здольнасць чытаць і разумець вялікія тэксты, арыентавацца без інтэрнэт-картаў на мясцовасці. Гэта ўсё пабочныя эфэкты сучаснай цывілізацыі...* (Звязда, 14.11.2018)

Типичными «клиповыми» неофразами являются *зелёные человечки* и *жёлтые жилеты / жоўтыя камізэлькі*. В их основе лежит лишь зрительный образ: говорящий называет картинку, которую видит перед собой, не вникая в суть явления. Так, *зелёными человечками* назвали российских военнослужащих в Крыму из-за цвета их формы, а *жёлтые жилеты* – это политическое движение во Франции, приверженцы которого выходили на митинги в светоотражающих жилетах жёлтого цвета.

Семантика чисел также способствует минимизации языковых средств при передаче информации. Рассмотрим неофразему *10 сентября / 10 верасня*. Известно, что 11 сентября 2011 года в США был совершен крупнейший в истории теракт, вследствие которого погибли около 3000 человек. В то же время 10 сентября – ничем не примечательный день, когда ничего не предвещало катастрофы. Таким об-

разом, в неофраземе имеется аллюзия на дату теракта и подразумевается, что в сравнении с произошедшим все остальное – это нечто малозначительное и повседневное.

Неофразема *вызывать эконо* обусловлена внешними по отношению к языку факторами: существуют службы такси, где клиентам в зависимости от их запросов и предпочтений дают возможность выбрать поездку класса эконом, комфорт или люкс, причем стоимость поездки значительно варьируется в зависимости от выбранного уровня обслуживания. Самый дешевый вариант – эконом. Перенос данной ситуации на другие сферы порождает неофразему со значением ‘выбирать самый дешевый, доступный вариант’. Клиповость здесь можно проследить в минимизации языковых усилий, чему способствует расширение значения выражения: первоначально употребляясь лишь в одной сфере, оно теперь относится к любым обстоятельствам, в которых есть возможность выбора различных ценовых категорий: *Я знаю десяток минских заведений и бизнесов с услугами, где прямо-таки клиента «облизывают», но и стоит это также весомо для кошелька. Поэтому, если могу позволить, – иду к ним, нет – **вызываю «эконом»** и знаю, что от него получу* (СБ, 19.03.2020).

Клиповое мышление как один из экстралингвистических факторов тесно связано с внутриязыковым законом экономии. Необходимость быстро думать, понимать, выдавать ответную реакцию требует минимизации языковых усилий и средств выражения. Новая фразеология широко востребована в современных условиях, поскольку неофраземы представляют собой небольшие по структуре, но семантически ёмкие и образные выражения, позволяющие минимальными языковыми средствами добиться максимального коммуникативно-прагматического эффекта.

Список использованных источников

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Семеновских, Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде / Т. В. Семеновских // Наукovedение [Электронный ресурс]. – 2014. – №5 (24). – Режим доступа : <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>. – Дата доступа: 22.04.2020.
3. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. – М.: Проспект, 2016. – 256 с.
4. Фрумкин, К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста / К. Г. Фрумкин // Топос : литературно-философский ж-л [Электронный ресурс]. – 2010. – № 9. – Режим доступа : <http://www.topos.ru/article/7371>. – Дата доступа : 21.04.2020.

5. Лозицкий, В. Л. Феномен клипового мышления и информационно-коммуникационные технологии в высшем профессиональном образовании / В. Л. Лозицкий // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2 ч. : сборник научных статей / редкол.: В.А. Гайсёнок [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. – Вып. 16. – С. 375–380.

6. Ключников, С. Ю. Мастер жизни: психологическая защита в социуме / С. Ю. Ключников. – М. : Беловодье, 2001. – 592 с.

7. Дидковская, В. Г. Клиповое мышление: отражение в современном русском языке и тексте / В. Г. Дидковская // Ученые записки НовГУ [Электронный ресурс]. – 2016. – №3 (7). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-otrazhenie-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-tekste>. – Дата доступа : 23.04.2020.

8. Колдасов, Г. Д. Клиповое сознание и особенности языка / Г. Д. Колдасов // Русская народная линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2012/11/12/klipovoe_soznanie_i_osobennosti_yazyka. – Дата доступа : 20.04.2020.

9. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; редкол. : Л. П. Крысин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – С. 167–184.

A psychological type of a contemporary person is an important extralinguistic factor influencing the appearance of new phraseology. The article deals with specifics of clip thinking as a distinctive feature of representatives of a new digital society, analyzes the way clipping affects the formation of neophrasemes.

Keywords: extralinguistic factors, neophraseology, clip thinking.

УДК 811.161.1'42'371:177.9:398.91(=161.1)

Чжао Сыминь

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ЛУКАВСТВО»

В статье рассматриваются русские пословицы с компонентом-зоонимом, вербализующие концепт «лукавство». Выявляются установки культуры, отраженные в пословицах и стереотипные представления русского народа о животных. Делаются выводы о том, что концепт «лукавство» в пословичном пространстве русского языка включает в себя такие микроконцепты, как «хитрость», «двуличие», «лицемерие» и «лесть».

Ключевые слова: пословица, установка культуры, концепт, лукавство, зооним.

Русские пословицы являются сложным логическим, семиотическим целым, обладающим лексико-семантическими и структурными закономерностями [1, с. 5]. Пословицы рассматривают как мощный источник национально-культурной интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка [2, с. 241].

В последние годы в российском языкознании исследованы основные концепты русской ментальности, анализ проводился на лексическом, фразеологическом, паремиологическом материале. В. В. Жданова отмечает, что концепты, признанные базовыми, наиболее частотны в пословицах и поговорках, и сами пословицы и поговорки с этими словами наиболее часто воспроизводятся в речи [3, с. 151]. Е. В. Иванова выдвинула понятие «пословичный концепт». По ее мнению, пословичным концептом является всё знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц [4, с. 109].

Объектом нашего исследования являются вербализующие концепт «лукавство» пословицы, в которых фигурирует зооним или часть зоонима (напр., отзоонимное прилагательное). Такие пословицы обладают большим иносказательным потенциалом. Следует отметить, что лингвистическая изученность концепта «лукавство» на настоящий момент недостаточна, несмотря на то что он организует вокруг себя важный фрагмент концептосферы русского человека. Лингвокогнитивный анализ этих пословиц позволит выявить стереотипные представления русского народа о животных, установки культуры, связанные с концептом «лукавство», и соотношение между образами животных и данным концептом.

По определению Н. Ю. Шведовой, слово *лукавство* обозначает: 1) 'хитрость, коварство'; 2) 'весёлый задор, игривость' [5, с. 418]. В данной работе внимание уделяется первому значению. Источниками материала для анализа послужили словарь «Пословицы русского народа» В. И. Даля [6] и «Большой словарь русских пословиц» [7]. Из словарей было отобрано 85 пословиц с компонентом-зоонимом, среди них самыми частотными компонентами-зоонимами в пословицах являются *лиса* (24 единицы), *волк* (21 единица), *птица* (18 единиц), *кот / кошка* (9 единиц), *коза / овца* (8 единиц), *собака* (7 единиц), *змея* (6 единиц), *рыба* (6 единиц), *насекомое* (4 единицы) и *мышь* (3 единицы). Следует отметить, что нередко в одной пословице фигурируют два зоонима. Далее рассмотрим эти пословицы детально.

1. Лиса – волк – коза / овца

Лиса / лисица является самым частотным компонентом-зоонимом в пословицах, репрезентирующих концепт «лукавство». Данный факт легко объясняется тем, что лиса – это символ хитрого обманщика и корыстного льстеца в сознании русского народа [8, с. 89]. Об этом свидетельствуют следующие пословицы, содержащие несколько установок культуры.

Лукавый человек использует любую возможность ради выхода из трудного положения или достижения выгоды: *Лисица от дождя и под бороной ухоронится; Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберется.*

Дело зачастую обстоит не так просто, как кажется, особенно когда имеешь дело с лукавым человеком: *Весь бы прост, да привязан хвост (лисий); Когда ищешь лису впереди, то она позади.*

Стоит отметить, что в русских пословицах часто фигурирует хвост лисы. С одной стороны, лисий хвост служит для того, чтобы замести следы преступления или хитрости, избежать наказания. С другой стороны, хвост символизирует лисье лукавство и интриги. В пословицах с этим компонентом вербализованы следующие установки культуры.

Лукавый человек стремится избежать ответственности после совершения плохого поступка: *Лиса своего хвоста не замазает; Накрылся, что лиса хвостом; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.*

Под личиной мягкости и доброты может скрываться корыстный, алчный и злой человек: *Лисий хвост, да волчий рот.*

Хитрость не всегда помогает найти выход из неблагоприятной ситуации: *И лиса хитра, да шкуру ее продают.*

Будучи другим представителем семейства псовых, волк тоже довольно активно фигурирует в вербализующих концепт «лукавство» пословицах. О лукавстве и лицемерии волка говорят следующие единицы: *Волк в овечьей шубе (шуре); Верь волчьим слезам.* Однако уступая лисе в хитрости, волк отличается своей явной хищностью. Неслучайно в русских пословицах одновременно встречаются компоненты *лиса* и *волк*, данные паремии выражают следующие установки культуры.

Хищность хитрости не противоречит: *Глядит лисой, а пахнет волком; Лисий хвост, да волчий рот.*

Лукавый человек проявляет свое истинное лицо после достижения цели: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком.*

Тот, кто умеет скрывать свою хищность, получает больше выгоды: *Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет); Волк – голодай, лиса – лакомка; Лиса семерых волков проведет.*

Трудно справиться с лукавым и хищным человеком: *Не сподручно волку с лисой промышлять (из сказки).*

Существует еще одна установка культуры в русских пословицах, в которых может употребляться как зооним *волк*, так и зооним *лиса* – **старший хитрее младшего благодаря своей опытности:** *Старого волка в тенета не загонишь; Старую лису хитростям не учить; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.*

Интересно, что как естественные враги в живой природе, оппозиция «волк – коза / овца» нередко фигурирует в пословицах, в которых овца обычно становится жертвой волка.

Лукавый человек обращается с другим ласково и дружелюбно ради своей корыстной цели: *Звал волк козу на пир, да коза нейдет; Любит, как волк овцу.* (Данная установка культуры также наблюдается в пословице *Кормят вола, чтоб кожа была гладка*).

Когда человек нуждается в другом, то относится к нему ласково, а когда уже не нуждается, то его отношение резко меняется: *Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!*

О ситуации, когда найдено решение, одинаково удобное для обеих сторон, говорят: *И волки сыты, и овцы целы.*

Зооним *овца* употребляется в составе пословицы и вне оппозиции: *Сыта овца кричит, голодна овца кричит.* Данная пословица говорит о том, что иногда трудно разобраться в ситуации, отличить правду от лжи.

2. Кошка / кот – мышь

Кошка представляет собой популярное домашнее животное в России и во всем мире. Ее поведение описывается в плане выражения пословиц: *Лисой ухаживает, кошкой увивается; Эти кошки облизали ножки; У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Лукавый – как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет.* В плане содержания этих пословиц явно воплощается микроконцепт «двуличие». Кошка выглядит мило и ласково, любит ластиться, хочет человеку понравиться, войти в доверие, но нельзя забывать об острых когтях, готовности поцарапать. В переносном смысле речь идет об опасности, исходящей от двуличного человека, и его льстивом поведении (сравн. пословицу *У того голубочка велики (остры) зубочки*).

В пословице *Он, как кошка, все на ноги падает* выражается такая установка культуры: **лукавый человек умеет оставаться невредимым, избегать беды, выкручиваться из трудных ситуаций.**

Единицы *Кому скоромно, а нам на здоровье (сказал кот Евстафий, постригшись и посихмившись, да поймав мышку)* и *Постригся кот, посихмился кот, а все тот же кот* говорят о неискренности, лицемерии человека. Человек принял монашество, но при этом нарушает правила и не ест постную пищу, а ведет себя как обычно. В этих пословицах выражается идея о том, что, **как бы внешность или условия жизни человека ни менялись, его сущность не изменится.**

Еще одной оппозицией в пословицах, вербализующих концепт «лукавство», является противопоставление кота и мыши. Пословица *Это мыши кота погребают* говорит о притворной печали, о лицемерии человека (о притворной печали также говорит пословица *Плакала кукушка, что детей отдала в люди*). А пословицы *Играет, как кот с мышкой; Кошке игрушки, мышке слезки* зафиксировали наблюдения людей: прежде чем съесть мышку, кот с ней играет. Для кота это забава, а для мышки – большой страх. Данная пословица содержит следующую установку культуры: **то, что для сильного развлечение, игра, может причинить горе слабому.**

3. Птица

Пословицы с компонентом-названием птицы и с гиперонимом *птица* вербализуют микроконцепт «лесть». Такую ассоциацию, на наш взгляд, можно объяснить тем, что птицы красиво поют. Поэтому логично сравнивать пение птиц с льстивыми словами. В некоторых пословицах описывается образ птицы, которая любит слушать и говорить льстивые слова. Нами были обнаружены следующие установки культуры в этой группе пословиц.

Человек склонен слушать льстивые слова: *Птицу кормом, а человека словом обманывают; Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.*

Льстивые слова лишают человека бдительности: *Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят.*

Льстец характеризуется двуличностью: *Поет как соловей, а кусает как гадюка; Поет соловьем, а рыщет волком.*

Образ хитрой сороки наблюдается в следующих единицах: *Вильнет умом, как сорока хвостом; Знает сорока, где зиму зимовать!* При этом последняя пословица тесно связана с тем фактом, что зимой сороки предпочитают оставаться в родных местах, находясь в постоянной близости к человеку, что позволяет им легче найти еду. Пословица намекает на хитрого человека, который всегда найдет выход из трудной ситуации.

О том, что лукавый человек производит ложный маневр, вводит в заблуждение, говорится в пословице *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.*

4. Собака

Собака в русском языковом сознании является изворотливым животным. О ее хитрости свидетельствуют следующие пословицы: *Крутит, как пес хвостом; Полазчив пес, да и лиса хитра.* А пословицы *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает* и *Молчан-собака из-под подворотни хватает* содержат одну общую установку культуры: **Не бойся тех, кто прям и честен, а бойся тех, кто скрытен и действует исподтишка.**

5. Змея

О лукавстве змеи говорят следующие пословицы: *Змеей извивается; Вьется ужом, а топорщится ежом; Прост, как свинья, а лукав, как змея.* Ассоциация змеи с лукавством, видимо, объясняется изворотливостью ее движения и переносным значением глаголов *извиваться* и *виться*. А в пословице *Льстец под словами – змей под цветами* льстеца сравнивают со змеей. Данное сравнение обосновано тем, что оба они внешне красивы, но по сути своей ядовиты и опасны.

6. Рыба

Интересно, что в пословицах с компонентом-названием рыбы нередко фигурируют мотивы «опасность» и «недооценивание опасности»: *Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку); Постится щука, а пискарь не дремлет; Уснула щука, да зубы не спят; Это щучка, остренький носок (хитрец); Щуку съели, да зубы целы;* ироничная пословица *Утопили щуку.* В пословицах данной группы вербализована следующая установка культуры: **Всегда нужно быть настороже, даже если кажется, что опасности нет.**

7. Насекомое

В русских пословицах пчелиный мед широко сравнивается с лестью, так как оба понятия имеют две стороны: наслаждаясь сладким вкусом, можешь испытать боль пчелиного укуса: *Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жальце в запасе.* Пословица вербализует ту же установку культуры, что пословицы с компонентом-названием рыбы. Пословица *Мед сладко, а мухе падко* выражает установку **Человек склонен слушать льстивые слова.**

Итак, на основе проведенного анализа мы пришли к следующим выводам: концепт «лукавство», вербализованный в русских пословицах с компонентом-зоонимом, включает такие микроконцепты, как «хитрость», «двуличие», «лицемерие» и «лесть». Появление рассмотренных компонентов-названий животных в пословицах, вербализующих концепт «лукавство», неслучайно, оно обосновано опытом многовекового наблюдения народа-носителя языка за повадками, внешним видом, образом жизни данных животных. Некоторые установки

культуры выражаются пословицами с разными наименованиями животных. Например, идея о том, что всегда нужно быть настороже, даже если кажется, что опасности нет, выражается паремиями с компонентом-названием рыб и единицами с компонентом *пчелка*, а установка о склонности человека слушать льстивые слова в свой адрес вербализуется пословицей с компонентом *муха* и паремиями с компонентом-названием птиц. Кроме того, в исследованных пословицах часто выступают оппозиции зоонимов, что помогает образному восприятию лукавого (лицемерного) человека и его «жертвы».

Список использованных источников

1. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. / Е. И. Селиверстова. – СПб. : МИРС, 2009. – 270 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Жданова, В. В. Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания / В. В. Жданова // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – С. 151–160.
4. Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах / Е. В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 280 с.
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2008. – 1164, [1] с.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо-пресс, 2000. – 616 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

The article deals with Russian proverbs with the component of zoonym that verbalize the concept of “craftiness”. The article reveals cultural attitudes reflected in proverbs and stereotypical ideas of the Russian people about animals. It is concluded that the concept of “craftiness” in the proverbial space of the Russian language includes microconcepts, such as “cunning”, “duplicity”, “hypocrisy” and “flattery”.

Keywords: proverb, cultural attitude, concept, craftiness, zoonym.

О. Г. Яблонская, В. В. Новик

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается группа фразеологизмов, объединенных темой «погода». На материале художественных текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, анализируется частотность употребления тех или иных фразеологических единиц. Исследуются способы вхождения данных единиц в структуру текста, а также особенности изменения их семантики.

Ключевые слова: фразеологизм, Национальный корпус русского языка, структурно-семантические изменения.

Фразеология – раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии [1]. Отличительной чертой фразеологии является изучение не однословных языковых единиц, а устойчивых сочетаний слов, главными типами которых являются: коллокация, речевые клише и фразеологизмы.

Фразеологизм – устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание, выполняющее функцию отдельной лексемы [2]. Фразеологические единицы помогают образно выразить мысль, делают речь живой и эмоционально окрашенной. В них заключен многолетний опыт людей, который передается из поколения в поколение.

Применение технических средств для анализа языковых явлений является одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований. Работа с электронными ресурсами помогает увеличить объем фактического материала, что делает выводы более достоверными. Одним из подобных источников информации является Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) – информационно-справочная система, основанная на собрании размеченных особым образом русских текстов в электронной форме [3]. Как отмечает С. Т. Грис, значимость корпусной лингвистики как метода изучения увеличивается во многих отраслях языкознания и является самым значимым современным методом в исследовании фразеологии [4].

Нами были рассмотрены примеры употребления фразеологизмов в художественных текстах 21 века, представленных в НКРЯ. Была

изучена группа фразеологических единиц, компоненты которых объединены темой «погода». Всего было рассмотрено 76 фрагментов текстов. Были проанализированы способы вхождения данных единиц в структуру текста, а также особенности изменения их семантики.

Достаточно многочисленным является фразеологизм *ждать у моря погоды* – ‘напрасно надеяться на что-либо, не предпринимая ничего для исполнения желаемого, находиться в состоянии неопределенного ожидания’ [5]. При анализе данного выражения было выявлено, что его контекстное значение находится непосредственно в прямой зависимости от сочетаемых с ним лексических единиц. Например, *Раскладывал бесконечные пасьянсы и терпеливо ждал у моря погоды, ждал, когда ветер славы снова подует в его паруса и Франция опять вспомнит о нём* (В. Михальский, Прощёное воскресенье (2009)).

В данном примере наблюдается такое явление, как семантическая градация, за счет повторения лексемы *ждал* в сочетании с единицами морской тематики (*ветер, паруса*). В результате такого расположения слов происходит усиление смысловой значимости фрагмента текста. Данное явление используется в художественной литературе, чтобы достичь эффекта наибольшей выразительности, а в приведенном примере также для создания положительного подтекста, так как характеризует героя как человека терпеливого и целеустремленного.

В следующем примере фразеологизм используется для характеристики поведения литературного героя как человека, способного действовать: отрицательная частица *не* в сочетании с лексемой *решивший* создают положительный образ: *Эту песенку Никита Когтев, решивший не ждать у моря погоды и осчастливить меня своим визитом, запросто проглотил вместе с куском торта* (Т. Сахарова, Добрая фея с острыми зубками (2005)).

Усилению значения фразеологизма также способствует его сочетание в контексте с другими фразеологизмами, например: *Честно говоря, и мы здесь пока не при делах. Ждём у моря погоды. Баклуши бьём. Ну что поделать, с наскока такую делюгу не замутишь* (А. Ростовский, Русский синдикат (2000)).

Обособление фразеологизма в отдельное предложение, а также его использование в одном тематическом ряду с другими фразеологическими единицами ведет к усилению эмоциональности и может рассматриваться как контаминация – возникновение нового выражения или нового значения посредством скрещивания, объединения элементов двух однородных (в семантическом плане) форм.

Тем не менее, в большинстве рассмотренных фрагментов текстов, содержащих данный фразеологизм, сохраняется негативная коннотация представленного в словаре выражения. Контекстное окружение способствует появлению дополнительного эмоционального оттенка, сопутствующего основному смыслу. Так, в следующем примере отражается факт эмоционального переживания героя, т. е. его подавленность и удрученность: *И те, кто твердят обратное, либо глупцы, либо несчастные, не имеющие сил вытравить любовь из сердца и прикрывающиеся маской дружбы: только быть рядом, не потерять и всю жизнь ждать у моря погоды* (Д. С. Филиппов, Билет в Катманду (2009)).

Всего в НКРЯ было выявлено и проанализировано 14 фрагментов с данным фразеологизмом.

Другим часто используемым в корпусе фразеологизмом является выражение *ветер в голове* – ‘ребячливый, ветреный, несолидный, несерьёзный, беспечный’ [6]. В большинстве текстов сохраняется его словарное значение, реализуемое в характеризующей функции.

Следует отметить возможность использования данного выражения в качестве номинативной единицы. Так, в следующем примере фразеологизм находится в антонимических отношениях с компонентами предыдущего предложения и выполняет номинативную функцию, так как ассоциируется с беззаботностью: *Тогда мы ещё пили за то, чтобы не становиться серьёзными и ответственными. Мы пили за **ветер в голове**. Это было два года назад. Сейчас Корова с женой* (В. Власов, Моя перспектива (2011)).

Из способов вхождения в структуру текста можно отметить использование множественного числа компонента фразеологической единицы, что, однако, обусловлено контекстом, так как выражение используется для характеристики группы людей: *А у них **ветер в головах** гуляет* (А. Троицкий, Удар из прошлого (2000)); а также употребление фразеологизма как отдельного предложения: *Вероника Капустина. **Ветер в голове**. Собрались в просторном помещении, в три часа дня, в апреле* (В. Капустина, Ветер в голове (2006)).

Всего было выявлено 4 фрагмента текстов, содержащих данный фразеологизм.

Лексема *ветер* содержится также в выражении *бросать слова на ветер* – ‘не выполнять данных обещаний, обязательств’ [7]. Стоит отметить, что данный фразеологизм характеризуется сочетаемостью не только с лексемой *слово*, приведенной в его словарном варианте, но и с такими единицами, как *минуты*, *деньги*, *угрозы*: *Точно даёт мне понять: это так, я не бросаю слов на ветер* (Л. Зорин, Казанские

гастроли (2008)); *Несмотря на неприязнь к любой толпе, базар она любила: так каждый занят своим делом, каждый знает чего хочет и ни минуты не бросает на ветер* (Д. Рубина, На солнечной стороне улицы (1980–2006)); *Казакевич не бросает угрозы на ветер, он держит слово* (А. Троицкий, Удар из прошлого (2000)); *Он никогда не бросал деньги на ветер, независимо от того, большие это деньги или совершенные гроши* (А. Белозёров, Чайка (2001)).

В последнем примере за счет уточняющих слов (*большие деньги, совершенные гроши*) подчеркивается их ценность для героя произведения, его серьезность и ответственность в этом вопросе.

Нами также были рассмотрены такие фразеологизмы, как *как громом поражённый, сморозить глупость, метать громы и молнии, держать нос по ветру, ураган страстей*, однако их контекстное значение в изученных фрагментах соответствует словарным. Можно отметить, что использование данных единиц способствует выражению отношения героев к себе или другим, так как характеризует поступки людей: *Несколько секунд, а может и минут, я стоял как громом поражённый* (Б. Минаев, Детство Левы (2001)) – т. е. стоял пораженный, растерянный; *Действительно, надо же было сморозить такую глупость!* (В. Белоусова, По субботам не стреляю (2000)) – т. е. действовал нелепо, глупо; *Её чёрные глаза метали молнии – в данный момент она протестовала против всей несправедливости, творившейся в мире* (Т. Тренина, Никогда не говори «навсегда» (2004)) – выражение гнева, чувства негодования.

Проведенный анализ показал, что в большинстве случаев употребления фразеологизмов рассматриваемой группы сохраняется значение, представленное в словаре, однако выявленные особенности употребления данных единиц в художественных текстах можно представить следующим образом:

- контекстное уточнение значения фразеологизма осуществляется за счет расширения его словарного состава;
- реализация дополнительного контекстного значения фразеологизма, а также изменение его функциональной направленности зависит от сочетаемости с лексическими единицами текста;
- структурное изменение компонентов фразеологизма обусловлено контекстом и нормами языка;
- использование фразеологизмов способствует усилению эмоциональности фрагмента текста.

Таким образом, контекстные фразеологизмы раскрывают внутренний мир и представления людей, отражают их убеждения, являются способом выражения чувств и эмоций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фразеология [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://les.academic.ru/1258/Фразеология>. – Дата доступа : 23.10.2020.
2. Фразеологизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1169169>. – Дата доступа : 23.10.2020.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://search.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 21.02.2020.
4. Gries, S. Th. Phraseology and linguistic theory [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/286812048_1_Phraseology_and_linguistic_theory_A_brief_survey. – Date of access : 23.10.2020.
5. Ждать у моря погоды [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://frazeolog_ru.academic.ru/145/ждать_у_моря_погоды. – Дата доступа : 23.10.2020.
6. Ветер в голове [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/15907/ветер. – Дата доступа : 23.10.2020.
7. Бросать слова на ветер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/42713/Бросать>. – Дата доступа : 23.10.2020.

The article deals with the group of phraseological units, united by the theme “weather”. On the material of literary texts, presented in the Russian National Corpus, the frequency of the use of certain phraseological units is analyzed. The ways of entering these units into the structure of the text, as well as the peculiarities of changing their semantics, are studied.

Keywords: phraseological unit, the Russian National Corpus, structural and semantic changes.

УДК 811.161.1'42:398.92:821.161.1-1

Янь Цзяи

ФРАЗЕОЛОГИЗМ БАБЬЕ ЛЕТО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ (на материале Национального корпуса русского языка)

В статье анализируются значение фразеологизма «бабье лето» и особенности его употребления в поэтических текстах. Данный фразеологизм характеризует в стихах и время года, и время жизни. Кроме того, эти мотивы могут объединяться. Особенности использования фразеологизма «бабье лето» в русской поэзии позволяют отнести его к выражениям-поэтизмам.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое сочетание, значение, поэтический текст, компонент.

Названия времен года традиционно характеризуются в языкознании как одна из базовых лексико-семантических групп при описании русской языковой картины мира. Лексика со значением «времена года» представляется в лингвистической литературе в качестве проводника народного мышления. В этой связи особый интерес вызывают фразеологизмы, которые в качестве компонента включают в себя названия времен года.

Предметом данного исследования являются значение и особенности употребления в поэтических текстах русского фразеологизма *бабье лето*.

Сочетание *бабье лето* характеризуется тем, что, с одной стороны, выступая как хрононим, тяготеет к терминологическим единицам и фиксируется в источниках энциклопедического типа и специальных словарях и справочниках именно как терминосочетание. Напр.: *бабье лето* – «период сухой солнечной и теплой погоды в Европе и Северной Америке (где называется “индейским летом”) в сентябре–октябре. Обычно связан с устойчивым антициклоном, длится 2–3 недели» [1]; «сравнительно длительный период сухой, солнечной и необычно теплой погоды осенью» [2]. С другой стороны, данное сочетание, имея иносказательный характер, относится к фразеологизмам и фиксируется во фразеологических словарях: *бабье лето* – разг. ‘ясные, тёплые дни в конце лета, начале осени’; ‘о возрасте женщины 40–45 лет’ [3, с. 358]; ‘ясные, теплые дни в начале осени’; ‘период расцвета женщины в зрелом возрасте’ [4, с. 13]; ‘сухая осень (с 15-го авг. до 1-го или 7-го сентября)’ ‘паутина, летающая летом по полям и лесам, обилие которой предвещает сухую осень’ [5, с. 38].

Таким образом, фразеологизм *бабье лето* в русском литературном языке является многозначным: одно из его значений (самое типичное) актуализирует компонент *лето* (в этом значении фразеологизм называет часть времени года – «как бы лето»); второе значение актуализирует компонент *бабье* (в этом значении фразеологизм образно характеризует гендерно маркированный возраст); в третьем значении (метонимического типа) фразеологизм называет одну из самых ярких примет теплого осеннего периода – летающую в воздухе паутину.

Этимологию данного фразеологизма исследователи считают неясной, указывая на то, что он общеславянский «с широким ареалом в современных славянских языках: бел. *бабіна лета*, укр. *бабине (бабське) літо*; пол. *babie lato*, словацк. *babie (babske) leto*, чеш. *babi leto*, с.-х. *бабино лето*; словен. *babje leto*» [6, с. 338]. В частности, вы-

ражение «связывается с тем периодом в жизни крестьян, когда заканчивались полевые работы и женщины принимались за “собственные свои работы”»: мочили лен, трепали его, ткали»; соотносится со смыслом, основанным «на суеверии: женщины обладают волшебной силой возвращать назад времена года и вообще влиять на погоду» [6, с. 338]. Существуют и другие точки зрения.

В каких же значениях, в каком контекстуальном окружении и с какой целью используется устойчивое сочетание *бабье лето* в русской поэзии? Ответим на эти вопросы с опорой на поэтические тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка [7].

В Поэтическом корпусе НКРЯ фразеологизм *бабье лето* представлен в 29 текстах 41 раз. Хронология вхождений данной единицы в поэтические тексты корпуса следующая: 1908–2016 гг. Первая фиксация, по данным Поэтического корпуса НКРЯ, – в стихотворении М. А. Кузмина «Протянуло паутину...» из цикла «Осенние озера». Среди 29 текстов, включающих анализируемое выражение, – 10 стихотворных произведений с одноименным названием (В. И. Нарбут. «Веселое, широкое зерно...» | Бабье лето (1915–1922); А. С. Головина. «Веселой лени голос [все] призывней...» | Бабье лето (1931); С. В. Петров. «Кусты прозрачны. Дым несмелый вьется...» | Бабье лето (1934); В. И. Нарбут. «Поникшая (...Sic transit...) / На стекло...» | Бабье лето (1933–1936); Д. Б. Кедрин. «Наступило Бабье лето...» | Бабье лето (1941); И. Л. Деген. «Как трудно обстановку оценить...» | Бабье лето (1944); Е. Л. Кропивницкий. «Деревя светлеют и желтеют...» | Бабье лето (1952); Б. Л. Пастернак. «Лист смородины груб и матерчат...» | Бабье лето (1953); О. Ф. Берггольц. «Есть время природы особого света...» | Бабье лето (1956–1960); Н. Н. Туроверов. «Стали дни прозрачнее и суше...» | Бабье лето (1920–1965)).

В анализируемых поэтических текстах выражение *бабье лето* используется в первом и втором значениях. Кроме того, разные значения фразеологизма могут соединяться, переходить одно в другое.

Обозначая погожие, теплые дни в начале осени, фразеологизм *бабье лето* участвует в создании поэтического образа природы, включается в контексты, в которых звучат самые яркие приметы описываемого времени года: *Наступило Бабье лето – / Дни прощального тепла. / Поздним солнцем отогрета, / В щелке муха ожила. // Солнце! Что на свете слаже / После зябкого денька?.. / Паутинок легких пряжа / Обвилась вокруг сучка* (Д. Б. Кедрин. «Наступило Бабье лето...» | Бабье лето (1941)); *Есть время природы особого света, / неяркого солнца, нежнейшего зноя. / Оно называется / бабье лето / и в прелести спорит с самою весною. // Уже на лицо осторожно садится / летучая, легкая паутина... / Как звонко поют запоздалые птицы! / Как пышно и грозно пылают куртины!* (О. Ф. Берггольц. «Есть время природы особого света...» | Бабье лето

(1956–1960)); – *Разве не холодно? – Бабье лето! / – Осень зеркальная! Там и тут / с белой березы, в лазурь одетой, / желтый снижается парашют* (Н. Н. Ушаков. Последний поезд (1934)); *Дерева светлеют и желтеют. / Бабье лето. Бабье лето. Ах!..* (Е. Л. Кропивницкий. «Дерева светлеют и желтеют...» | Бабье лето (1952)).

Несмотря на красоту и привлекательность осенней поры, номинируемой выражением *бабье лето*, поэтические тексты об этом времени года пронизаны светлой грустью, меланхолией: *Настало бабье лето, / День лучше ото дня. / Ах, что же, что же это! / Иль песня, недопета, / Томит меня?* (Ю. Н. Верховский. «Не нужно мне предлога...» (1921–1926)); *Протянуло паутину / Золотое «бабье лето», / И куда я взгляд ни кину / В желтый траур всё одето* (М. А. Кузмин. «Протянуло паутину...» (1908–1909)); *Сжался, осень! Дай нам света! / Защити от зимней тьмы! / Пожалей нас, Бабье лето: / Паутинки эти – мы* (Д. Б. Кедрин. «Наступило Бабье лето...» | Бабье лето (1941)).

Обозначая возраст женщины, фразеологизм *бабье лето* также звучит в контекстах с преобладающей грустно-меланхоличной тональностью: *О мудрость щедрейшего бабьего лета, / с отрадой тебя принимаю... И всё же, / любовь моя, где ты, аукнемся, где ты? / А рощи безмолвны, а звезды всё строже... // Вот видишь – проходит пора звездопада, / и, кажется, время навек разлучаться... / А я лишь теперь понимаю, как надо / любить, и жалеть, и прощать, и прощаться...* (О. Ф. Берггольц. «Есть время природы особого света...» | Бабье лето (1956–1960)).

В поэтических произведениях объединяются мотивы «бабье лето – время года» и «бабье лето – время жизни»: *Стали дни прозрачнее и суше, / Осыпаться начинает сад, / Пожелтели розовые груши, / Золотые яблоки висят. / От плодов, от солнечного света, / На душе спокойней и ясней, / И сюда теперь приходит лето / Из своих пустыющих полей. / Там летят по ветру паутины, / Все хлеба уже давно в снопах. / Бабье лето! Первые морщины, / Первые седины на висках* (Н. Н. Туроверов. «Стали дни прозрачнее и суше...» | Бабье лето (1920–1965)); *Так хрупок день, что страшно поневоле / его задеть: сломаешь – зазвенит. / Он, как соломинка, забыт на праздном поле, / как дряхлая соломина обид. // О старость светлая! Пока не грянут тени, / ты веткой держишься за счастье свое. / На паутинке тонкой и осенней / висит, качаясь, бытие* (С. В. Петров. «Кусты прозрачны. Дым несмелый вьется...» | Бабье лето (1934)).

Таким образом, особенности использования фразеологизма *бабье лето* в поэтических текстах (в частности, реализуемый в стихах семантический потенциал, особый стилистический характер взволнованности и лиричности) позволяют отнести его к выражениям-поэтизмам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой Энциклопедический словарь. 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/63898>. – Дата доступа : 23.10.2020.
2. Словарь по географии. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://geography_ru.academic.ru/464/бабье_лето. – Дата доступа : 23.10.2020.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
4. Федосов, И. В. Фразеологический словарь русского языка / И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий. – М. : «ЮНВЕС», 2003. – 608 с.
5. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – Т. 1. – М. : Терра, 1994. – 792 с.
6. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 19.10.2020.

The article analyzes the meaning of the phraseological unit “бабье лето” [babje leto] and the peculiarities of its use in poetic texts. This phraseological unit characterizes in verse both the season and the time of life. Moreover, these motives can be combined. The peculiarities of using the phraseological unit “бабье лето” [babje leto] in Russian poetry make it possible to refer it to expressions-poetism.

Keywords: phraseological unit, stable combination, meaning, poetic text, component.

Научное издание

**Славянская фразеология и паремиология
в языке и речи**

Подписано в печать 30.11.2020. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 11,86. Уч.-изд. л. 12,96.

Тираж 40 экз. Заказ 564.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель

